

Алан Ислер

ЖИВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

проза еврейской жизни

Алан Ислер ЖИВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

{книжники}

Живое свидетельство
Алан Ислер

Аннотация
Алан Ислер. Живое свидетельство. Роман
1
2
3
4
5
6
Коротко об авторе

Аннотация

Знаменитый художник Сирил Энтуисл — непревзойденный лгун, эгоцентрик, ходок, после войны написавший цикл картин об ужасах Холокоста, а ныне антисемит и враг Государства Израиль — на склоне лет поручает написать свою биографию еврею Стэну Копсу. Копс, ученый, признанный во всем мире мастер биографического жанра, специализировался на книгах о жизни английских, правда, давно умерших художников.

О событиях романа рассказывает писатель Робин Синклер, чья мать была любовницей и моделью Энтуисла в его лучшие и самые плодотворные годы. К тому же Синклер уже лет сорок знаком с Копсом. Вдобавок вся троица очарована соблазнительной Саскией Тарнопол.

Повествуя о сложных перипетиях жизни этой троицы, Синклер рассказывает и о том, чему не один десяток лет был свидетелем, и о том, о чем лишь догадывается.

Алан Ислер, исследуя, насколько достоверны так называемые факты, запечатлевшиеся

в памяти свидетелей, истории и биографии, и мастерски сочетая комедию и трагедию, создал великолепный сатирический роман.

Алан Ислер
Живое свидетельство
Роман

Посвящается Джилл Колридж и Дэну Франклину — и, как всегда, Эллен

1

«Профессор получил пулю в порнопритоне!» Такой вот броский заголовок в «Ивнинг пост», черные буквы вопят, разметавшись по первой полосе. Стэн Копс — совсем уж неожиданно — стал нью-йоркской сенсацией. Для этого понадобилось получить пулю в грудь, но имя Копса стало, пусть и мимолетно, известно — чего прежде его биографы добиться не могли. «Поди прикинь», как некогда говаривали в его родном Бруклине.

Нынче слово «гений» используют без разбора, могут так назвать не только какого-нибудь Леонардо или, скажем, Шекспира, Витген- или Эйнштейна, но и модного шеф-повара или комика. Термин обесценился, потерял блеск, уподобился, по памятному сравнению Фаулера, некогда блестящей монетке, прошедшей через множество рук и побывавшей во множестве карманов. Но при всем при этом меня так и тянет назвать Стэна Копса именно так. Вот человек, который, на мой взгляд, и есть гений, гений посредственности, великан среди карликов в этой густонаселенной области.

Возможно, отец Тристрама Шенди все-таки был прав: существует некое «магическое влияние», которое имя оказывает на характер ребенка, определяя его нрав и поведение. Копса назвали Стэном, это имя стоит на титулах его книг, им подписаны его научные и журналистские статьи. То есть Стэн — это не уменьшительное имя для близкого круга, не сокращенная форма от некогда аристократического «Стэнтон», по-джойсовски экстравагантного «Станислаус»[1] или даже вполне ожидаемого «Стэнли». Мне приходит на память единственный Стэн — один из пары Лорел Харди[2], но и насчет него я не очень уверен. Стэн — имя, навевающее жуткую скуку, на эти плечи так и хочется накинуть плащ, который Скука в «Дунсиаде»[3] Поупа скидывает лишь однажды.

С Копсом я познакомился три с лишним десятка лет назад. Его тогда назначили старшим препода-

---

[1] Примечания: 1

Станислаусом звали младшего брата Джеймса Джойса. — *Здесь и далее примеч перев.*

[2] Примечания: 2

Стэн Лорел (1890–1965) и Оливер Харди (1892–1957) — американские киноактеры, одна из самых популярных пар в истории комедийного кино.

[3] Примечания: 3

«Дунсиада» — сатирическая поэма английского поэта Александра Поупа (1688–1744). Одна из героинь поэмы, Скука, однажды укрывает своим плащом падшую монахиню.

вателем английской кафедры колледжа Мошолу, в те времена самого престижного заведения в составе Городского университета Нью-Йорка. А я был приглашенным писателем, с контрактом на два года. Мой первый роман «Залечь на дно» был напечатан за год до этого в Англии, прессу получил хорошую, но продавался плохо. Один из членов комиссии Мошолу по персоналу и бюджету, читавший если не сам роман, то литературное приложение к «Таймс», предложил мою кандидатуру, поскольку с творческими личностями в колледже было слабовато. Декан английской кафедры послал мне — через моих издателей — письмо, где спрашивал, заинтересован ли я и считаю ли себя достаточно квалифицированным, чтобы преподавать «на университетском уровне». В моем послужном списке были степени бакалавра и магистра, полученные в Лидсе, штук пять рассказов в журналах, уже почивших в бозе, и рецензия на роман Кингсли Эмиса в «Ревьюерз ревью», демонстрировавшая мое умение писать резко и язвительно. Признаю, негусто, но Мошолу получил меня почти задаром. А для меня это был шанс повидать Америку. Да и работу получить было кстати.

Эти два года обстоятельства сводили нас вме-

сте. Мы оба были новичками в кампусе, оба присматривались. Впрочем, Копс, в отличие от меня, рассчитывал сделать там карьеру — естественно, до того, как получит приглашения от более солидных заведений — из Гарварда, Принстона или, скажем, Йеля. Он намеревался как можно быстрее «стать более заметным на академическом горизонте». Поэтому ему следовало торопиться, вот он и торопился, чем сразу же заслужил неодобрение коллег. Со старшими сотрудниками кафедры и с руководством колледжа он общался не без подобострастия, с раболепием, которое указывало на смирение, однако предполагало и гордыню. На заседаниях кафедры он вел себя так, словно это были семинары в магистратуре: демонстрировал энтузиазм, интеллект и — что из скромности лишь подразумевалось — превосходство в научной сфере. Пожизненной должности он еще не получил, но кичился собранием своих статеек, выступлениями на научных конференциях и первым из опубликованных им научных опусов в книге «Долина теней. Охота на призраков у Теккерея и Холмана Ханта»[4] перед

[4] Примечания: 4

Холман Хант (1827–1910) — художник-прерафаэлит, написал мемуары «Прерафаэлитское братство», где дал нелицеприятные портреты современников.

такими же еще не получившими пожизненной должности, но менее плодовитыми коллегами. Там шла настоящая война, и Копс — боец по натуре — готов был штурмовать крепость. Сам я с ним вполне ладил. Я, видите ли, не представлял для него угрозы и ни в каком смысле соперником ему не был. Контракт на два года, затем я исчезну.

Собственно, я считаю, что главной его проблемой был его облик — манера держаться и внешность, а с ними он, бедолага, ничего не мог поделать. Поразительно, насколько неверное они могут производить впечатление. «Вот как обманчив внешний вид людей!»[5] У одного моего знакомого, помимо его воли, на губах блуждает улыбка, глаза добродушно прищурены, даже если он чем-то расстроен. И пусть он говорит что-то скорбное, выглядит он всегда жизнерадостно. Такие люди к себе располагают. В их обществе у всех поднимается настроение. Но у Стэна мышцы лица устроены так, что он кажется хитрым пронырой, из тех, кто всюду пролезет без мыла. Что производит такое впечатление, сказать трудно. Он невысокого роста, косматый, с бородой. Из-за густой черной шевелюры и бороды он в те

---

[5] Примечания: 5

У. Шекспир, «Макбет». Действие I, сцена 4. Перевод Б. Пастернака.

годы походил на миниатюрного, пусть и отлично вышколенного, но неандертальца или сатира. Губы у него пухлые, когда приоткрыты, видны крупные квадратные зубы, и парочка передних выпирает. Когда он с тобой разговаривает, его глаза за толстыми стеклами очков щурятся, что придает ему заговорщицкий вид. К тому же, быть может, пытаясь избавиться от разномастного языкового наследия паренька из Бруклина, он облекает самые обычные высказывания в «академическую» форму и разговаривает на совершенно искусственном витиеватом арго, который так приветствуется многими учеными журналами — во всяком случае, в те времена он пользовался им на всех публичных мероприятиях, но в беседах с глазу на глаз не всегда. Фигура у него подтянутая, чего он добивается, как мне довелось узнать, фанатично соблюдая строжайшую, чуть ли не до голодовок, диету. Хуже всего то, что он подходит слишком близко, вторгается в пространство собеседника. Короче, хоть его собственной вины в этом нет, его довольно просто невзлюбить.

Стэн знал, что его невзлюбили, не понимал только почему. Как-то днем он поделился со мной своими опасениями в кофейне «У Космо», где в те

времена собирались все интеллектуалы и эксцентрики Верхнего Вест-Сайда, и посему туда ходили других посмотреть и себя показать. Там в темных уголках сидели те, кто продвигал и опровергал все веяния американской мысли: авторы «Партизан ревью», философы-марксисты, сионисты из Старого Света, стареющие профессора Колумбийского университета и их обворожительные поклонницы из Барнарда[6], даже пара-тройка поэтов, например Макс из Морнингсайда, местный сердитый битник, — время от времени он, возвысив голос, читал фальцетом свои вирши посетителям «Космо». Стэн ходил туда со времен магистратуры.

По четвергам мы с ним заканчивали в одно время, а поскольку жили мы оба в Верхнем Вест-Сайде, Стэн частенько подбрасывал меня до Манхэттена. Однажды он предложил зайти выпить кофе и познакомил меня с «Космо».

— Здесь бывает Диана Триллинг, — сказал он, показывая на пустовавший столик. — А еще

[6] Примечания: 6

Барнард-колледж — частный женский гуманитарный колледж на Манхэттене.

Филип Рав, Ханна Арендт[7], Норман Ривкин. Посмотри, в том углу обычно сидит Сало Барон, историк, и ребята из ТСО. — Заметив, что я озадачен, он пояснил: — Из Теологической семинарии объединения[8].

— Ты действительно видел здесь кого-нибудь из этих людей? — спросил я.

— Ну, нет. Не совсем. Один раз я входил, а Норман Ривкин выходил. Но они сюда ходят, это все знают.

Кофе в «Космо» был по тем давнишним временам вполне приличный. Разумеется, никаких вариантов, разве что с молоком или со сливками. Ни тебе без кофеина, ни эспрессо, ни латте, ни каппучино и так далее — ничего из того смехотворного разнообразия, к которому нас приучили заведения вроде «Старбакса». Но по сравнению с тем, что обычно подавали в нью-йоркских кофейнях, кофе в «Космо» был особый: густой, с крепким запахом, почти венский — последним он напоминал самого Космо, благодушного бе-

---

[7] Примечания: 7

Диана Триллинг (1905–1996), Филип Рав (1908–1973), Ханна Арендт (1906–1975) — писатели и критики, входившие в середине XX века в группу «Нью-йоркские интеллектуалы».

[8] Примечания: 8

ТСО (Теологическая семинария объединения) — теологическая школа Церкви объединения.

женца из Австрии, кудрявого толстяка с вечно озадаченным лицом, почти двойника С. З. «Обнимашки» Сакалла — кто постарше, его может помнить, он сыграл множество эпизодических ролей в голливудских фильмах сороковых.

Стэн сидел в задумчивости над своим кофе, все помешивал его и помешивал. А потом вдруг вскинул голову, взглянул на меня — глаза за толстыми стеклами очков хитро прищурились.

— Боб, ты ходишь к аналитику?

— Меня зовут Робин, — поправил его я ледяным тоном. — Не Боб, не Бобби, не Робби, а Робин.

Думаю, именно тогда я и вступил во все ширящиеся ряды тех, кто невзлюбил Стэна.

Я часто замечаю, что какая-нибудь с виду незначительная деталь может навсегда изменить отношение к человеку. Однажды, на склонах Давоса, я увидел, что нос моей тогдашней возлюбленной покраснел, а на его кончике висит прозрачная капля, и тут налетевший ветер сдул ее, она упала — шмяк! — мне на перчатку, я невозмутимо отвернулся и другой рукой показал — якобы восхищаясь — на лыжника у подножья склона. Мне хотелось избавить нас обоих от неловкости и дать ей время достать носовой платок. Антония была молода, несомненно умна и

красива. Мы, полагаю, были влюблены. Собственно говоря, я намеревался в конце этого короткого зимнего отпуска сделать ей предложение, а она, по всей видимости, этого ждала. Но я ничего не предложил, мы вернулись в Лондон, и все вроде бы было хорошо. Однако после того дурацкого швейцарского эпизода наши отношения становились все натянутее. Мы все больше отдалялись друг от друга и наконец расстались. Но только после того, как она — на ее нижних веках дрожали капли, как тогда, в Давосе, — спросила меня, что у нас пошло не так. («Мы были так счастливы, Робин!») Ну разве мог я все ей рассказать?

(*«Однажды, на склонах Давоса…»* До чего напыщенно! Создает совершенно ложное впечатление. Я в ту пору был не то чтобы без гроша, но точно уж не мог — в смысле финансов — вести тот образ жизни, который подразумевает эта фраза. Мы с Антонией оказались в Давосе не потому, что стояли на той ступеньке социальной лестницы, где находятся люди, выезжающие «на короткие зимние каникулы» в такие модные места, а потому, что она каким-то чудесным образом заняла первое место в конкурсе для рекламы зимней спортивной экипировки. Анкета выпала из женского журнала: она читала его в салоне красоты,

ожидая, когда Дорис сотворит чудеса над ее волосами. Антония всегда была суеверна и внезапное появление анкеты сочла знаком — как карту Таро, что открывается не по воле случая, а исключительно силой предупреждающей судьбы.

Даже то, как я упомянул, почти вскользь, имя Антонии, может ввести в заблуждение. Что вы себе представили? Быть может, девушку из аристократической семьи? Фамилия ее Форчайлд, ее отец, Бэзил Вощило, в годы войны находился в Великобритании, был сержантом Польских вооруженных сил в изгнании, в 1945 году решил здесь поселиться и переделал свою фамилию на английский манер, дослужился после войны до начальника цеха на лакокрасочной фабрике, и они с женой, урожденной Энид Госсен, произвели на свет семерых детей, старшей была Антония.)

— У ты какой обидчивый! — сказал Стэн. — Я что, нарушил какое-то нам, простым смертным, неизвестное английское табу? Ну ты уж прости, лады? Так как? Я про психоаналитика. Слушай, я не хочу тебя пытать. Просто скажи, да или нет.

— Да я же только с банановоза. Не было времени обзавестись приличным нью-йоркским неврозом.

— Я уже много лет хожу.

— И что, стал лучше?

— Главное — почему я хожу.

Стэн отхлебнул кофе и умоляюще посмотрел на меня поверх чашки.

Я наживку не заглотил.

— Робин, люди меня не любят. Впервые я это заметил в старших классах. Может, и раньше так было. Но ты наверняка видел это в колледже, особенно на заседаниях кафедры. Ведь я прав? Что бы я ни говорил, я чувствую враждебность, молчаливую насмешку, а еще эти понимающие улыбочки: мол, глянь, вот он опять. Робин, ну почему так? Я даже думал, может, завидуют?

Я продолжал молча сидеть, уткнувшись в чашку с кофе.

— Родители меня тоже недолюбливали. Им куда больше нравился мой братик, Джером, чтоб ему пусто было, он важная шишка — адвокат, при деньгах.

Я по-прежнему предпочитал хранить молчание.

— Робин, а тебе про меня что-нибудь рассказывали?

— Бога ради, я тебя умоляю!

— Так, может, ты с ними заодно, а, Робин? Ты уже на их стороне? Я что, с врагом разговари-

ваю?

Я как мог уверил его в обратном, смущаясь при том куда сильнее, чем мне свойственно, и за свою доброту получил приглашение на ужин в субботу.

— Увы, у меня на субботу билеты в «Метрополитен».

— А что дают? — недоверчиво прищурился Стэн.

— *Cosi fan tutte*[9]. — Ответ у меня был наготове. К счастью, все вышло вполне правдоподобно: я пытался, хоть и безуспешно, раздобыть билеты именно на этот спектакль.

— А-а-а, ну понятно. Ну, тогда через субботу. Хоуп мечтает с тобой познакомиться.

Я был обречен.

Многое из того, что я рассказал о Стэне (во всяком случае, тон моего изложения), возможно, окрашено стародавней завистью. Разумеется, я рассказал вам правду — ту, какой она мне тогда виделась. Но будет справедливо признать, что я не беспристрастен. Саския досталась ему, а не мне. Но до Саскии еще дело не дошло. Тогда у него была только Хоуп.

---

[9] Примечания: 9

Cosi fan tutte — «Так поступают все женщины», опера В. А. Моцарта.

* * *

Броский заголовок на всю первую полосу «Ивнинг пост», привлекший мое внимание, относился не только к короткому экстренному сообщению. Внутри было продолжение, правда, только на шесть строк — больше истекавший кровью и пребывавший в шоке Стэн не успел сообщить первому полицейскому, который прибыл на место происшествия. «Стэн Копс, заслуженный профессор кафедры английского магистратуры искусства и науки Городского университета Нью-Йорка, получил ранение в грудь. Выстрел, возможно случайный, был сделан неизвестным на пороге книжного магазина и массажного салона для взрослых „Усталый путник“ на Десятой авеню, между 45-й и 46-й улицами. Его срочно доставили в больницу Рузвельта, есть надежда, что рана не смертельна».

Я был в Нью-Йорке, где начинался мой тур с новой книгой — по семи городам, с конечным пунктом в Лос-Анджелесе. Мой роман «Свежий ветер» только что вышел в Америке, и отзывы здешних критиков во многом совпали с отзывами их английских коллег. После поездки я собирался провести пару недель со старыми друзьями

в Малибу. Короче, времени между встречей с читателями в Нью-Йорке и отлетом в Чикаго было в обрез, и я не успел подробнее разузнать о состоянии Стэна. Однако я позвонил Майрону Тейтельбауму, специалисту по англосаксонской литературе, с которым был знаком еще по Мошолу, и, что смог, выяснил. В ту пору Майрон еще не получил постоянной должности, а теперь дослужился до декана английской кафедры. Мы обменялись любезностями, и я спросил его, какие есть новости про Стэна.

— Про какого Стэна?

— Про Стэна Копса. Ты что, не видел «Ивнинг пост»?

— Если ты про то, читал ли я «Ивнинг пост», то с гордостью сообщаю: не читал. Стэн, что, статью им написал? — Он хохотнул. — Чего рано или поздно следовало ожидать.

Я рассказал ему, что в Стэна стреляли.

— Ты серьезно? Ого! И кто? Студент?

Я рассказал все, что знал.

— В «порнопритоне»? Ты меня разыгрываешь, да? Нет, правда, ты шутишь? Так, милый, дай дух перевести! Ой-ей-ей! — Тейтельбаум быстро взял себя в руки. — Ужас какой, кошмар! Никому такого не пожелаешь. Но он выкарабкается?

— В «Пост» написали, что должен выжить.

— Слава богу! Его в Рузвельта отвезли?

— Судя по «Пост», да.

— Ты знаешь, что Энтуисл заказал ему свою биографию?

— Знаю.

— Одному богу известно, почему. А может, и ему неизвестно.

— Слушай, я позвоню тебе через пару дней. К тому времени, надеюсь, ты что-нибудь выяснишь. Договорились?

— Конечно, конечно, дорогой! В секс-шопе? Вот это да! Ой-ей-ей!

* * *

В те далекие времена у Стэна была квартира на Западной 84-й, к востоку от Бродвея. Я был пунктуален — уже понял, что в Америке пунктуальность, особенно если речь об ужине, почитается за добродетель. Дверь в квартиру словно чудом оказалась открыта, передо мной был длинный коридор, ведший, по-видимому, в ярко освещенную гостиную. До меня донеслась бодрая мелодия концерта для флейты Хоффмай-

стера[10]. Где-то на уровне моего бедра раздался голос:

— Привет, я Джейк.

Я опустил глаза и увидел мальчика в наглаженных брючках и футболке с надписью «Воспитание или питание?».

— Привет, Джейк!

— А вы?… — спросил он настороженно.

— Я Робин, друг твоего папы.

— Тогда понятно, проходите. — Он неуклюже повел рукой — так, наверное, его учили в театральном кружке. — Мама приводит себя в порядок, а папа пошел купить еще газировки, но тетя Филлис уже вас ждет. Папа сказал, она будет на сегодня вашей парой.

— Джейк, что ты такое говоришь! — Тощая дамочка с землистым лицом и ярко накрашенными губами хмуро и очевидно нехотя встала, отложив кроссворд и карандаш, с кресла. Наряд у нее был экзотический — оранжевая бархатная юбка в пол и мохнатая пестрая кофточка — в нем она походила на тропическую птицу. — Здравствуйте, я — Филлис Рот, сестра Хоуп. Не слушайте Джейка.

Мы оба явно не понравились друг другу с пер-

---

[10] Примечания: 10

Франц Антон Хоффмайстер (1754–1812) — немецкий композитор.

вого взгляда.

— Очень приятно. Я — Робин Синклер. — Она взглянула на протянутую мной руку со смесью удивления и подозрения, но все-таки решилась ее пожать. — Кажется, я пришел слишком рано.

— Нет-нет, вы вовремя. Стэн объяснил, что англичане опаздывают на полчаса, не меньше, поэтому вам он сказал приходить в семь тридцать, а остальным — от восьми до половины девятого. Похоже, он просчитался, — выдавив из себя усмешку, обратилась она к моему подбородку. — Выпьете что-нибудь? — Она показала на буфет со всем, что положено.

— Виски, пожалуйста.

— Со льдом?

— Нет, чистый.

— Вы уж тогда лучше сам себе наливайте. Я всегда теряюсь, когда безо льда. То много налью, то мало.

Я плеснул себе неразбавленного.

— А вы что будете?

— Я пойду посмотрю, что там Хоуп копается.

И она выскочила из комнаты, словно спасаясь от погони.

— И что вы преподаете, Робин?

Мальчишка снова возник передо мной. По-

видимому, он ходил и на другие развивающие занятия — по умению вести светскую беседу.

— Литературное мастерство.

— Но разве можно, — с серьезным видом спросил он, — научить литературному мастерству?

— Джейк, сколько тебе лет?

— Восемь, скоро будет девять.

— Что ж, ты достаточно взрослый, чтобы знать правду, — ответил я, — но пусть это останется нашей тайной. — Я наклонился и шепнул ему на ухо: — Нет, литературному мастерству научить нельзя. Я мошенник. Но ты не бери это в голову. Если сохранишь мою тайну, об этом никто не узнает.

Наша беседа прервалась, поскольку появилась хозяйка — возбужденная, запыхавшаяся, каждое ее движение предварялось позвякиванием бесчисленных серебряных браслетов на пухлом запястье. Насколько сестра ее выглядела тощей, настолько она — толстой, или даже еще толще, но определить это было трудно, так как на ней был балахон, возможно, ее же производства, поскольку он был того же материала и тех же расцветок — полосы лилового и сизо-голубого с проблесками золотой нити, — что и покрывало в квартире, которую я снимал на 87-й улице. Несмотря на

двойной подбородок, она была хорошенькая, ножками в домашних туфельках перебирала весьма изящно.

— О, профессор Синклер! Можно, я буду звать вас Робином? Как же обидно, что я не успела вас встретить! Ну что я могу сказать? Простите-извините. Я читала вашу книгу. Боже, это что-то! Джейк за вами поухаживал? Господи, а где же Филлис прячется? Не волнуйтесь, она вот-вот появится. Вы с ней наверняка поладите, я это чувствую. Куда же Стэн запропастился? Он мне столько о вас рассказывал, Робин! Знаете, я просто обожаю Англию. Мы со Стэном провели там медовый месяц. А, слышу ключ в замке. Стэн! Стэн! Боженьки, где ж ты был? Робин уже здесь.

Появился Стэн, сияющий, вспотевший, в джинсах и клетчатой фланелевой рубашке — то есть одетый еще не для гостей. Одной рукой он прижимал к груди бумажный пакет, в другой был пакет со льдом.

— Робин, привет! Через пару минут я к вам присоединюсь.

И он вышел — видимо, направился сначала на кухню.

Тишину прервал звонок домофона.

— Джейк! — крикнула Хоуп. — Умница моя, ты

будешь открывать всем дверь.

Вскоре Джейк привел Майрона Тейтельбаума — он тогда еще был молод и не получил постоянную должность — и его жену Роду. В те времена у Майрона еще были пшеничные волосы копной, на манер Харпо Маркса[11], и пышные усы. Он уже был почти готов пуститься в исследование собственной сексуальности — я имею в виду его скандальное заигрывание с гомосексуальностью, завершившееся его «выходом из шкафа», в котором он, сам того не подозревая, все это время просидел. Выход получился столь экстравагантным, что его прозвали Повелителем Мух. Впрочем, в тот период данью эпохе, в которой мы жили, у него были лишь ярко-желтый шарф на шее и хипповские бусы, на которых болтался *crux ansata*[12]. Рода была худая, тусклая и нервная. Их роман начался еще в университете, для обоих это был первый сексуальный опыт, и они сочли брак единственно возможным следствием столь дерзкого поступка.

— Что-нибудь выпьете? — рьяно взялась за

---

[11] Примечания: 11

Артур Маркс (1988–1964) — американский комик, известный как Харпо Маркс, член труппы «Братья Маркс».

[12] Примечания: 12

Так называемый «египетский крест», анх.

роль хозяйки Хоуп. — Майрон!

— Мне «Кровавую Мэри», пожалуйста.

— Отлично. Джейк знает, что это такое. Рода, а ты?

— Я? Да, конечно! Милый, а что я пью?

Майрон возвел глаза к потолку.

— Боже ты мой, чего ты только не пьешь. Да все, что предлагают.

— Лапа, прекрати! Джейки, мне капелюшечку джина с тоником.

Тут внезапно возник Стэн, бодрый, одетый в академическом, еще не утратившем актуальности стиле — серый твидовый пиджак «в елочку», серые брюки, белая рубашка, полосатый галстук. Уже легче. На руке у него висела Филлис, заглядывавшая ему в глаза.

Некоторое время мы болтали, жевали, прихлебывали. Филлис старательно поворачивалась ко мне спиной. Рода — она, чтобы удобнее было подливать, держалась поближе к столику с напитками, — вдруг воскликнула, взмахнув рукой со стаканом так, что плеснула немного на паркет:

— Какая чудесная квартира! Говорила я Майрону, надо было снимать на Манхэттене. К чертям Нью-Джерси!

— Ужин подан, — поспешила сообщить Хоуп.

На столе были расставлены карточки с написанными от руки именами. Мы расселись по своим местам. Перед каждым стояла тарелка, где на подушке из салата возвышалась небольшая горка рубленой печенки.

Джейк наклонился к матери и громко шепнул ей на ухо:

— У меня в комнате, в шкафу, мужчина. Вдруг он опасен?

— Милый, не говори ерунды. Ой, Джейк, ты посмотри, который час! Пора пожелать всем спокойной ночи. Можешь почитать полчаса перед сном.

Хоуп встала.

Мы все от души пожелали Джейку спокойной ночи. Хотелось добавить «наконец-то». Я всегда терпеть не мог детей, которые общаются со взрослыми как с равными.

Хоуп извинилась и пошла проверить что-то на кухне.

— А вы, пожалуйста, ешьте! Я на минуточку.

Но отсутствовала она куда дольше. Мы уже давно доели печенку, когда она вернулась. К тому времени Рода единолично расправилась с половиной бутылки поданного к столу дешевого

вина. Разговор тянулся вяло. Сидевшая справа от меня Филлис устало спросила, как я обживаюсь в Америке, но едва я приступил к своему обычному ответу, она обратилась к сидевшему напротив Майрону и спросила, видел ли он новую выставку в МоМА[13]. Видимо, она считала, что беседовать — значит задавать вопросы.

Хоуп, которая первую перемену блюд пропустила, принялась собирать тарелки.

— Ой, боже мой, Стэн! Вот уж рассеянный профессор! Ты же забыл зажечь *свечи*!

Свечи были воткнуты в оплетенные соломой бутылки из-под кьянти. Стэн наклонился, чтобы их зажечь.

— Господи! — буркнула Рода и икнула, прикрыв рот. — Только не надо религиозных церемоний и ритуалов! Я ими сыта по горло.

— Рода, это же шабат, — раздраженно одернул ее супруг. — Господи Иисусе, имей хоть каплю уважения. Ты в еврейском доме. Не все мы забыли свои корни.

— Да это вообще ни при чем, — сказал Стэн. — Шабат начался на закате. Впрочем, для нас это неважно. Религию я оставил на долю родственни-

---

[13] Примечания: 13
Музей современного искусства в Нью-Йорке.

кам, благослови их Господь. — Он со значением усмехнулся. Чтобы дать нам понять: парадокс не случайный, а намеренный, образчик игры его ума. — Свечи исключительно для украшения. Хоуп считает, что так романтичнее.

— Я за это выпью! — сказала Рода и повернулась ко мне. — Плесните-ка мне еще, дружок!

Подали куриный бульон, в каждой тарелке плавало по гигантской клецке из мацы. Это блюдо Рода проигнорировала — она сосредоточилась на стоявшей перед ней очередной бутылке кислятины. Ее муж, пытаясь отломить кусок клецки, забрызгал ей платье, и она, пошатываясь, ринулась в ванную, чтобы жирные капли окончательно не испортили ее лучший наряд.

— Мы со Стэном обожаем Лондон, — обратилась ко мне через стол Хоуп. Она оглядела присутствующих, давая понять, что делится этим сообщением со всеми.

— Понятное дело, кто его не любит? — весело подхватил Майрон. — Мы же с английской кафедры.

— Мы там провели медовый месяц, — продолжала Хоуп. — Никогда не угадаете, где мы останавливались. Стэн такой романтик!

— Кому-нибудь добавить супа? — спросил Ст-

эн. — Хоуп, милая, никому не интересно, где мы останавливались. Пора подавать следующее блюдо. Родная, давай сосредоточимся на этом.

— Мы жили в отеле «Стэнхоуп» на Стэнхоуп-клоуз. — Она обвела глазами стол, словно призывая это оспорить. — Стэн-Хоуп, понятно? Там было изумительно. Мы бы мечтали туда вернуться. Робин, вы знаете «Стэнхоуп»?

К своему стыду, я его знал. Одна из тех захудалых гостиниц, которые организуют, объединив несколько дешевых домов, в каких обычно живут небогатые клерки. Я там останавливался примерно в то же время, что и молодожены Копсы. Я тогда только что получил мало на что годный диплом магистра и переехал из Лидса в Лондон, намереваясь засесть за роман. Стэнхоуп-клоуз находится в Килберне, к западу от Эджвэр-роуд. Ничего приличнее «Стэнхоупа» я не мог себе позволить. Сейчас его захватили арабские террористы, наркоманы и проститутки. Полиция об этом знает и, полагаю, благоразумно обходит его стороной.

От необходимости отвечать меня избавило появление Джейка в пижаме.

— Мамочка, мамочка, там в ванной какую-то даму тошнит. Она меня разбудила.

— Что за глупости, Джейк! Тебе просто плохой сон приснился, — сказала Хоуп. — Давай, я отведу тебя в кровать.

— Наверное, это Рода, — приподнялся со своего места Тейтельбаум. — Пожалуй, схожу посмотрю.

— Я сама схожу, — ответила Хоуп. — Мне все равно туда.

Она вышла вместе с Джейком, и из глубин квартиры донесся приглушенный разговор. Наконец она вернулась, сияя улыбкой.

— Бедняжке Роде, увы, нехорошо. Она прилегла у нас в спальне.

Тем временем Стэн взял беседу в свои руки, сыпал историей за историей, делился результатами своих исследований, посвященных прерафаэлитам.

— Когда белый козел умер от теплового удара, и во всей Святой земле не нашлось другого такого же окраса, во всяком случае так сообщили ему плуты-слуги, Холман Хант велел выкрасить в белый обычного козла и, как истинный англичанин, продолжил свой труд.

Стэн вещал так, пока мы ели основное блюдо — говяжью грудинку с печеной картошкой и цимесом, жуткой бурдой из моркови с медом

и тростниковым сахаром. Глаза у нас уже туманились. Похоже, рассказы его интересовали одну Филлис. Она в нужных местах охала, ахала, хихикала или восторженно вздыхала. В одном месте она даже схватила его за локоть, словно ища у него защиты. Хоуп улыбалась, но в глазах ее стояли слезы.

Нашим спасителем выступил Майрон.

— *Hwæt!*[14] — возопил он. И тотчас наступила тишина.

— Истинно, о викингах слыхали мы! — вступил я.

— Отлично, Робин, — ответил Майрон. — Но я хотел обратить внимание на свою супругу.

Он указал на Роду, которая стояла, держась за дверной косяк. Ее и без того бледное лицо приобрело зеленоватый оттенок.

— Отвези меня домой, Майрон, — проскулила она. — Я хочу домой, мне очень плохо.

Я заметил, как в глазах Стэна, устремленных на обмякшую Роду, мелькнула искра убийственной ненависти.

— Увы, нам придется откланяться, — сказал Майрон, — раз уж Роде так нехорошо. — Он взгля-

---

[14] Примечания: 14

В древнеанглийском это слово использовалось для привлечения внимания. Его можно перевести как «слушайте».

нул на часы. — О, уже поздно!

— Действительно поздно, — сказал я. — Вечер был незабываемый, однако и мне пора восвояси.

— Но у нас даже не было десерта с кофе, — запричитала Хоуп. — Я сделала «Павлову».

— А можно будет талоном на десерт воспользоваться в следующий раз? — спросил Майрон.

— Договорились, — стиснув зубы, буркнул Стэн.

— Я останусь, помогу убрать со стола, — сказала Филлис.

— Мамочка! — В дверях снова возник безутешный Джейк в пижаме. — Этот страшный человек опять у меня в шкафу. У него томми-гав.

— Томагавк, запомни ты наконец! — одернул его Стэн. — То-ма-гавк, а не томми-гав. Что с тобой такое?

Джейк расплакался.

— Ой, Джеки, — натужно рассмеялась Хоуп. — Тебе просто приснился плохой сон. Иди ко мне, глупышка, я отведу тебя в кровать. — Она обвела гостей ошалелым взглядом. Мы смущенно переминались с ноги на ногу. — Стэн вас проводит. Давайте в ближайшее время все повторим, хорошо? Сами понимаете, с детьми такое бывает. Здорово было с вами повидаться!

И, стараясь сдержать рыдания, Хоуп отвернулась, взяла Джейка за руку и, на удивление легко для такой полной женщины, выбежала из комнаты.

— Вот черт! — сказал Стэн.

* * *

Вернувшись с Западного побережья, я пытался связаться со Стэном, но безрезультатно. Он теперь жил в округе Вестчестер, в Скарсдейле, со своей второй женой Саскией Тарнопол. Да, с той самой Саскией, о которой я уже упоминал. У Саскии — собственное литературное агентство, «Безграничные таланты», общество с ограниченной ответственностью, что, вне всякого сомнения, в последние годы Стэну было весьма на руку. Я не мог пробиться дальше автоответчика: «Привет! Мы сейчас не можем подойти к телефону, но если вы назовете свое имя и номер телефона, мы перезвоним при первой возможности». Голос был Саскии, глубокий, прокуренный, незабываемый. Во мне он тут же пробуждал желание.

Мы с Саскией повстречались много лет назад на вечеринке в Лондоне: она, только что получив в Бостоне диплом психолога, решила год провести за границей. Меня к ней потянуло сразу

же, я пытался сразить ее отработанным способом — демонстрируя обаяние и остроумие. Но она в то время была страстно влюблена в студента Лондонской школы экономики, высокого чернокожего парня из Ганы, с моноклем и ослепительной улыбкой, и шансов у меня не было. Мне она дежурно улыбалась, а взгляд ее следил за возлюбленным, плавно перемещавшимся от одной группы к другой. Разумеется, все это происходило задолго до того, как Стэн впервые взглянул на нее, его пронзило, и положение Хоуп стало безнадежным. Однако в моей памяти она осталась как воплощение женственности, как Дульсинея, отвечавшая всему донкихотскому во мне, и именно ее образ я воплощал в героинях своих романов.

Я оставил сообщение на автоответчике, подчеркнул, что буду в Нью-Йорке еще только три дня, после чего вернусь в Лондон. Дал телефон своей гостиницы.

Майрон поделился со мной подробностями. Пуля, ранившая Стэна, прошла под нижним левым ребром и вышла в спине, однако жизненно важные органы чудом не задела. Он потерял много крови, но в больнице Рузвельта его не сочли пациентом, требовавшим повышенного внимания.

— Этот тип своего не упустит, — фыркнул Майрон. — На следующий день в «Таймс» появилась статья с библиографией всех его трудов, списком академических заслуг, отрывком из биографии Энтуисла, которую он пишет, была даже упомянута его отважная женушка Саския Тарнопол, «владелица известного литературного агентства». Вот, я тебе зачитаю: «Мой отец — ньюйоркец до мозга костей, — сказал сын ученого Джейкоб Копс, адвокат в известной фирме „Келли, Тимко и Лайонс“ на Уолл-стрит. — Он всю жизнь бродит по этим улицам. Случившееся его не остановит». И неважно, что Стэн при первой же возможности сбегал из города. Неважно, что лето проводил в Тоскане или на Майорке. Нет, этот парень — *echt*[15] ньюйоркец: пастрами, ржаной хлеб и мугу-гай-пан[16] у него в крови.

— А известно, что он делал в порнозаведении?

— Разумеется. Он заскочил туда, потому что начинался дождь и он боялся промокнуть, хи-хи.

— Полиция выяснила, почему стреляли в него?

— Пишут, что «приняли за другого». А нападав-

---

[15] Примечания: 15

Настоящий (*нем.*).

[16] Примечания: 16

Американская версия китайского блюда из жареных курицы, грибов и овощей.

ший скрылся. Это значит, что им ничегошеньки не известно.

— Я звонил в Скарсдейл. Там только автоответчик.

— Миленький, нету их там. Стэн восстанавливает здоровье на ферме у брата, в Коннектикуте. Лошади и все такое. Номера в телефонной книге нет. Неплохо для мальчонки из Бруклина, а?

Это напомнило мне, как жестоко сказал Фрейд, узнав, что в Глазго умер Яков Адлер[17]: «Для паренька из местечка умереть в Глазго — это уже успех».

* * *

Порнопритон, где претерпел страдания Стэн, напомнил мне — как не напомнить — о его попытках сочинять порнографические романы: он говорил об этом как о халтуре, способе подзаработать — аренду квартиры на 84-й и плату за школу Джейка повысили одновременно, в один месяц. Он рассказывал мне, что настрочил роман за неделю пасхальных каникул, это был триллер о контрабанде кубинских сигар в Штаты, легкое

---

[17] Примечания: 17

Яков Адлер (1855–1926) — американский еврейский актер, родился в Одессе.

чтиво в классической манере Эрика Эмблера или Грэма Грина, но с изобилием «разнузданного секса», что привлечет еще больше читателей. «Мерзкая вещица, сэр, но из-под моего пера, — скромно сообщил мне Стэн, водрузив рукопись на мой стол. — К вашим услугам, — добавил он, сияя. — Наслаждайтесь!»

В тот вечер я открыл наугад «Кубинские причуды» и начал читать.

Она лежала на подстилке и смотрела, как он выходит из моря: обнаженный молодой бог, по мускулистому телу которого нежно скользили блестящие капельки воды и падали, словно нехотя отрываясь от него, дальше. Она никогда прежде не видела такого великолепного мужчины, такого идеального торса, таких стройных ног. О его возбуждении свидетельствовало мужское достоинство, как меч, решительно и дерзко устремленное прямиком на нее. «En garde![18]» *— подумала она.*

Он лег рядом с ней на спину, и теперь орган его возбуждения указывал на сияющие звезды и яркую луну, с любопытством взиравшие сверху.

Страх оставил ее, а вместе с ним испарилась

---

[18] Примечания: 18
Здесь: в боевой готовности (*фр.*).

и скромность. Она повернулась к нему, лаская взглядом его мускулистые руки, узкие бедра, крепкие волосатые ляжки. Глаза его были закрыты, он не произнес ни слова, и только едва подрагивал его вздымавшийся член. Она мигом скинула бикини в горошек, отбросила обе детали куда-то в сторону.

— Возьми меня! — вскричала она. — Возьми немедленно!

Он тихонько застонал. Однако так и не пошевелился — лишь воплощение его мужественности продолжало возбужденно покачиваться.

Она протянула руку, пальцы скользнули по члену, замерли на пульсирующей головке. Она не останавливалась. Теперь одна рука была сомкнута у основания, а ноготками другой она осторожно наскребывала его овальные сокровища, упрятанные в кожаный кошель. Кончиком языка она лизнула самое чувствительное место у самой головки и лишь затем приникла к нему губами. Она подумала, что пробует на вкус не просто мужчину, а Мужскую Сущность, исток самой жизни.

Он охнул, словно от боли.

Выпустив предмет своего желания изо рта, она воскликнула:

— Я хочу тебя! Ты нужен мне!

Желание охватило ее полностью, его роскошное тело заставило ее забыть о приличиях, страсть кидала ее к нему, она истекала горячими, вязкими соками.

Он не пододвинулся к ней, только согнул ноги в коленях, представив ее восхищенному взору ягодицы, которые отнюдь не расплющились под его весом, а оставались округлыми, гладкими, без единого волоска.

Не в силах больше себя сдерживать, она взобралась на него, оседлала, судорожно вздохнув, когда его разгоряченное орудие вошло как меч в ее увлажненные ножны. Она скакала на нем все быстрее и быстрее, и радостные крики ее страсти уносились к девственнице-луне, окруженной блестящей свитой, она не раз, не два, а трижды испытала наслаждение в полной мере, и тут его пульсирующий член стал извергать в нее свой восторг, толчок за толчком, переполняя ее до краев. Она наконец приникла в изнеможении к его мощной груди, и курчавые просоленные волоски щекотали ей ноздри.

Несколько страниц этой кошмарной писанины я сохранил — теперь уж и не вспомню, зачем. Прошло ведь тридцать с лишним лет. Может,

сохранил я их из-за вопиющей смеси похабщины и жеманства: орган возбуждения, никак иначе. А может, как примеры непреднамеренной демонстрации его истинного «я», в которых раскрываются сексуальные предпочтения самого Стэна, его склонности и комплексы. Так или иначе, но теперь я уверен, что Стэн мог бы зарабатывать на жизнь сочинением порнороманов. И, конечно же, этот образчик его творчества навевает размышления о том, почему он оказался в «порнопритоне».

* * *

Да, Тейтельбаум мелочно завидовал Копсу, десятки лет презирал его, однако удивился он тому, что Сирил Энтуисл подрядил Стэна писать его биографию, не безосновательно. С чего было Энтуислу, Великому старцу английского искусства, вечному бунтарю и ниспровергателю канонов, который в 1963 году в разгар скандала отказался от членства в Королевской академии, а в последующие годы дважды отказывался от звания рыцаря, художнику, чьи выходки много лет привлекали внимание публики, обычно к искусству равнодушной, противоречивой и теперь уже старческой фигуре, человеку, в эпоху теле-

видения ставшему «говорящей головой» и всегда выражавшему свое возмущение самым возмутительным образом, за что его обожали продюсеры, расисту старой британской закалки, из тех, кто в равной степени демократично и одинаково щедро изливает ненависть на «черномазых» всех оттенков, местных или иностранных, короче, с чего было Энтуислу заказывать свою биографию бруклинскому пареньку? Почему он часами давал ему интервью под диктофон, предоставил доступ ко всем своим бумагам, к сотням картин и рисунков, все еще хранящимся в Дибблетуайте, — ко всему, что бы Стэну ни понадобилось?

Быть может, когда-нибудь Энтуисл расскажет нам об этом. А пока что мы можем только этому удивляться. Я, например, считаю, что Стэна Энтуисл выбрал из-за своего безграничного тщеславия. «Областью специализации», как называют это американские ученые, у Стэна изначально была викторианская литература. Тема его докторской диссертации — «Идолопоклоннические идиллии Теннисона». В своей трактовке литературы он опирался на биографический подход. По воле случая, занимаясь исследованием «Ярмарки тщеславия» Теккерея, он познакомился с жизнью и творчеством художника-прерафаэли-

та Холмана Ханта, а это в свою очередь привело к статье, о которой я упоминал. Он нашел свое истинное *métier*[19]. С поразительной быстротой, одна за другой появились биографии Милле, Копли, Сарджента[20], Хогарта и Тернера. Благодаря этим трудам Стэн стал — тут я опять употреблю американское клише — «заметной фигурой на научном горизонте». Разумеется, они и принесли ему звание почетного профессора. Но они же обеспечили и небольшой коммерческий успех. На мой взгляд, Энтуисл хотел видеть себя среди признанных мастеров английского искусства. И судя по списку работ Стэна, заказывать биографию нужно было именно Копсу.

Для Стэна это еще могло обернуться тропой утех, ведущей на неугасимый костер.

* * *

Я познакомился с Сирилом Энтуислом в 1954 году. «Познакомился» — громко сказано. Он вручил мне, шестикласснику, награду за успехи

---

[19] Примечания: 19

Ремесло, профессия (*фр.*).

[20] Примечания: 20

Жан-Франсуа Милле (1814–1875) — французский художник; Джон Синглтон Копли (1738–1815) — английский и американский художник; Джон Сингер Сарджент (1856–1925) — американский художник.

в латинской поэзии в той небольшой (читай: незначительной) частной школе, где мы оба учились, только он лет на пятнадцать раньше. В школе он был «подавалой», так в Кронин-Холле высокомерно называли учившихся бесплатно[21], но к тому времени успел прославиться больше любого другого из «старичков», и его вызвавшая много споров картина «Сусанна и старцы» получила престижную премию «Кристи», 500 фунтов, сумму по тем временам внушительную. Не могу сказать, что он привлек тогда мое внимание, я был слишком поглощен размышлениями о собственном совершенстве, о Фионе, пышногрудой сестре моего школьного приятеля Пирса Уитби, и о сэре Седрике Смит-Дермотте (я звал его Дерьмом), моем тогдашнем отчиме — и он, и моя мать были среди публики. Но я запомнил типа, одетого неподходяще к случаю — в твидовом костюме, без галстука, бледного, с соломенными волосами, который сказал мне *sotto voce*[22], вручая грамоту: «Имели мы их всех!»

Этому утверждению — касательно прекрасного

---

[21] Примечания: 21

Такие ученики часто отрабатывали бесплатное обучение — помогали в столовой, разносили еду.

[22] Примечания: 22

Шепотом (*ит.*).

пола — Энтуисл всю жизнь стремился соответствовать. На празднике в саду, последовавшем за церемонией награждения, я, стоя в шатре и старательно смотря поверх головы Фионы, чтобы никто не заподозрил, будто я пялюсь на ее грудь, увидел, как Энтуисл тащит мою маму за павильон в дальнем конце крикетного поля. Досада, которую могло подобное зрелище во мне пробудить, тут же рассеялась, уступив место удовольствию, полученному мной при виде лица Дерьма. Он в тот момент беседовал с изящной женой директора школы и вдруг, посреди фразы, покосившись в сторону павильона, побагровел и так разволновался, что его чашка слетела с блюдца, упала на траву, и брызги полетели не только на его безукоризненно наглаженные фланелевые брюки, но и на белые открытые босоножки жены директора.

* * *

Герберт Синклер, мой праведник-отец, женился на моей матери, которой едва исполнилось девятнадцать, Нэнси Стаффинс за неделю до своего пятидесятилетия. О чем только думали ее родители? Возможно, о том, что Герберт был директором Харрогейтской публичной библиотеки

и, следовательно, имел не только постоянный доход, но и определенное положение в обществе, в то время как ее отец, мой дед, держал на Стейшнроуд закусочную, где продавали жареную рыбу с картошкой. Почему Нэнси согласилась на этот союз? Частично потому, что ненавидела стоять за прилавком, ненавидела запах жареной рыбы, заполонивший не только закусочную, но и квартиру над ней, где жила семья. А еще она хотела подняться по социальной лестнице. Она повстречала отца на *thé dansant*[23] в Королевских банях. Они кружились в фокстроте и вальсе. Он угостил ее чаем с булочками и пирожным, которое она сама выбрала. На Нэнси это произвело впечатление. Он спросил, не согласится ли она встретиться еще, может быть, сходить еще раз на *thé dansant* или в кино, или даже на ланч в модный тогда «Империал». Может быть, ответила она, внутренне хихикая. Он так смешно выглядел: приземистый, почти лысый, в целлулоидном воротничке, черном сюртуке и серых полосатых брюках. Однако это была возможность вырваться из закусочной. На одной из сохранившихся у меня фотографий отец в котелке, и это выглядит

[23] Примечания: 23
Вечеринка с танцами (*фр.*).

уморительно.

Довольно скоро, поскольку намерения у него были благородные, он попросил разрешения познакомиться с ее родителями: он «желал просить ее руки». Расположения Сисси и Билла Стаффинсов, своих ровесников и моих будущих бабушки с дедушкой, он добился легко. Нэнси, послушная дочь, у которой имелись и свои планы, с готовностью прислушалась к родительскому совету. Герберт был вполне милый старикан. Он уж о ней позаботится. Почему бы и нет? Так что она сказала «да», и они поженились. Через три года, удовлетворяя без возражений и без интереса его нечастые сексуальные требования, она забеременела, вследствие чего родился я. А еще через два года он умер от аневризмы. Нэнси стала вдовой, однако, с учетом финансовых потрясений в начале Второй мировой войны, на удивление обеспеченной. Мой отец, директор библиотеки, умел вкладывать деньги с умом. Так что в конце концов он действительно позаботился о матери.

Так мы переходим к отцу номер два, подполковнику авиации Лорансу Пастерну, герою-летчику, который поправлял здоровье в отеле «Мажестик», превращенном в центр реабилитации получивших боевые ранения офицеров. Осно-

лок шрапнели срезал нижнюю часть левого уха подполковника, что привело к частичной глухоте. Ему вскоре предстояло вернуться на свой «ланкастер»[24], но он успел повстречать мою мать, которая внесла лепту в помощь раненым и организовала в «Мджестике» лотерею. Ввиду зыбкости военной жизни они поженились через неделю. Именно подполковник Пастерн научил мою мать радостям секса. Он также научил ее произношению, которое она сочла приятно аристократичным и использовала в тех случаях, когда считала родной йоркширский выговор с его короткими гласными и жестким ритмом неуместным. С того времени она уже никогда не оглядывалась назад. Но, увы, подполковник сгинул где-то в окрестностях Рура в 1944 году, и моя бедная мать снова овдовела.

Что было дальше? Череда почти отцов, никто из которых не мог сравниться в сексуальном мастерстве с подполковником. Однако в 1952 году она повстречала Дерьмо, адвоката Грей-Инн, который должен был вот-вот стать королевским адвокатом и получить звание рыцаря. Он показал себя вполне удовлетворительной

---

[24] Примечания: 24

Самолет-бомбардировщик британских ВВС времен Второй мировой войны.

заменой подполковника, от которого остались одни воспоминания, и стал супругом номер три. Я его ненавидел, для меня он был как злобный диккенсовский мистер Мердстоун[25]. И мне казалось неслучайным созвучие первых слогов их фамилий: Мердстоун — Дермотт. Я по сю пору вспоминаю его с ненавистью. Но, так или иначе, внезапное вторжение Сирила Энтуисла в жизнь матери привело к разрыву с Дерьмом, а впоследствии — к разводу.

Мамуля — ей нравилось, когда я звал ее так, — была зачарована Энтуислом. Он был на четыре года младше нее, она, говоря жаргоном куда более поздних времен, от него тащилась. У нее буквально земля плыла под ногами. Оставив Дерьмо в Лондоне разгребать последствия, она переехала в Дибблетуайт, откуда он выставил предыдущую возлюбленную. Недолгое, но тревожное время Дерьмо подумывал подать на Энтуисла в суд за раскол семьи, однако вскоре связь с женой директора школы остудила его желание искать защиты в суде. А мамуля тем временем пребывала в экстазе. Дибблетуайт стал для нее землей обетованной. Она даже завела огородик с пряными травами.

---

[25] Примечания: 25

Персонаж романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд», отчим заглавного героя.

Но скучная деревенька стала для нее раем не из-за плодородных почв, а из-за неуемного секса. Пока это продолжалось, мамуля была собственно женщиной, *das Ding an sich*[26], абстракцией, ставшей реальностью. Ее обнаженное тело — на картинах этого периода, крепкая плоть отливает зеленым, голубым, золотистым, она лежит на кровати, на восточном ковре, опираясь на подушки, сидит в высоком кресле, ее ноги всегда слегка раздвинуты, поблескивает выпирающий лобок, лицо непроницаемое, взгляд устремлен на зрителя. Видеть собственную мать, выставленную на публичное обозрение, юноше — как бы выразиться? — довольно неловко. Вы, наверное, помните картину Энтуисла в Национальной портретной галерее — там мамуля лежит на кушетке, опершись на локоть, тело ее развернуто к зрителю, левая нога согнута треугольником, и на переднем плане сам Энтуисл в профиль, в чем мать родила, автопортрет с головы до середины ляжек, с висящим огромным членом. Думаю, это самая известная из его работ. Я упомянул ее потому, что в зеркале над левым плечом мамули смутно видно отражение головы в приоткрытой

---

[26] Примечания: 26
Вещь в себе (*нем.*).

двери, и эта голова — моя. На обороте холста оригинальное название, данное самим Энтуислом: «Удивляется виноватая штучка».

Вообще-то мы с ним вполне ладили. Он говорил, что ему нравится линия моего рта. Помню, на двери сарая, где он хранил свои работы, он нарисовал белые крикетные воротца, он подавал мне мяч за мячом и радовался, когда выводил меня из игры («Как это? Как это?»)[27]. Энергия у него в те годы была неуемная. И, конечно же, я помню совет, который он мне дал, когда я поступил в университет. «Вся штука в том, чтобы заставить их самих снять трусики — и в буквальном смысле, и в переносном. Подходить к ним надо с напускным равнодушием, изображая всем своим видом, как ты уверен в успехе. „Вот все, что нужно помнить на земле“[28]». Это был не тот практический совет, который мог бы дать мне отец, будь он жив. В Энтуисле было то, что и раздражало, и странным образом притягивало: ему было совершенно наплевать, что о нем по-

[27] Примечания: 27

Если полевые игроки считают, что бэтсмен был выведен из игры, то они могут обратиться к судье с формулировкой «Как это?» («*How's That?*») до начала следующего розыгрыша.

[28] Примечания: 28

«Ода греческой вазе» Джона Китса. Перевод Г. Кружкова.

думают другие. Он шел своим путем, уверенный, что одержит верх.

Я иногда встречал его, обычно случайно, иногда намеренно — много лет после того, как он отослал рыдающую мамулю обратно в Лондон, а она годами искала хоть сколько-нибудь подходящую замену, поскольку равных ему не было. В старости она все еще вспоминала годы с «ретивым Сирилом» как кульминацию своей жизни и говорила, поглаживая дрожащую старческую руку своего последнего мужа, того, с собачьими глазами: «Ну, Чарли, ну. Не обращай внимания».

* * *

Стоит ли рассказывать об этом Стэну? Хоть он наверняка знает имена всех натурщиц Энтуисла, с чего ему увязывать леди Нэнси Смит-Дермотт с Робином Синклером, и даже если он разузнал, что когда-то она была Нэнси Синклер, вряд ли ему придет в голову, что она — моя мать. А вот что Энтуисл не упомянул меня среди тех, кого счел достойным рассказать о нем в интервью, удивляет. Впрочем, не сомневаюсь, у старого сволочуги — тот еще хитрован — были на то свои резоны. О скольких еще сюжетных линиях он не поведал Стэну? Насколько подробно разрешил

ему изучать свою жизнь?

На самом деле я не уверен, что достоин дать о нем интервью. Да, факты, подтвержденные документально, остаются фактами. Свидетельства о рождении, о браке, о разводе, школьные и университетские ведомости и так далее — все они подтверждают правдивость того, что я здесь рассказал. Например, на обороте картины в Национальной портретной галерее стоит именно то название, о котором я упомянул. Но нечеткое отражение в зеркале — на самом ли деле это я? Трудно сказать. Я всегда так считал, но, честно признаться, я не помню, что когда-нибудь так вот заставал свою мать и Энтуисла *en flagrante*[29] — случайно или нарочно. Мог ли я стереть это из памяти? Я не знаю, что я знаю. *Non nosco ergo sum*[30]. Максимум, что я могу предложить Стэну, — ненадежные сплетни. Да и хочу ли я участвовать в этом предприятии? Разве я хочу ему помогать?

---

[29] Примечания: 29
На месте преступления (*фр.*).

[30] Примечания: 30
Не знаю, следовательно, существую (*лат.*).

* * *

Отбыв свой срок в Мошолу, я вернулся в Лондон, а через три года снова поехал в Нью-Йорк, на этот раз читать лекцию в аспирантуре Городского университета Нью-Йорка. Там устроили конференцию по рождению английского романа. Честно говоря, я был удивлен и слегка польщен приглашением, но поскольку университет оплачивал все расходы и предложил пристойный гонорар, я тотчас согласился. Здание аспирантуры в центре Манхэттена кишело учеными — это был какой-то иностранный десант. Я должен был рассказать о том, как писатель двадцатого века воспринимает роман восемнадцатого, по моему выбору. В университете я прослушал несколько лекций Дж. Р. Р. Уоттса, и теперь, перечитав записи по Филдингу, вспомнив «Тома Джонса» (я имею в виду фильм с Альбертом Финни и Сюзанной Йорк) и пролистав замысловатые названия глав романа по старому изданию в бумажной обложке, я кое-как составил выступление на пятьдесят минут. Ученым я себя никогда не считал, к тому же от меня требовался взгляд писателя. Насколько я помню, мои наблюдения были небезынтересны.

Однако меня немного пугало, что среди слу-

шателей будут специалисты, люди, которые не только серьезно изучали роман и писали статьи в научные журналы, но и могли запросто обсуждать его. И больше всего я боялся вопросов в конце выступления.

Оказалось, что страхи мои беспочвенны. Почти никто не пришел меня слушать. Как раз во время моего выступления сам великий Дж. Р. Р. Уоттс читал при полном аншлаге лекцию о «Клариссе», в которой заявил, что написать роман Ричардсона побудили его собственные сексуальные запросы и психологические странности, а эпистолярная форма — прием маскирующий и дистанцирующий автора. На кого пойдут серьезные ученые — на Уоттса или на Синклера? Ежу понятно, как теперь выражаются.

Представил меня Стэн. Справедливости ради скажу, что он постарался, подав мои тогда еще скромные достижения как примеры становления серьезной карьеры, и сообщил: ему самому интересен свежий взгляд писателя, а не ученого, на один из величайших английских романов. Как и положено, его вступительное слово было довольно сдержанным, однако в почти пустой аудитории его речь казалась чересчур напыщенной. В середине первого ряда я заметил Хоуп.

Она мне ласково улыбнулась и ободряюще помахала рукой. Помимо нее, впрочем, было еще человек десять-двенадцать, и двое из них что-то шепотом горячо обсуждали. Помнится, начал я с самоуничижительной ремарки «о нас, о горсточке счастливцев, братьев»[31] и за свои старания получил только сдавленный смешок смотрителя, прислонившегося к стене у правого прохода.

Я расстроился и оттарабанил лекцию, едва поднимая глаза от разложенных на кафедре записей и уложившись в тридцать пять минут. Стэн за моей спиной и Хоуп передо мной разразились аплодисментами, глухое эхо разнесло их по залу и тут же сникло. Стэн осведомился, есть ли вопросы, и когда таковых не оказалось, бодро предложил собственный. Он интересовался, не вдохновило ли некоторым образом обращение, с которого начинается книга XIII «Тома Джонса», этнически окрашенный вопрос — «Эй, Муза, ты куда, сестра, свалила?», а им открывается глава 13 моего недавно опубликованного «американского» романа «Времена в квадрате». Разумеется, такого у меня и в мыслях не было, но это был дармовой повод вспомнить о книге, которая только

[31] Примечания: 31

У. Шекспир, «Генрих V». Акт IV, сцена 3. Перевод Е. Бируковой.

что вышла по эту сторону Атлантики.

— Разумеется, — сказал я. — Секрет выдает число тринадцать, из которого нельзя извлечь целый квадратный корень. Но только очень проницательный и внимательный читатель заметит этот, так сказать, поклон Генри Филдингу. Естественно, есть и другие параллели и аллюзии, они, может, и не столь важны при чтении романа, но все они привносят в структуру что-то свое.

Других вопросов не было, так что Стэн, когда публика уже шла к выходу, милосердно объявил встречу законченной и сердечно поблагодарил меня за вдохновленное выступление. Теперь уже аплодировала одна Хоуп.

Хоуп заказала нам столик в «Ле Бон Тон» на Восточной 54-й, в модном ресторане, который в те времена был нам не по карману. Там официанты разворачивали для нас накрахмаленные салфетки, с хрустом их встряхивали и укладывали нам на колени. Пока мы пили коктейли и изучали меню, нам подали куски хрустящего багета с тапенадой, а неподалеку крутился готовый что-нибудь посоветовать сомелье, и на его груди на цепочке висело главное его орудие.

— Боже правый, Стэн, это совершенно ни к чему, — сказал я.

Когда я только приехал, Стэн по телефону спросил меня, не хочу ли я пригласить кого-нибудь поужинать с нами. Я тут же подумал о Кейт и, совсем немного покопавшись в своих чувствах, после некоторой душевной борьбы попытался с ней связаться. Увы, она — как Ленора Эдгара По — была утрачена мной навсегда.

— Даже не думай об этом — сказал Стэн. — Платит университет.

Я извинился перед ними за свое жалкое выступление.

— Как же вам должно было быть скучно. Хоуп, ты — сама преданность. И все же, Стэн, не стоило меня ставить одновременно с Дж. Р. Р. Уоттсом. Куда мне до него!

Хоуп ответила, что мои наблюдения ей понравились и что я остроумный. А те, кто пошел слушать Дж. Р. Р. Уоттса, многое потеряли.

— Да будет тебе, — сказал Стэн. — Слыхал я лекции и похуже. — Он выглядел совершенно счастливым. — Ты нормально выступил. И вообще, всем плевать. И программу не я составлял. Главное, ты приехал на несколько дней, все расходы оплачены.

Я узнал, что Стэн, видимо, каким-то хитроумным способом пробрался в университетский

комитет по подготовке этой ежегодной конференции. Каждый член комитета имел право пригласить кого-то по своему выбору — вне зависимости от того, кто уже комитетом отобран. Большинство этой привилегией не пользовались. Стэн выбрал меня.

— Плыви по течению, — сказал он. — Расслабься! Наслаждайся жизнью.

Между переменами блюд Хоуп удалилась в дамскую комнату.

— Ты — мне, я — тебе, — подмигнул мне Стэн.

— Прости, ты о чем?

— Нам с Хоуп очень хочется съездить в старушку Англию. Если меня туда пригласят, это мне придаст веса на академическом поприще. Знаешь кого-нибудь нужного? Есть кому замолвить за меня словечко? Я буду благодарен.

Я был в шоке.

— Стэн, у меня нет никаких важных знакомых. Я знаю только тех, кто никакого влияния не имеет или же находится под моим влиянием.

Хоуп уже шла обратно к столику.

— Ну, нет так нет. Значит, за тобой должок. При случае вернешь.

— Договорились.

Неужели настал такой случай?

2

Когда я встретил Саскию во второй раз, она снова была в Лондоне, но теперь уже в компании Стэна Копса — он оставил Хоуп в слезах и в поисках адвоката.

— Не сложилось, — сказал он мне. — И не могло сложиться. Мы живем в разных мирах.

Возлюбленные воспользовались рождественскими каникулами и скидками на «Бритиш эруэйз». В Нью-Йорке «атмосфера сгущалась», и уехать было очень кстати.

— Понимаешь, я уважаю Хоуп, она замечательная женщина, мать моего сына, но боже ж мой, Робин, у меня же есть и своя жизнь. — Шел 1975 год, Стэну перевалило за сорок. — Нужно было ловить удачу за хвост, и я ее поймал!

Таков был Стэн, мастер клише, он вываливал их одно за другим. Но было заметно, как он нервничает. Клише — это ведь простой и надежный способ перевести подлинные и сложные чувства на понятный язык. Может, будет не так заметно, насколько особенно и уникально твое положение, но посредством клише собственно

чувства выражаются в удобном виде. На самом деле клише, от которого стилиста корежит, часто транслирует правду. Стэн хотел одобрения или по меньшей мере понимания. Я решил не предоставлять ему ни того, ни другого. В конце концов, не я же поймал за хвост удачу.

Он связался с моим издательством, оно связалось с моим агентом, а тот уже связался со мной. Мне сообщили номер телефона, по которому его можно было застать, и я позвонил. Он отъехал совсем далеко от отеля «Стэнхоуп» и его окружения, полагаю, не из пусть неловкого, но уважения к романтическим воспоминаниям об отринутой жене. Его Милле и Копли уже были опубликованы в Штатах и получили положительные отзывы, Милле неплохо продавался в Англии. Его академическая карьера была на пике. Он уже мог себе позволить относительно пристойный отель в Блумсбери, «в двух шагах от Британского музея». Я предложил пообедать в одном из моих клубов: «Реформ» подойдет? «Реформ» отлично подойдет. Тогда-то он и рассказал мне о Саскии и о несчастной брошенной Хоуп, и предложил нам с ним, старым коллегам и приятелям, встретиться на час раньше, поделиться новостями. Саския собиралась навестить «Харродс» и бутики на

Бичем-плейс и присоединиться к нам через час.

Я предупредил распорядителя в клубе, и он проводил Стэна ко мне в малую гостиную. Я с неохотой отложил «Спектейтор», поместивший на почетное место мою весьма резкую рецензию на отвратительный роман одного американского мэтра — я ей как раз в очередной раз наслаждался, — и встал его поприветствовать.

— Стэн, дружище!

— Робин!

Не самый выдающийся диалог современности, осмелюсь заметить, но нам и этого было достаточно.

Стэн оглядел малую гостиную, и увиденное ему понравилось: большой камин с убаюкивающим огнем, полки с книгами, кожаные кресла, стол со стопками свежих газет и журналов, высокие окна, выходившие в сад с видом на Пэлл-Мэлл, контраст между дождливой хмарью снаружи и теплым светом внутри. Из этого клуба Филеас Фогг[32] отправился в кругосветное путешествие, в этот клуб вернулся восемьдесят дней спустя. Для Стэна это было блаженство! Он же был специалистом по XIX веку, поэтому о реформах

[32] Примечания: 32

Главный герой романа Жюля Верна «Вокруг света за восемьдесят дней».

избирательного права[33] знал все. Прерафаэлиты, к которым принадлежал и Стэнов Холман Хант, поддерживали реформы. А на многих из портретов в гостиной были изображены персонажи, фигурировавшие в научных работах Стэна.

— Скажу напрямик, — заявил Стэн, — я хочу стать членом.

— Слушай, — сказал я, — а Саския — это, часом, не психолог Саския Тарнопол?

— Ну, и да, и нет, — ответил немного ошарашенный Стэн. — Она пару лет занималась терапией, набрала респектабельную клиентуру, но теперь она литературный агент, независимый. Ты с ней знаком?

— Встречался несколько лет назад на одной из здешних вечеринок. Вряд ли она меня помнит.

— Она мне ничего не говорила.

В то время Стэн и Хоуп еще состояли в браке, который хоть и трещал по швам, но еще не развалился окончательно. Их отношения начались давным-давно. Они оба ходили в Бруклинский колледж, она училась на курс младше. Оба были на английском факультете, она состояла в «Фи

[33] Примечания: 33

Клуб «Реформ» был создан в 1836 году для членов парламента, там велись дебаты об избирательном праве, клуб в те времена был оплотом либеральной и прогрессивной мысли.

Бета Каппа»[34] — в те времена это еще считалось почетным. Оба они поступили в магистратуру Колумбийского университета, она — на стипендию Вудро Вильсона. Поженились они вскоре после того, как Хоуп получила диплом магистра, ее диссертация «Свифт и клоачное воображение» была отмечена престижной премией Скорнека и опубликована в специальном выпуске «Трудов по XVIII веку». Все это Стэн рассказал мне в тот день в «Реформе», дав понять, что скромность не позволяет ему перечислять собственные академические успехи тех лет.

— Но потом она стала отставать, — сказал он. — Не могла уже держаться на уровне. Ну да, появился Джейк. Джейком надо было заниматься. Ему нужна была мать постоянно. Я вовсе не хочу преуменьшать ее материнские таланты. Он чудесный ребенок — впрочем, теперь не такой уж и ребенок, представляешь, он выше меня! На втором курсе в Йеле. Ни в чем ее вины нет. Она отлично со всем справилась. Я ей очень благодарен. Но я и оглянуться не успел, как мы оказались на разных планетах — в интеллектуальном плане. С одним стародавним магистерским ди-

---

[34] Примечания: 34
Старейшее и одно из самых почетных студенческих сообществ США.

пломом многого не добьешься. — Стэн огляделся вокруг. — Насчет членства в клубе я не шучу, — сказал он. — Как я могу в него вступить?

— А откуда появилась Саския?

— О, Саския! — проговорил он. — Ну что ж… — Он возвел глаза к потолку — словно искал там *mots justes*[35]. — Помнишь Филлис Рот, сестренку Хоуп? Ты однажды видел ее у нас на ужине. Хоуп еще надеялась, что вы друг другу понравитесь.

Я помнил только, что сестренка была явно неравнодушна к Стэну и каждое его слово благоговейно впитывала — как божественное откровение.

— Ты трахался с Филлис? — спросил я.

Лицо Стэна отражало внутреннюю борьбу. Следует ли ему облить меня презрением за то, что я позволил себе столь вульгарное выражение в этих исторических стенах? Или же лучше честно признать, что он — парень не промах? Он выбрал нечто среднее, игриво хмыкнул и подмигнул.

— Джентльмены таких тайн не разглашают, — сказал он. — Я был тогда моложе. Мне нужно было как-то умерить ее пыл.

— Так ты и в самом деле ее трахал?

---

[35] Примечания: 35
Подходящие слова (*фр.*).

Что только женщины находят в этой волосатой обезьяне?

Ай-ай-ай, словно выговаривал мне Стэн, покачав головой и подняв руки ладонями ко мне на уровень плеч. Мол, рот у него на замке. Он снова попробовал сменить тему:

— Я так понимаю, что лорд Палмерстон тоже был членом?

— Что?

— Ну, третий виконт. Генри Джон Темпл. Дело Пасифико? Дипломатия канонерок?[36] Он еще был министром иностранных дел в правительстве вигов при Грее и Мельбурне. Ну же, Робин! Он наверняка был членом «Реформ». Слушай, ты просто обязан устроить мне членство.

Я читал так называемый роман Стэна и был абсолютно уверен, что если измена и имела место, то это Филлис его трахала. Филлис, насколько я помнил, была не из тех, кто занимает, так сказать, позицию снизу. Но пора было вернуться к нашей беседе.

---

[36] Примечания: 36

Дипломатия канонерок подразумевает применение силы с использованием военно-морского флота. Лорд Палмерстон (1784–1865) в 1850 году, занимая пост министра иностранных дел, использовал этот метод для решения «Дела Пасифико», когда между Великобританией и Грецией возник дипломатический конфликт, поводом к которому послужил скандал с участием британского подданного Давида Пасифико.

— Ты, Стэн, начал рассказывать про Саскию.

— Ах, да, Саския. Так вот. Они с Филлис вместе снимали квартиру. Познакомились они в Университете Смита, где Филлис получила стипендию. Обе были в «Фи Бета Каппа», обе получили диплом с отличием. И продолжали общаться. В какой-то момент поселились вместе, в Виллидж, в доме на Кристофер-стрит. К тому времени Саския уже начала раскручивать свое агентство. Она уже заполучила Макса Пардо и Луизу Джейнуэй и подбиралась к Назиму Джебрилу, которого в конце концов тоже заполучила. А Филлис решила, что мне полезно будет пообщаться с Саскией как с психологом. Смешно вспомнить, Филлис считала, что мне нужно расслабиться. Я был слишком скованный, никак не хотел отдаться на волю волн.

— Значит, ты изменил не только Хоуп, но и Филлис, и трахнул Саскию?

— Не так все просто, Робин. — Стэн покосился по сторонам, проверяя, кто может слышать наш разговор. Ближайший к нам член клуба тихонько похрапывал у камина. Стэн окинул меня взглядом, словно прикидывал, смогу ли я понять то, что он собирался рассказать. — Филлис с Саскией были любовницами, — шепотом сообщил

он. — Они хотели делить меня между собой. Некоторое время я пытался. А почему бы нет! Но по сути я все-таки не такой. Самому мне наблюдать нравится, а когда за мной наблюдают — нет. Тем временем я влюбился в Саскию. Поставил им ультиматум, и — опа! — вот что мы имеем.

Стэн, забыв про манеры, победно фыркнул.

— А вот и она явилась! — радостно воскликнул он: на нас надвигалась Саския.

Как развязка в старинной комедии?[37] Во всяком случае, мне показалось, что так же стремительно. *Идет она походкой величавой.* Саския с нашей последней встречи действительно прибавила килограмм-другой. Кто-то, может, назвал бы ее полной.

— Милая! — воскликнул Стэн. Мы оба встали, он нас представил. — Робин говорит, вы встречались несколько лет назад на одной из здешних вечеринок.

— Вряд ли.

— У Хайеттов в Челси? Обри и Лейла, она кто-то на телевидении, — напомнил я.

— Я их не знаю.

— Сэра Обри Хайетта не знаете?

---

[37] Примечания: 37

Цитата из «Короля Лира» У. Шекспира. Акт I, сцена 2. Перевод Б. Пастернака.

— Нет.

Она стояла спиной к Стэну и корчила мне угрожающие гримасы.

— Ну что ж, — сказал я. — Видно, я ошибся.

Набрав возраста и дородности, она стала только привлекательнее, прежде суровая, насколько мне помнилось, красота стала мягче. В ее воронова крыла волосах эффектно выделялась седая прядь. Губы у нее были полные, бледные, без капли губной помады. Как она могла связать себя со Стэном? Когда Стэн, следуя моим указаниям, отправился, как он выразился, в «комнату для мальчиков» и мы остались наедине, я не упустил возможность спросить именно об этом.

— В Стэне много того, что видно не сразу, — сказала она.

— Да? И что именно?

Она нахмурилась.

— Он уже перешел от научных книг к коммерческим. Его Милле и Копли имели большой успех. Копли особенно хорошо продавался, его выбрали в трех книжных клубах, он вышел на финишную прямую в борьбе за Национальную книжную премию. Ну да, выиграл «Босс Твид» Керра, но это только потому, что американцам интересен

Твид[38]. Весной Копли выйдет здесь, и перспективы самые благоприятные, я серьезно. Стэна нужно направлять в его карьере, а это уж я умею. Он непременно станет биографом мирового класса, его имя и книги будут знать везде. Вот сейчас он занимается Джоном Сингером Сарджентом. Сарджент станет бомбой. Ты вспомни Сарджента, Робин! Подумай, что он значит. Американец, родился в Италии, жил в Англии, выставляли его по всему миру. Кое-что для каждого. Слыхал о таком?

— Так ваши отношения в основном деловые?

Она провела кончиком языка по губам. Улыбнулась, подмигнула мне.

— В основном, но не только. У Стэна есть и другие таланты, о которых я из скромности умолчу.

Выражение моего лица выдавало мой скепсис. Наверное, и отчаяние тоже.

— Говорила я тебе, не стоит его недооценивать.

Я сменил тему:

— А зачем тебе понадобилось скрывать, что мы знакомы?

— Сегодня утром я виделась с Теренсом.

---

[38] Примечания: 38

Уильям Мейджир Твид (1823–1878) по прозвищу Босс Твид — один из самых беспринципных американских политиков.

— Теренс это кто?

— Теренс Аддо.

— А, студент из Ганы, если, конечно, память меня не подводит.

Почему-то, общаясь с американцами, я вытаскиваю из памяти выражения, которые давно никто не использует.

— Он сейчас какая-то важная шишка в посольстве. — Она словно купалась в лучах его славы. — Вот он кто, наш черный Адонис!

— И?

— И — Стэн не мог бы понять про Теренса. Пока что.

— Это ты про сегодняшнюю утреннюю измену? Понятно. А ты рассчитываешь со временем научить его покладистости.

— Слушай, ты когда-нибудь повзрослеешь? — скривилась она.

Конечно, она была права. Мое резонерство, понял я, только от ревности. Спешу добавить, не к Теренсу Аддо с его ослепительной улыбкой и пижонским моноклем, с ним я всего-то обменялся рукопожатием в те далекие времена, случайная встреча со светским человеком, но, стыдно признаться, к Стэну Копсу, Рыцарю Нудного Образа, которому каким-то образом удалось ее заинте-

ресовать. Ради всего святого — Стэн! Он, должно быть, исторгал в окружающую атмосферу тучи феромонов — я видел на Таймс-сквер рекламу сигарет, гигантскую голову, которая так же истово испускала ровные кольца дыма (или это был пар?) на головы прохожих. Да уж, видно, женщин он привлекает никак не внешностью. И раз уж я вспомнил Нью-Йорк, уместно будет спросить себя по-ньюйоркски: а я сам что, рубленая печенка, пустое место?

— Твоя тайна умрет со мной, — я постарался произнести эти изношенные временем слова с легкой скукой. — Хочешь вести двойную игру — ради бога, не мне тебя судить. А вот и он явился, — продолжил я: к нам шел Стэн. Да-да, я помню: эти же слова произнес и Стэн. Это можно было бы расценить как нашу с ним общую шутку, а можно и счесть темой для фрейдистского анализа — выбирайте сами. Я встал. — Ну что ж, может быть, пойдем подкрепимся?

Через два дня Саския позвонила мне — телефон она взяла у Тимоти Хьюза, моего агента, с которым, как выяснилось, была знакома. Что для одного агента предательство, для другого — цеховая любезность. Тимоти мог бы и выступить как посредник и не сообщать моих личных данных.

Дыхание Саскии, несшееся по телефонным проводам, таило обещание пылкой страсти.

— Стэн пошел в Тейт, оттуда в Британский музей, в читальный зал. Он собирает материал к Сардженту. Его не будет весь день.

Так я все-таки не пустое место! И я тотчас простил Тимоти за разглашение личной информации.

* * *

Я еще один раз виделся с Саскией и Стэном перед их возвращением в Нью-Йорк. Это была не та встреча — как мог бы написать в своих мемуарах Стэн, — когда гармонические волны дружбы, исходившие от обоих, могли преодолеть диссонирующие вибрации, которые невнятно испускал я. Собственно говоря, я вообще не собирался встречаться со Стэном. Я был им по горло сыт. Горя желанием вновь увидеться с сочившейся похотью Саскией, которая, так сказать, еще трепетала от наших сравнительно недавних и весьма гимнастических совокуплений, я пригласил ее на файфоклок в «Бинки» на Олд-Бромптон-роуд — заведение это сделала популярным покойная принцесса Диана, в ту пору просто модная девица из высшего общества,

и оно весьма удобно находилось совсем рядом с моей квартирой на Болтон-Гардене. Саския была пунктуальна. Подходя к «Бинки», я увидел, как она расплачивается с таксистом. Она была великолепна, восхитительна, в длинной норковой шубе и в таких же меховых наушниках. Страстное объятие, которым она меня одарила, долгий, жадный поцелуй, вот так, при свете дня и на всеобщее обозрение — среди нынешней молодежи (возможно, и уже среди тогдашней) дело обычное, но совсем необычное для людей моего поколения, — давали обещания столь явные, что я чуть было не предложил забыть про чай и отправиться прямиком ко мне, где ждали охлажденное мной шампанское и постель, еще только ждавшая, что ее согреют. Она взяла мою руку в свою, она облизнула пухлые рубиновые губы, она сказала:

— Я сказала Стэну, чтобы он к нам присоединился, надеюсь, ты не против.

Так рухнули и мои надежды, и моя зарождавшаяся эрекция.

Я ведь лелеял чаяния увести ее от Стэна. Она же была свободна, как и я. Стэну еще предстояло пройти все малоприятные перипетии развода. Во всяком случае, он еще находился на той стадии,

когда многие мужчины сдаются и возвращаются к женам, избавившись от тягот совести и лишних расходов. Время, которое мы с ней провели вместе, было настолько потрясающим (это слово мало что отражает), что я тешил себя надеждами на постоянные отношения, мечтал о совместной жизни. Мне, как и Стэну, уже исполнилось сорок, но я жаждал ее с болезненным пылом подростка, влюбленного в какую-нибудь недосягаемую девицу.

Она была в наипрекраснейшем расположении духа. Сидела напротив меня, у окна, весело болтала о музее Виктории и Альберта и о «Большой кровати»[39], игриво при этом подмигивая. Я почти ее не слушал — я давно уже научился в нужных местах кивать, улыбаться и так далее, руководствуясь выражением лица собеседника, и тем временем пристально ее изучал. Теперь я заметил, что она все-таки чуточку чересчур полновата — дородность уже не так ее красила. И у глаз явственно виднелись «птичьи лапки». Присмотревшись к ее пышным волосам и их корням, я начал подозревать, что в венчавшей ее роскошной короне волос лишь сексуальная

[39] Примечания: 39
Эта кровать — известный экспонат Музея Виктории и Альберта.

седая прядь не была плодом парикмахерских трудов. Но ни один из этих… как мне это назвать, изъянов?.. Хорошо, изъянов. Ни один из этих изъянов не бросился мне в глаза, когда мы бурно предавались сексуальным утехам. Не галантно, но правда — такой я тогда ее увидел.

Но правдой было и то, что я был раздражен, если не сказать раздавлен. Мои надежды на продолжение дня и на будущее рухнули, мое *amour propre*[40] было уязвлено. И я не желал быть милосердным — вот это уж точно.

Увы, опять повторялась история с Ширли Грэм, Ширли *entrepreneuse*[41], она умела похабно подмигивать, у нее были огромные сиськи и сарафан, подол которого она за определенную плату задирала. Ширли ходила в местную гимназию, в дальнем конце Соддинг-Стэнмор, довольно далеко, если пешком, от Кронин-Холла, а на велосипеде — рукой подать. Да Ширли и сама к нам приходила — свою лавочку она открыла в лесочке за спортивной площадкой.

Ученикам из Кронина строжайше запрещалось

---

[40] Примечания: 40
Самолюбие, чувство собственного достоинства (*фр.*).

[41] Примечания: 41
Предпринимательница (*фр.*).

общаться с *hoipolloi*[42] — таково было распоряжение нашего директора, который преподавал греческий и не видел кроме разве что отношения к рабству в афинской демократии ничего хорошего: нечего водиться со шпаной из гимназии, достаточно традиционного матча по крикету в конце учебного года — этот матч в мои годы все еще назывался, хотите верьте, хотите нет, «Мантия против Города»[43]. Социальные перемены, начавшиеся в Англии в конце войны, перемены, на которые указывало хотя бы то, что нация отвергла великого старого вояку Черчилля, обошли Кронин стороной. Более того, тот ужасный факт, что к власти пришло лейбористское правительство, укрепил и усилил решимость Кронина оставаться особым местом, землей, где взращивают национальных лидеров — а лидеры эти понадобятся, когда народ опомнится.

Ученики Кронин-Холла мало интересовались мальчиками из гимназии Соддинг-Стэнмор, а вот девочки — совсем другое дело, тем более Ширли

---

[42] Примечания: 42

Выражение пришло из древнегреческого, буквально: большинство. Употребляется с пренебрежительным оттенком.

[43] Примечания: 43

Со времен Средневековья в университетских городах существовало противостояние городского и университетского сообщества, «города» и «мантии».

Грэм. Гарсон Большой, старшеклассник, которому я по младшинству прислуживал, уверял, что за гинею Ширли бесподобно могла обслужить рукой, а за пять гиней, что было, увы, ему не по карману, но вполне по карману Пиггот-Уэмису из пятого класса, она — ей-ей — «брала в рот и сосала». Для большинства же из нас прайс-лист был следующий: за три пенса она задирала юбку и демонстрировала трусики; за шесть пенсов она спускала трусики и демонстрировала то, что мы, изучавшие латынь, знали как *pubes*[44], ее *mons veneris*[45]; за шиллинг она разрешала клиенту две минуты — по часам — щупать ее интимные места.

То, что мне хотелось, стоило шиллинг. Я нашел ее в лесочке. Собственно говоря, у нее уже был один клиент, Гарсон Малый, который за три пенни пялился на ее трусики.

— Твое время вышло, Гарсон Малый, — сказал я. — Отвали. Уступи дорогу четвертому классу.

— У него еще минута, — сказала Ширли. — Жди своей очереди, похабник.

Гарсон Малый только гнусно лыбился и не

---

[44] Примечания: 44
Лобок (*лат.*).

[45] Примечания: 45
Холм Венеры (*лат.*).

сводил глаз с трусиков. Я отсчитал минуту.

— Раз, Пикадилли, два, Пикадилли….

Гарсон Малый нехотя отошел.

— Мне на шиллинг, — сказал я. — Щупать буду.

— Это за полкроны, — ответила Ширли.

— Какого хрена? Это стоит шиллинг.

— Неужто? — сказала она. — Так вот: цены поднялись. Для тебя — полкроны.

— С чего это? — воскликнул я. — Это несправедливо.

Она лежала на спине, юбка, которую она задрала для Гарсона Малого, так и оставалась у пояса.

— А жизнь вообще несправедлива, — ответила она не по годам мудро.

— Я столько платить не буду.

— А как насчет двух шиллингов?

— Почему для меня цена выше?

— Да не нравишься ты мне. — Сказано это было примерно с интонацией героя юмористической радиопередачи «Опять тот человек».

Я, решив, что это нечто вроде любовной прелюдии, ответил в тон:

— Это почему, плохая ты девочка? — А она должна была ответить: «Потому что у тебя большой багровый член».

— Свин Пиггот-Уэмис говорит, ты гомик.

— Вот уж нет! — ужаснулся я. — Зачем бы мне тогда щупать девчачью письку?

— Потому что ты изврат, — сказала она. — Извраты что угодно делают. Я не могу рисковать. Два шиллинга — и ни пенни меньше.

И тут я заметил, что трусики у нее грязные.

— Ну и хрен с тобой, — сказал я. — Найдутся и такие, что задаром дадут.

— Губу не раскатывай, — бросила она. — Педикам не дадут.

Я отдубасил бы Свина за такой наговор, только он был пятиклассником и к тому же посильнее меня.

Тем временем Саския, видимо, задала какой-то вопрос. Я отвлекся, а интонация у нее явно была вопросительная. И она ждала ответа.

Меня спасла официантка. Она подошла — с бессмысленной улыбкой, карандашом и блокнотом.

— Подождем Стэна или закажем? — спросил я.

— Давай подождем.

— Мы закажем попозже, — сказал я официантке.

— Паста из анчоусов и нерсборойские булочки закончились, — сообщила официантка.

— Ну, ничего, — ответил я. — Бинки еще что-

нибудь придумает.

— Ты как? — спросила Саския. — Что-то ты какой-то дерганый.

— Все в лучшем виде? — сказал я. — Как ты думаешь, почему Стэн задерживается?

— Исследованием увлекся, — сказала она. — Наверняка. Он не может оторваться от стола. И отказывается брать такси. Сказал, что поедет на метро до Эрлз-Корт, а оттуда пешком. Он чуточку прижимист. — Она хихикнула — словно находила это свойство по-своему милым.

Я решил не упускать такой шанс.

— Да, это про него известно. Помню — давно это было, я тогда сидел в Мошолу, — несколько из нас вместе со своими дамами отправились поужинать в Чайнатаун. В случае Стэна его дамой была Хоуп — надеюсь, тебя не задевает, что я ее упоминаю. Считалось, что она знает лучшие, то есть самые «аутентичные» китайские рестораны. Мы оказались в заведении под названием «Ароматная пагода» на Мотт-стрит. Аутентичность «Ароматной пагоды» заключалась в плохо освещенном голыми лампочками зале, серых пластиковых столиках, компаниях китайских работяг, чьи палочки так и мелькали в воздухе над мисочками, в которые они уткнули свои носы, в

грохоте посуды и криках с кухни и вездесущем запахе то ли тухлых яиц, то ли серы.

— Боже ты мой! — захохотала Саския. — Как это похоже на Хоуп!

— По-моему, скорее, на Хоуп, решившую угодить Стэну. У «Ароматной пагоды» было одно достоинство — дешевизна. Но все равно, когда принесли счет, многие были за то, чтобы разделить его поровну между всеми мужчинами, но Стэн заартачился. Он не пил пиво, а Хоуп не заказывала закуску. Так что по справедливости его доля должна быть меньше. А потом он снял ботинок, стянул носок и вытащил из-под пятки сложенную в несколько раз зеленую бумажку — когда он развернул ее, оказалось, что это пятидесятидолларовая купюра. «Это от воров», — объяснила, залившись краской стыда, Хоуп.

Ответила Саския совсем не так, как я ожидал.

— Ой, как мило, — воскликнула она и ловко сменила тему. — А кто была твоя дама?

— Одна аспирантка, она занималась французской литературой в Колумбийском университете, — ответил я. — Я называл ее «О-ля-ля», потому что она чуть ли не каждую фразу начинала с этого водевильного восклицания. Я и представил ее как О-ля-ля. «В такой обстановке, — сказал

я, — это звучит скорее как название китайского блюда, а не как французское восклицание». Она за это на меня разозлилась, весь вечер меня игнорировала и кокетничала — кто бы мог подумать! — со Стэном.

— Ах, — благодушно улыбнулась Саския, — этот чудесный, волшебный Стэн!

— Вообще-то «Ароматная пагода» практически прикончила наш роман. И слава богу. Я уже подустал от ее «о-ля-ля», она их выкрикивала, когда подходила к оргазму. Мне больше нравятся твои сдавленные крики.

— Ну что ж… — сдержанно сказала она.

— Конечно, я не Стэн, — продолжал я — упрямо, раздраженно, понимая, что лучше бы промолчать, но не в силах сдержаться. — Я не умею быть таким замечательно раскованным, таким понимающим. Нет, я непростительно деятелен.

Она бросила на меня исполненный презрения взгляд, сморщила нос, словно учуяв дурной запах.

Что меня заставило говорить такое? Неудивительно, что я не умею поддерживать длительные «отношения», как теперь это уныло называют, все заканчивается на стадии «романа». Я твердо уверен, во мне сидит какой-то бесенок, извращенец,

пакостник, который так и рвется изуродовать мою жизнь и вполне может это сделать. Да и то, что я только что рассказал Саскии о Кейт, моей возлюбленной времен магистратуры, тоже было не совсем правдой. Начнем с того, что Кейт Пакстон писала магистерскую диссертацию не по французской литературе, а по французской истории, о наполеоновской эпохе. Почему вдруг я решил «подработать» эту ничего не значащую подробность? А что касается «о-ля-ля», то Кейт, может, несколько раз так и говорила, обычно в посткоитальной истоме, но не твердила постоянно. Если что в пылу и повторяла, так это *«Ça marche!»*[46] — снова и снова, все быстрее и быстрее, и, достигнув оргазма, выдыхала: «Да!» Быть может, переходила в этот момент на английский, чтобы избежать ненужного каламбура, ведь французское *oui* звучит похоже на английское *we*, мы. Но когда меня подгоняло это *«Ça marche! Ça marche! Ça marche!»*, я рвался в бой с лихостью бывалого вояки, бригадира Жерара, легенды *Grande Armée*[47].

Я почему-то не воспринимал ее всерьез. Она

---

[46] Примечания: 46
Давай (*фр.*).

[47] Примечания: 47
Великая армия (*фр.*).

была истовой любовницей и столь же истовым ученым, что, учитывая особенности тех, кто посвящает себя науке, не должно было меня удивить. Бывало, лежим мы рядом на сибаритской кушетке, опустошенные страстью, моя рука на ее влажном мохнатом лобке, ее — лениво поигрывает моим обессиленным членом, и она рассказывает про свою диссертацию. А я с трудом подавляю истерическое желание похихикать. Она занималась судьбоносной битвой при Маренго 1799 года[48]. Она была уверена, что Наполеон погибельно медлил, прежде чем отдал, за день до начала сражения, приказ уничтожить позиции австрийцев на реке Бормиде. Имеет право обычный человек подумать: ну и что с того? Но обычный человек — это вам не ученый. До встречи с Кейт битва при Маренго ассоциировалась у меня только с оперой Пуччини «Тоска». Короче, как-то, во время очередного отдыха после секса, когда в спальню заползали сумеречные тени, она рассказала, что сколько ни бьется, никак не может придумать подходящее название для уже почти готовой диссертации.

— Ты же писатель, Робин, — сказала она, щеко-

[48] Примечания: 48
Это сражение произошло в 1800 году.

ча мою мошонку. — Может, поможешь кончить с этим делом?

Я не стал плоско шутить по поводу двусмысленности ее пожелания — хотя она употребила его совершенно невинно — и вместо этого убого пошутил насчет диссертации.

— Название нужно? Как насчет «Был ли Наполеон цыпленком маренго[49]?»

Она натужно хихикнула и стиснула мои яйца слишком уж крепко.

— Робин, это не то чтобы смешно. Диссертация — для меня это серьезно. И название очень важно.

— Ну ладно, а если так: «Через реку в тень забвения»?

Она резко убрала руку. В сгущающихся сумерках я не то чтобы разглядел, скорее, почувствовал, что она расстроилась, а потом разозлилась.

Но бесенка во мне было не удержать.

— Или: «Наполеон — как разбил врага на поле он».

Она не произнесла ни слова, вскочила, по-быстрому оделась и выскочила из комнаты.

— А как насчет «Как Наполеон австрийцам

---

[49] Примечания: 49
Старинное блюдо французской кухни.

засадил»? — крикнул я ей вдогонку.

Хлопнула входная дверь, и я остался один в тоскливой тьме.

Впрочем, этим все не закончилось. Я извинился, послал цветы, подстерег ее на улице, протянул ей заряженный водяной пистолет рукояткой вперед, а себе завязал глаза носовым платком. Она, хохоча, окатила меня водой, и я был прощен. Мы даже стали ближе. С ней было чудесно. Она была высокая, сильная, с мускулистым телом, очень спортивная — обожала плавать, играть в теннис, кататься на лыжах, лазить по горам — то есть заниматься тем, что на меня нагоняло сон. Я, к счастью, был выше нее, нисколько не толще, но, надо признать, немного рыхловат. «Пух ты мой, — приговаривала она, тыча меня пальцем в живот, — Винни-Пух ты мой». У нее были удивительные глаза, зеленые — но менявшие, в зависимости от настроения и обстоятельств, оттенок. Когда она злилась или радовалась, они сверкали, бледнели, если она плакала, а если была расстроена — подергивались дымкой, тускнели, и всегда разного цвета. Мне нравилось пальцем очерчивать ее скулы, линию подбородка — меня изумляла их строгая красота. Она обожала бывать на свежем воздухе, однако кожа у нее

была бледная — как и положено ученому, узнику библиотек и аудиторий, она была прикована к письменному столу и (в те далекие времена) к пишущей машинке, но у переносицы и под глазами у нее была россыпь веснушек, тоже бледных, которые лишь подчеркивали ее красоту. Кажется, у меня сохранился — нет, я точно знаю, что сохранился — подарок, который она, подарив и себя, сделала мне на Валентинов день, единственный Валентинов день, что мы провели вместе. Это была алая жестяная коробочка в форме сердца, а внутри — локон (не знаю, подходит ли здесь это слово) ее лобковых волос, аккуратно перевязанный узкой розовой лентой. Тогда на меня нахлынул шквал чувств, и даже теперь, сорок лет спустя, меня глубоко трогают эти воспоминания.

— А вот и Стэн явился, — сказал я, когда он и в самом деле явился. Стэн пришел мне на помощь! Он стоял и смотрел на нас через стекло, губы расползлись в идиотской улыбке — видны щербатые зубы, на плече — темно-зеленая сумка-портфель, в то время такие обожали носить выпускники университетов «Лиги Плюща».

Когда Стэн уселся, я подозвал жестом официантку.

— Два чая, пожалуйста, — сказал я, указывая на

своих гостей.

Они выбрали один и тот же сорт чая, точнее, выбрала Саския, а Стэн поддакнул.

— Мне просто «перье», — сказал я. (Как же сильны в нас привычки детства! Когда я хотел наказать мамулю, я отказывался есть.)

— Я сейчас читаю Трелони о Сарджента, — сообщил Стэн. — Сколько же их, этих кулём!

— Кулём? — переспросил я, сделав вид, что удивился.

— Ну да, это старинный жаргон, так называли неумех, — с гордостью пояснил Стэн. — Я думал, ты знаешь.

— Да знаю я, Стэн, знаю. — Я выступал чересчур уж напыщенно. — Только это слишком уж просторечное слово, не находишь? Я-то думал, ты, профессор английского, стоишь на страже языка. Тебе ведь известно, что Дефо говорил о жаргоне?

— «Беснование языка, отрыжка мозга».

Порой Стэн умел удивить.

Он достал из своего портфеля ярко-красную бейсболку, из тех, что сейчас повсюду, а тогда только что появились в Англии, и напялил ее на голову.

— Что скажешь? — На бейсболке был логотип Лондонского метро, а под ним слова «Осторожно,

провал!». — Купил на Оксфорд-стрит.

— Потрясающе, Стэн, — нежно сказала Саския. — Тебе очень идет.

— Загвоздка в том, — сказал я голосом, сочащимся добротой и сочувствием, — что люди могут подумать, глядя на тебя, что провал у тебя между ушами. Думаю, смысл шутки как раз в этом.

У Стэна челюсть отвисла. Он с собачьей тоской смотрел то на меня, то на Саскию.

Саския пришла в бешенство и встала из-за стола.

— Стэн, отвези меня в отель. Я неважно себя чувствую.

Черт, я опять за старое! Видно, я считал себя Гиперионом, а Стэна сатиром[50]. Вот два изображенья: вот и вот[51]. Я рассчитывал, что она увидит разницу между Стэном и мной, мое очевидное превосходство — в плане физическом, интеллектуальном, абсолютно во всем. Она вполне увидела разницу, но пусть волосатый Стэн и был сатиром, она им дорожила. А что до

---

[50] Примечания: 50

Гамлет в пьесе Шекспира сравнивает своего отца с Гиперионом, а Клавдия с сатиром.

[51] Примечания: 51

У. Шекспир «Гамлет». Акт III, сцена 4. Пер. Б. Пастернака.

Гипериона, чью роль выбрал я, на ее взгляд, меня в этом спектакле было многовато.

Стэн снял бейсболку.

— Может, отдать ее Джейку?

— Стэн! — сокрушенно сказала Саския.

Он поднялся и с сожалением протянул мне руку.

— Слушай, так здорово было… Но Саския, ну, ты понимаешь… Жаль, что так получилось. Давай держать связь.

Я слышал, как Саския по дороге к выходу сказала:

— Нет, Стэн, даже не думай. Никакого метро. Поедем на такси.

* * *

И все же, каким был «настоящий» Стэн Копс? А что, если рана от пули, полученной им в порнопритоне, оказалась смертельной? Что, если, пусть это и трудно представить, некий введенный в заблуждение биограф, когда пройдет достаточно времени после обязательных некрологов, погребения, поминальных служб, решил взяться за историю Стэна Копса? И он по ходу дела наверняка захочет взять интервью у всех, кто знал Стэна, в том числе и у меня. Но у каждого

из нас свой опыт общения с этим человеком, у каждого свои уже уточненные воспоминания. Плюс у каждого из нас есть образ себя, который он хочет сохранять и охранять. То, как мы видим себя, определяет то, как мы видим других. Каким винегретом из неверной информации, какой смесью разных точек зрения мы одарим беднягу биографа!

К тому же и сам биограф — не *tabula rasa*[52]. Из мусора, что он насобирает, он сохранит те отбросы, которые сочтет важными, и все это подаст в соответствии со своим пониманием. Что-то отшлифует, что-то подштопает или перекроит, и вот уже сборище, которое не только ему нравится, но и подчеркивает важность предпринятого им дела. Однако его Копс будет не такой, как у меня, Саскии, Тейтельбаума или кого-то еще. Все биографы немного подрабатывают объекты своих исследований, придумывают их заново. Прошлого не переделать, но, с другой стороны, его нельзя узнать до конца. Я говорю не только о великих событиях, над которыми размышляют серьезные историки, но и о тех живых воспоминаниях о прошлом, воспоминаниях о совершенно

---

[52] Примечания: 52
Чистая доска (*лат.*).

обычных вещах, что хранятся в головах простых и ничем не примечательных людей. И тут стоит задаться вопросом: а где же правда?

* * *

В 1975 году ни Стэн, ни Энтуисл друг о друге ничего не знали — во всяком случае, так я думал. Британский институт искусства на Стрэнде устроил ретроспективу Энтуисла, и как-то днем, когда мы с Саскией прохлаждались вместе, я посоветовал ей туда сходить. Но она заявила, что Стэна современное искусство не интересует, а поскольку она хочет ему помогать, у нее есть время только на Сарджента и его современников. Ирония судьбы — все обернулось совсем иначе. Ирония судьбы была и в том, что, когда я переживал размолвку с Саскией, меня пригласили на рождественские праздники в Дибблетуайт, где Энтуисл собирался познакомить меня с очередной пассией.

Дибблетуайт находится между реками Юр и Суэйл, ближе к Тереку, а не к Рипону. Когда-то он относился к Уэст-Райдингу, а теперь входит

в Норт-Йоркшир[53], впрочем, эти административные пертурбации никак на самой деревне не сказались. Дибблетуайт не отличается живописностью — разве что вам нравятся унылые пустоши, на каковых он и расположен. Он гордится своим пабом, некогда называвшимся «Герцог Хамфри», но к 1975 году ставшим «Крысой и морковкой», где поили восхитительным элем и кормили отвратительной едой, а атмосферу определял хозяин Альберт Доггет, мрачный мужчина с хриплым смехом. В деревне была еще лавка, торговавшая бакалеей и канцтоварами, и почта, а еще булочная, где продавали фасованный хлеб, сосиски в тесте и булочки с лимонным кремом, прачечная самообслуживания с двумя стиральными машинками и тремя сушками, несколько домиков рабочих, заброшенная церковь Святого Суитина — готическая руина безо всякого романтического флера с крохотным заросшим кладбищем, на котором при сильном ветре можно было разглядеть пару покосившихся надгробий, а рядом — опустевший домик викария, последний обитатель которого ушел на покой в 1938 году. Жителей Дибблетуайта можно

---

[53] Примечания: 53
Уэст-Райдинг и Норт-Йоркшир — области Йоркшира.

было бы назвать «спальным сообществом», поскольку днем здесь, считай, ни души, только вот «сообщество» — неподходящее слово, поскольку оно подразумевает людей сколько-нибудь значимых. Но те немногие, кто здесь живет, в основном вкалывают на фермах, а жены их по утрам отправляются на автобусе в Рипон, где работают в «Теско» или уборщицами в частных домах. А сообществом они становятся разве что на посиделках в «Крысе и морковке».

Здесь, в Дибблетуайте, и родился в 1920 году Сирил Энтуисл, здесь провел большую часть жизни. С 1940-го по 1946 год он служил в армии, а позже проводил лето в Сан-Бонне-дю-Гар, где родилась Клер Бьенсан, единственная из всех его женщин, которой удалось опутать его узами брака. Но сейчас мы в 1975 году, до Клер еще двадцать лет. Сейчас дама его сердца — Фрэнсис Гилберт, Фрэнни, художница-любительница, акварелистка, которая явилась из дома номер три по Черч-энд, заручившись поддержкой общества акварелистов Финчли. Энтуисл был ей зачарован.

— В ней есть что-то восточное, — объяснял он мне за пинтой пива в «Крысе и морковке». — Обрати внимание: легкий пушок над верхней губой — его видно при правильном освещении,

золотистая кожа словно в ароматной испарине, под мышками волосы густые, курчавые, влажные, а уж поросль на лобке — но нет, этого ты не увидишь, я не позволю. — Энтуисл не без смущения смеется. — Боже всемогущий, я просто голову теряю! Она, понимаешь ли, еврейка, и необрезанный член ее завораживает. Еще бы!

Фрэнни ждала от сельской жизни того, что прежде в Дибблетуайте не наблюдалось. Она считала, что Энтуисл — из местной аристократии. И ему, и ей нужно было держать марку. На станцию в Рипоне он подъехал за мной на Лендровере. Фрэнни, объяснил он, посещает местную беспробудную бедноту, а затем будет помогать поварихе готовить нам ланч. Энтуисл был в твидовой кепке, в харрисовского твида пиджаке с клетчатым жилетом, кремового цвета рубашке с вязаным галстуком, светлых бриджах и начищенных сапогах. В руке он держал хлыст.

— Ты на себя не похож, — сказал я.

— Оно и к лучшему. У меня тут, в Дибблетуайте, множество обязательств. *Noblesse oblige*[54]. Фрэнни, она мне глаза открыла. Плебс ждет от более удачливых некоего стиля во всем. Так проще

---

[54] Примечания: 54
Положение обязывает (*фр.*).

побороть сомнения. Так они понимают, что мы их, если что, не бросим.

— Ты что, стал социально ответственным?

— Это все Фрэнни. Раньше мне на мир угнетенных было плевать. Я на них клал с прибором. Каждый сам за себя. Мне вот никто не помогал.

Энтуисл махнул рукой, показывая мрачному хозяину на пустые стаканы, тот осторожно покашлял.

— Мне не терпится познакомиться с Фрэнни.

— Уверяю тебя, оно того стоит.

Энтуисл и впрямь переменился. Тот Энтуисл, которого я давно знал и которым по-своему восхищался, был из тех, кого на жаргоне 1975 года называли «мужской шовинистической свиньей». Моя собственная мать за многие годы до этого пала жертвой его сексуальной невоздержанности. Он был закоренелым эгоистом, и ему был до лампочки так называемый общественный договор. Он был деспотом. Полагал, что люди, в особенности женщины, существуют для того, чтобы ему прислуживать. Жизнь свою он строил по принципу *sic voto, sic jubeo*[55] — действую согласно своей воле, и никак не предполагал, что

---

[55] Примечания: 55
Так я хочу, так я велю (*лат.*).

его желания могут ставиться под сомнение другими. Но, странным образом, была в его установках некоторая наивность, детский эгоцентризм, притягивавший к нему даже тех, кого он, использовав, отбрасывал.

Однако теперь, похоже, это был Энтуисл, размякший от песни сирены, Энтуисл, который, подобно Геркулесу, повстречал свою Омфалу и, возможно, утратил героическую мужественность.

Мамуля оправдывала его недопустимые поступки «кошмарным» детством, «жутким» воспитанием. «Бедненький мальчик, чудо, что он выжил, мало того — преуспел». Его отец, Джайлз Энтуисл, покинул семейную ферму в 1915 году — горел желанием сражаться против кайзера. Для этой цели он поступил в Йоркширский королевский фузилерный полк. В то время, судя по рассказам, он был симпатичным пареньком лет семнадцати, особым умом не отличался — на его родине таких называли «тупаками», но всегда был чисто выбрит и доброжелателен. Вернувшись в начале 1919 года в Дибблетуайт, он отрастил усы как у моржа и считался «чокнутым», то есть не вполне нормальным. Пережитое в траншеях ужасно его изменило. Он сидел без де-

ла на кухне у матери, зыркал на нее, пожевывая кончик уса, и еду, которую она ему подавала, мог съесть, а мог и швырнуть на кафельный пол. Вдова Джейн Энтуисл вскоре приучилась опасаться вспышек сыновьей ярости и ходила вокруг него на цыпочках.

В траншеях, в газовых атаках, от бомб погибло человек шесть из жителей деревни, и здесь были рады чествовать любого героя войны, вернувшегося домой. В Джайлзе Энтуисле они были разочарованы. Когда он только вернулся, ему радостно покупали пинтами пиво, он его принимал, но взамен ничего не предлагал, даже слова доброго не говорил. Сидел, ухмыляясь злобным шуткам, звеневшим у него в голове, в «Герцоге Хамфри» у камина, склонившись над кружкой, отгораживая ее рукой и поглядывая по сторонам — словно боялся, что кто-то ее у него отберет. А когда выпивку предлагать перестали, разве что злобно посмеивался да еще зыркал по сторонам, проводя указательным пальцем по горлу.

И вот однажды — урожай был собран, солнце клонилось к закату, все трудоспособные жители деревни устало плелись за своими телегами — он потащил за собой по стерне Люси Тоджер, девчонку четырнадцати лет: пообещал показать

ей волшебное колечко, что он нашел в Укромной роще. Люси сначала хихикала, а потом завопила: он грубо повалил ее на землю, раздвинул ей ноги и изнасиловал. А когда взошла луна, изнасиловал ее снова. И, прежде чем отпустить, заставил ее «вылизать его дочиста», поскольку она — грязная потаскуха.

Когда мать Люси, Грейси Тоджер, заметила, что дочь беременна, она в слезах кинулась к Джейн Энтуисл. Джейн, трясясь от страха, переговорила с сыном. Ей чудом удалось застать его в почти нормальном состоянии. Он нисколько не раскаивался в содеянном, но согласился жениться на Люси, поскольку Господь наказал всем, кто на Него уповает, плодиться и размножаться. Он был не совсем уж в здравом уме и все так же мерзко посмеивался. Но он хотя бы был убежден в том, что следует Божьему завету.

Люси произвела на свет Сирила 18 июня 1920 года. Ее мать считала, что пусть уж лучше Люси станет женой психа и буяна, нежели принесет в подоле, опозорив навеки имя Тоджеров. Мать и Джейн Энтуисл обрекли Люси на жизнь с бессердечным зверем. Сирил еще не родился, а Джайлз уже поколачивал Люси — и если бывал пьян, а она попадалась ему под горячую руку, и если

бывал трезв и решал задать ей урок. Когда она была на восьмом месяце, он со всего размаху долбанул ее по животу так сильно, что сам сквозь пелену безумия ужаснулся содеянному и кинулся за доктором. Чудо чудесное, но видимого вреда он не причинил. И на свет появился Сирил, прекрасный малыш.

— Да разве можно вообразить, что за воспитание у него было в такой семейке? — сказала, прикусив дрожащую губу, мамуля. — Взять хотя бы то, что он каждое утро отправлялся пешком в школу, за семь километров, по пустошам до Киркли, во всякую погоду, зимой — по колено в снегу, уходил и приходил затемно, а ветра там дуют в любое время года, и в дождь он ходил, а сапог резиновых не было, и в туман такой густой — хоть режь его, по зарослям дрока, по осыпям, все коленки, бывало, исцарапает до крови. И ему еще, считай, везло — везло, Робин! — что у него была краюха черствого хлеба с каплей прогорклого масла, и бутылка слабенького чая, было чем день продержаться. Куда хуже был кошмар родного дома, где пьяный скот отец избивал до полусмерти мать, шел с ремнем на сына, а тот, визжа от ужаса, убегал и отсиживался в сарае, пока мать за ним не приходила. Бедный,

бедный Сирил. Вот здесь это все и происходило, Робин. — Мамуля обвела рукой светлую, уютную комнату, в которой мы сидели. — Даже думать об этом невыносимо. — Она умолкла, шмыгнула носом, покосилась на меня, словно решая, стоит ли рассказывать дальше, прилично ли матери делиться такими вещами с сыном. — Наконец этот зверюга умер — Господь, я уверена, сам об этом позаботился, — выблевал остатки жизни и все пиво, которое вылакал в тот день, в сортире «Герцога Хамфри», и гроша за душой не оставил. Сирилу тогда было всего одиннадцать, а матери лет двадцать шесть. И что было ей делать, бедняге: беззубая, состарившаяся прежде времени, неграмотная, без особых умений — каким образом она могла добыть пропитание себе и сыну? Да таким, каким это испокон веку делают женщины в таком положении. — Мамуля вздохнула. — Не суди ее, Робин. Нет у нас на это права. Она задирала юбку для любого бродяги, для любого работяги — за стогом, в канаве, на груде листьев в Укромной роще — да-да, именно там, где тот зверь впервые взял ее силой. — Мамуля, побоявшись, что рассказала слишком много, встала. — Однако, «как в породе темной

яркий камень»[56], — продолжила она, цитируя слова Барда, вложенные им в уста принца Хэла — точнее, то, как цитировала Барда ее любимая писательница Сибил Траскотт, — из такого жуткого убожества и явился мой драгоценный Сирил. Гений чувственности, непревзойденный мастер видеть и изображать, был рожден на навозной куче. Я пойду поставлю чайник.

Я, конечно, знал, как мамуля любит украсить рассказ мрачными подробностями и цветистыми оборотами — она вдохновлялась, перечитывая снова и снова не только Сибил Траскотт, но и сестер Бронте, миссис Гаскелл, Уилки Коллинза, раннего Моэма, Хью Уолпола и Джона Голсуорси. Поэтому я делал нужные поправки. Однако я всегда считал, что хотя бы по сути ее рассказ о рождении и детстве Энтуисла достаточно точен. Откуда бы она это узнала, если не от него самого? Видно, он страдал *nostalgie de la boue*[57]. Так что существенно отличавшаяся от этой версия, которую изложила Фрэнни, оказалась для меня полной неожиданностью.

---

[56] Примечания: 56

У. Шекспир, «Генрих IV». Часть первая. Акт I, сцена 2. Пер. Е. Бируковой.

[57] Примечания: 57

Ностальгия по грязи (*фр.*).

Когда мы уходили из «Крысы и морковки», Энтуисл коснулся кончиком хлыста козырька своей кепки, прощаясь с хозяином, а тот понимающе подмигнул, показал большой палец и хрипло кашлянул.

— Кретин, — сказал Энтуисл, — законченный кретин. Впрочем, пиво тут неплохое. Если присмотреться, в каждом можно найти что-то хорошее, — усмехнулся он. — Давай, Робин, залезай!

Я положил вещи на заднее сиденье лендровера, брезентовая крыша которого, несмотря на холод, была откинута, а сам сел рядом с Энтуислом.

— Ну, погнали! — крикнул он — не то чтобы в шутку.

Он выехал из деревни на север, свернул на разбитую дорогу, а оттуда — на пустоши, по которым мы тряслись километра полтора.

— Это тебе на пользу — прочистишь легкие от городского смога, — сказал он.

Солнце, которое в то утро в Рипоне светило ярко, да и когда мы добрались до «Крысы и морковки» в Дибблетуайте, еще пробивалось сквозь набегавшие облака, теперь скрылось окончательно. Небо заполонили огромные иссине-черные тучи, над землей с завыванием носился ветер.

Повсюду виднелись островки снега — от предыдущего бурана. Я поддернул шарф повыше, чтобы прикрыть уши. Впереди, метрах в пятистах, был дом, обещавший тепло и уют — луч света в надвигавшемся мраке.

Рождество за городом, диккенсовская мечта англичанина, разрекламированная и таблоидами, и газетами посерьезнее, манило вкрадчиво — как плотские искушения Цирцеи или Акразии[58] — и сулило столько же опасностей. Где же зелье, что спасет меня от колдовства? Память, падкая на сантименты, не могла устоять перед этим ежегодным искушением. Рождество за городом неминуемо ужасно — в чем я всякий раз убеждался, не здесь, так в другом месте.

— Пройдись до дома пешком, дружок, ладно? На пользу пойдет, аппетит нагуляешь. — Энтуисл так резко притормозил, что меня швырнуло к лобовому стеклу. — Пока ты погуляешь, у нас с Фрэнни будет время быстренько перепихнуться. — Я, разумеется, вылез из машины. — Э-ге-гегей! — весело завопил он и нажал на клаксон.

---

[58] Примечания: 58

Акразия — персонаж поэмы «Королева фей» Эдмунда Спенсера (1552–1599), злая волшебница, воздвигшая в своих владениях декорации земного рая.

И умчался — как мистер Жаб[59] в Жаб-Холл, подумал я.

Фрэнни оказалась такой красавицей, что дух захватывало. Как только Энтуисл опять умудрился заполучить такую, да еще и на двадцать лет моложе себя. Ему было — подумать только! — пятьдесят пять, точнее, пятьдесят шесть, если то, о чем мне рассказала Фрэнни, было правдой; по моим нынешним меркам — еще молодой, но тогда он казался постыдно старым человеку, на пятнадцать лет его моложе, человеку, чью мать он трахал-перетрахал столько лет назад! Я переводил взгляд с Фрэнни на Энтуисла, с него на нее и чувствовал нечто, что мог чувствовать Яго, представляя, как мавр и Дездемона складывают зверя с двумя спинами.

— Фрэнни, детка моя, это Робин, известный бездельник, мой, так сказать, гражданский пасынок.

Фрэнни пожала протянутую мной руку, притянула к себе, ласково чмокнула в щеку.

— Добро пожаловать, Робин!

Я вдохнул ее ароматное тепло. И так бы и застыл навеки, но Энтуисл оттащил ее от меня и

---

[59] Примечания: 59

Мистер Жаб (или же мистер Тоад) — персонаж книги Кеннета Грэма «Ветер в ивах».

по-хозяйски положил ей руку на плечо. Я что-то пробормотал в ответ — как я счастлив здесь оказаться, какой холод на улице, Рождество, видно, будет снежное, — чувствуя себя персонажем из романа Агаты Кристи, нес вязкую чушь, но она была столь добра, что выслушала меня с улыбкой.

— Ну, пора и подкрепиться! — сказал Энтуисл, поведя носом. — Жареная баранина, запеченная картошка, гороховое пюре, мятный соус — вот что тебя ждет. А если хочешь отлить, прежде чем сесть за стол, так ты же знаешь, где *pissoir*[60], так ведь, малыш?

Я машинально повернулся в сторону туалета.

— Руки не забудь помыть, — хмыкнул Энтуисл. Рука его, все еще обвивавшая шею Фрэнни, скользнула ниже и ущипнула ее сосок.

Я на самом деле покраснел. Этот извращенец намекал на тот давнишний случай, когда мамуля, неукоснительно, хоть и смущаясь, но с собачьей покорностью исполнявшая свою роль *in loco patris*[61], объясняла мне, уже вполне великовозрастному детине, как важно, с точки зрения

---

[60] Примечания: 60
Туалет (*фр.*).

[61] Примечания: 61
Вместо отца, в качестве отца (*лат.*).

гигиены, мыть руки после того, как — по ее выражению — «сделаешь пи-пи». И когда я вышел из туалета, Энтуисл — я запомнил дословно — сказал мне: «Держу пари, руки ты помыл, дурачина? Но это все лабуда. Ты их мой, когда чужой хер хватаешь, а не собственный». И хмыкнул он тогда точно так же.

Вот что мне раньше в голову не приходило, так это то, что дом Энтуисла никак не походил на дом работяги. Он был куда богаче, куда просторнее, даже если не брать в расчет примыкавшие постройки — мастерскую, в которой он работал, огромный сарай, где он хранил свои картины, гараж, где при необходимости можно было бы разместить четыре машины и двух шоферов в комнате наверху. Мамуля тогда, много лет назад, пытаясь улучшить суровый быт основного дома, сотворила чудеса — были проведены газ и электричество. Все последующие тоже привносили что-то. Но пошлую деревенскую атмосферу создала уже Фрэнни: фальшивая исконность словно сошла с реклам Лоры Эшли и Ральфа Лорена и со страниц «Загородной жизни». Приглушенные тона, узоры в огурцах и кожа, деревянные сундуки и абажуры с бахромой, безделушки и оборочки повсюду. На стенах не картины Энтуисла, а нежные

акварельки Фрэнни, кое-какие вполне миленькие — как картинки на шоколадных коробках: овцы на туманных пустошах, башни Йоркского собора, развалины какого-то монастыря и так далее. И то, как изменился интерьер, было убедительным доказательством силы обуревавшего Энтуисла чувства. Такого он бы не позволил ни мамуле, ни последовавшим за ней. Короче, интерьер говорил о многом — но не о том, подозреваю я, что предполагала эта влюбленная парочка.

А поверх всего этого пестрели обычные рождественские украшения. В эркере стояла вся в мишуре *Tannenbaum*[62], обычай наряжать которую, как мне говорили, пришел в Англию с возлюбленным супругом Виктории Альбертом, да так и укоренился. Под ней лежали подарки в ярких обертках — это пришло уже из Голливуда, тамошние магнаты слыхом не слыхивали про то, что день подарков — это второй день Рождества. В изобилии были представлены изящные венки из остролиста и плюща. Из четырех углов по потолку тянулись разноцветные бумажные цепи, сходившиеся у люстры, с которой свисала — о да, вы угадали! — ветка омелы. На рояле — изящ-

[62] Примечания: 62
Ель (*нем.*).

ном кабинетном рояле «У. Х. Барнс», истинно английском, наверняка принадлежащем Фрэнни, поскольку Энтуисл был так же немузыкален, как и шекспировский Хотспур, лежали ноты рождественских песен, с «Я видел три корабля» сверху. На каминной полке были расставлены рождественские открытки. Что до самой Фрэнни, то она была в модельных джинсах и кремового цвета шелковой блузке и выглядела весьма эротично.

Ланч прошел в натужно веселой атмосфере, но еда была вполне приличная. Поварихой, как я узнал, оказалась Фиби Доггет, жена владельца «Крысы и морковки» Альберта.

— Нам очень с ней повезло, — сказала Фрэнни. — А в таких случаях она просто незаменима.

— Это она про традиционные блюда, — объяснил Энтуисл. — Если ты предпочитаешь континентальную кухню, то тут у тебя надежда только на Фрэнни. — Он послал ей воздушный поцелуй через стол, и это было невыносимо. — А как насчет твоих *truite farcie*?[63] Или *agnello marinato*

[63] Примечания: 63
Фаршированная форель (*фр.*).

alla griglia?[64] Или *Esterházy rostélyos*?[65]

— Ну, завтра у нас будут миссис Доггет с гусем, рождественским пудингом и всем прочим, — спокойно сообщила Фрэнни.

— Вот это жалко — сказал Энтуисл. — Однако придется держать марку. Завтра к нам кое-кто придет. Родственников Фрэнни здесь нету. Одна пара из Лидса, у них денег куры не клюют. Он заказал портрет жены — кошмарной пухломордой блядищи. Прости, Фрэнни. Зачем он решил ее запечатлеть, я никогда не пойму. Да и не мне в этом разбираться. А еще — Джеффри Уилкинсон. Может, ты о нем слыхал? Он был редактором отдела религии в литературном приложении к «Таймс». Он, думаю, непременно захочет рождественских песен. Так что уж извини. Но для тебя у нас особая гостья — Элис Грешам, она пишет для «Йоркширского книжного обозрения» и большая поклонница твоего таланта.

Остаток дня пролетел быстро, чему поспособствовала тьма, наступившая часам к четырем — тьма, которая бывает лишь в сельской местности — думаю, на йоркширских пустошах она

---

[64] Примечания: 64
Маринованная баранина на гриле (*ит.*).

[65] Примечания: 65
Жаркое «Эстергази» (*венг.*).

совсем кромешная, да и Энтуисл около восьми утащил Фрэнни в спальню.

— Ты же взял что-нибудь почитать? Если нет — тут полно книг. Выбирай что хочешь. Фрэнни, пошли!

— И в кладовке берите что хотите — если вдруг голод подступит, — сказала Фрэнни. Она поднялась, взъерошила Энтуислу волосы — с той гордостью, с какой любящая мать любуется своим щекастым сыночком. — Сирил, не слишком мы любезны с Робином. Сегодня все-таки рождественский сочельник.

— Ну и хрен с ним, — миролюбиво откликнулся Сирил. — Я вымотался.

Фрэнни, взглянув на меня, с милой улыбкой развела руками.

— Спокойной вам ночи, — сказал я. — Я тоже скоро лягу.

Заснуть я не мог несколько часов, мешал шум сексуальной битвы, доносившийся через толстую стену, разделявшую наши спальни, — крики, вопли, стуки, смех, стоны, визги, лихие крещендо и усталые вздохи. Мне хотелось плакать. Утром Энтуисл, хитро на меня поглядывая, спросил, не мешали ли они мне ночью.

— Нисколько, — ответил, поджав губы, я. — Зас-

нул мгновенно. Сельский воздух.

— Сельские забавы, скорее, — не без намека ответил Энтуисл.

День Рождества обещал либо здоровое веселье, либо тягучую тоску, в зависимости от того, как относиться к предполагаемым традиционным празднованиям и предполагаемому развлечению. Думаю, вам понятно мое к этому отношение. Миссис Доггет приготовила весьма удовлетворительный рождественский ужин, веселое настроение обеспечивала выпивка. Напялили смешные шляпы, разрывали хлопушки, играли в шарады — прервались, чтобы посмотреть, как королева в телевизоре пытается подбодрить своих подданных и здесь, и за границей. И каждую из присутствующих дам, включая зардевшуюся и покрывшуюся от волнения испариной миссис Доггет, поцеловал под омелой хотя бы один подвыпивший джентльмен. Джеффри — «Зовите меня просто Джеф» — Уилкинсон а капелла спел нежным голосом «*Adeste fideles*»[66], после чего под громкое бренчание Фрэнни на рояле Энтуисл прохрипел «Коленки повыше, матушка Браун». Миссис Доггет, которая, когда Уилкинсон

[66] Примечания: 66
«Придите, верные» (*лат.*). Рождественский гимн.

призывал верных, стояла тихая, благоговейная и чуточку пьяная в дверях, не только подпевала хрипам Энтуисла, но даже дерзнула жестами призывать нас подхватить песню. Ее поддержала только Флорри Бостви́к, супруга господина из Лидса, чей портрет Энтуисл подрядился написать. Она сопровождала пение «Матушки Браун» движениями и жестами, вполне подобающими произведению, издавна любимому во многих пабах, и улыбкой, демонстрирующей, что она умеет поддержать веселье.

Элис Грешам явно ощущала свое превосходство над собравшимися и в основном натянуто улыбалась. Ее в Дибблетуайт привезли Бостви́ки, которые оказывали существенную финансовую поддержку «Йоркскому книжному обозрению», поэтому, как ясно дал ей понять редактор издания, обижать их не следовало. К тому же без них ей было не выбраться из этой богом забытой дыры. Господи, молю, давай без снегопада. С Бостви́ками она должна была мириться, но быть любезной со мной она не намеревалась. И это еще мягко сказано. Мой первый роман был не без достоинств, признала она, было чего ждать дальше. Но затем я поддался на льстивые речи истеблишмента, частью которого и стал. Мой

успех говорил сам за себя.

Согласитесь, не очень-то приятно. Однако я ее простил.

— Мой кошелек говорит совсем о другом, — сказал я, решив по пьяни, что высказался весьма остроумно.

Она была вполне недурна собой, разве что слишком уж сухая и бесцветная по сравнению с Фрэнни, и я поцеловал ее под омелой. Я их обеих поцеловал.

Когда миссис Доггет ушла, пробормотав благодарности всем присутствующим за щедрые рождественские подарки (деньги были скромно вложены в поздравительные открытки), весь энтузиазм куда-то улетучился. Дерек Бостви к, который метил на место депутата тори от Отли, разразился слезливым тостом, в котором упомянул, как нам повезло жить в стране, где и т. д. и т. п., во времена, когда и т. д. и т. п., но прежде всего потому, что настоящие друзья и т. д. и т. п., поэтому он и хочет поднять бокал за радушного хозяина и очаровательную хозяйку и т. д. и т. п., сохранивших лучшее из культурного наследия и т. д. и т. п., и отметить особо, какая честь встретить этот освещенный духовностью праздник в доме одного из величайших из ныне

живущих художников и его прекраснейшей спутницы… Здесь он прервался, его душили рыдания, и продолжать он не мог. Наступившую тишину прервали Джеффри Уилкинсон и Элис Грешам, закричавшие: «Точно! Точно!», а потом все вместе стали кричать: «Фрэнни и Сирил!» Рождество в Дибблетуайте закончилось.

Ну, и слава богу. Важно то, что Фрэнни поведала мне на второй день Рождества, и то, что она показала, чтобы подтвердить свой рассказ.

Ланч на следующий день был скромный: картофельный суп, холодный окорок, маринованный лук, сыр, хлеб. Фрэнни предложила прогуляться втроем по пустоши. Метели не случилось. Более того, сияло солнце. Энтуисл сказал, что хочет использовать остаток светового дня и поработать в мастерской. Так что мы с Фрэнни отправились вдвоем. Уже и не помню, почему разговор зашел о юных годах Энтуисла. Но я, используя напускное сочувствие к нему как способ приблизиться к Фрэнни, рассказал что знал о его детстве.

Во время прогулки мы остановились полюбоваться виселицей, копией той самой, как сообщалось на табличке рядом, которая стояла на этом месте или где-то поблизости с 1689-го по 1830 год и на которой испустили последний

вздох многие злодеи. Собственно, любовался я не виселицей, а румянцем, заигравшим от прогулки по холодку на щеках Фрэнни. Будь он проклят, этот Энтуисл! Мы повернули к дому.

Моя, точнее мамулина, версия о происхождении Энтуисла, сообщила мне Фрэнни, была ошибочной, точнее, «полным вздором». В этом не было мамулиной вины. Энтуисл любил подрабатывать и преображать свое прошлое, выискивая взглядом художника самую суть.

— А вы знаете, что он ведет дневник, уже многие годы? — Я невнятно хмыкнул. — Он пишет его в блокнотах на кольцах, чтобы можно было вынимать и вставлять страницы. Вот на прошлой неделе он мне показывал страницу, которую добавил к 1967 году. «Ужин с Э. Гомбричем и К. Поппером, „Атенеум“. Немного перебрал бренди, напился. Гуммо и Поппи в отличной форме». Все выдумано, от первого до последнего слова, в том числе его остроумные *obiter dicta*[67] за столом.

— Зачем ему все это?

— Я его спрашивала. Сказал: «Для потомков. Будет этим говнюкам о чем подумать». Он массу

---

[67] Примечания: 67
Сказанное к слову (*лат.*).

всего исправил или добавил. Вряд ли он теперь точно знает, где правда. Это при том, что всей правды никто знать не может, — философски добавила она. — Он вам сказал, что я еврейка?

— Вообще-то да.

— Вообще-то я не еврейка. Была бы еврейкой, я бы и не думала это отрицать, но — нет. Надеюсь, вы понимаете, о чем я. Однако он это выдумал и иногда, по-моему, сам в это верит. Ему удобно, чтобы я была еврейкой. Бог его знает, почему. И когда-то ему было удобно, чтобы у него были контуженый зверюга-отец и поруганная шлюха-мать — такая правда была удобна для него или для вашей мамы, а может, для обоих. Может, от такой правды им было лучше в постели. К тому же я вовсе не отрицаю, что у Сирила, бедняжечки, было ужасное детство. Наверняка было. Как и у всех нас.

— А откуда вы знаете, что история, рассказанная вам, ближе к правде, чем история, которую он рассказал моей матери?

Она усмехнулась.

— Естественно, я этого не знаю. Но я нашла парочку доказательств — вполне убедительных. Я вам покажу, когда мы вернемся.

Сирил для Фрэнни был сыном капитана Джайл-

за Уолтера Энтуисла, кавалера ордена Виктории, и Люси Вайолет Энтуисл, урожденной Тоджер, оба были единственными детьми в семьях сельских священников, его отец — из прихода Ламли около Нерсборо, ее — викарий церкви Святого Суитина в Дибблетуайте, так что он был, считай, из среднего класса с его пресловутой респектабельностью. *Сука*, *сволочь*, *на хер* и прочие слова, столь значимые в лексиконе Сирила, для его родителей просто не существовали. Это нисколько не указывает на их праведность или ханжество, а лишь свидетельствует о социальных ограничениях того времени. Мы можем предположить, что капитан, будучи человеком военным, наверняка слышал подобные выражения не только в траншеях, среди плебса, но и в офицерской среде, однако никогда не позволял себе осквернить губы, которые берег для Люси. (То, что «мы можем предположить», разумеется, может быть совершенно неверно. Кто знает, как они заводили друг друга по пути к супружескому ложу или на нем?)

В буфете под лестницей Фрэнни обнаружила коробку из-под сапог, полную реликвий, имевших, по-видимому, отношение к родителям Энтуисла. Это было собрание документов, фотографий, газетных вырезок, пачек писем и так

далее. Когда мы вернулись с прогулки, она поставила коробку на диван между нами и стала перебирать содержимое. Здесь были вырезки из «Таймс» и «Йоркшир ивнинг пост» от 17 мая 1918 года, где сообщалось о венчании капитана Джайлза Энтуисла, кавалера ордена Военного креста Королевского Йоркширского фузилерного полка, и Люси Тоджер из Дибблетуайта, состоявшемся в церкви Святого Суитина в Дибблетуайте, Уэст-Райдинг и проведенном отцом невесты, преподобным Тимоти Тоджером. В условиях войны позволялось нарушать некоторые запреты. Капитан Энтуисл, как мы узнали, находился в Англии в трехдневном отпуске, который он получил, поскольку король Георг V должен был вручить ему Военный крест. Он проявил себя героем во время наступления германских войск 9-11 апреля 1918 года, неоднократно возвращался на поле боя помогать раненым. На фронт он вернулся на следующий день после свадьбы, присоединился к своему батальону в местах сражения на Сомме[68], неподалеку от Маметца. Из 620 человек, участвовавших в контрнаступлении британских войск 25–26 мая, в живых осталось только 103 че-

[68] Примечания: 68

Битва на Сомме — одно из важнейших сражений Первой мировой войны, шло с 1 июля по 18 ноября 1916 года на обоих берегах реки Сомма.

ловека, и капитана Энтуисла среди них не было. За героизм, проявленный в битве на Сомме, он был посмертно награжден Крестом Виктории.

Ранним утром 23 февраля 1919 года юная вдова разрешилась от бремени сыном. Объявление о рождении Джайлза Сирила появилось в «Йоркшир ивнинг пост» и в «Черч таймс». Письма, перевязанные атласной ленточкой, любовные, сказала Фрэнни, и их она мне не показала. В плоской кожаной коробочке, в бархатном мешочке хранились Военный крест и Крест Виктории. Среди фотографий были официальный снимок капитана Энтуисла в военной форме и фото новобрачных на ступенях церкви Святого Суитина, по обеим сторонам от них — викарии с сияющими супругами. Невеста смотрит на жениха, смотрит с обожанием. Идет дождь.

— Я это лучше уберу, — сказала Фрэнни. — Я не совала нос в чужую жизнь, наткнулась на это, когда искала свой плащ. Но Сирилу не рассказала. Вряд ли ему это понравится.

— Так он родился в 1919-м, а не в 1920-м?

— Трудно сказать. Паспорт и свидетельство о рождении он держит под замком. — Фрэнни усмехнулась. — А что, если все это вообще не про его родителей? Что, если это фальшивка? От него

и такого можно ожидать.

— Ну, выяснить это большого труда не составит.

— Тогда получится, что я сую нос в чужие дела. Тут нет ничего, что противоречило бы тому, что он мне рассказывал. Я знала, что его отец погиб на войне и никогда его не видел. Почему-то он никогда не упоминал об отцовских наградах. Вроде бы должен ими гордиться. Большинство мальчиков гордились бы. Они с матерью некоторое время жили у ее родителей в доме викария, но потом те умерли от инфлюэнцы. Печальный поворот событий. Похоже на историю из Диккенса, правда? Куда было податься несчастной молодой вдове и ее бедному сыночку? Неужели в богадельню? Но тут их спасли родители капитана Энтуисла, которые купили им этот дом и назначили небольшое ежегодное пособие. Этот добрый поступок не только успокаивал совесть, но и помогал держать нежелательных родственников на безопасном расстоянии. Так что хотя в детстве Сирила денег в доме было немного, но кладовка никогда не пустовала. Да, ему, как и многим детям, приходилось тащиться каждое утро через пустошь в Киркли, в школу — тут ваша мама рассказывала правду. В те времена никаких школьных автобу-

сов не было. К тому же довольно скоро он попал в Кронин-Холл, получил стипендию.

То, как Сирил жонглировал своей историей, заставляло задуматься о проявлениях раздутого до чудовищных размеров эго. Женщина раздвинула ноги, пару раз постонала, и наружу выскочил Сирил Энтуисл, гений. Какая мать может быть удостоена такой чести? И какой отец? Наверняка он обдумывал и идею непорочного рождения.

— А вас нисколько не волнует то, что он обманщик?

Это было слишком смело с моей стороны, слишком дерзко. И, видимо, было ошибкой.

— Мошенник? Да он самый искренний человек из всех, кого я знаю. А еще он — надеюсь, вы не забыли, — величайший английский художник двадцатого века. В одном его мазке больше правды, чем во всем Священном Писании, не говоря уж о ваших дурацких романах. Боже, да какое мне дело до его прошлого? У меня есть Сирил здесь и сейчас, и ничего кроме него здесь и сейчас мне не нужно. — Она раздраженно встала, прижав коробку к груди. — Он мне говорил, что вы болван. Уж не знаю, что он с вами носится. Из сентиментальности, наверное.

Итак, меня одна за другой отвергли две женщи-

ны, к которым у меня была хоть искра интереса. В случае с Саскией — больше, чем искра. Но так или иначе, похоже, пришла пора мне немного покопаться в своем прошлом. Я наконец понял, что хотел я не столько Фрэнни, сколько того, что получал Энтуисл от этой красавицы — безоговорочного восхищения и поклонения. Я завидовал именно тому, как возлюбленные, не рассуждая, принимают друг друга, тому, как безоговорочна их страсть. Именно к такому счастливому состоянию я мечтал подключиться — в том числе и оказаться в сексуально заряженном поле, — когда проводил рождественские праздники с Сирилом и Фрэнни.

Надеюсь, никто не сочтет это нытьем, но мои отношения с женщинами обычно недолговечны и приносят мало радости. Начинается все с восторга, но скатывается к разочарованию. Думаю, это проклятье писательского ремесла. Слишком скоро я начинаю видеть в очередной даме персонаж своего произведения, создание, чьей личностью и устремлениями я могу манипулировать по своей воле и вокруг которого я могу выстраивать различные эпизоды, пускать сюжет по новым маршрутам, к чему-то еще неизвестному, непройденному, отвергающему или

побеждающему. И, похоже, сдержать себя я не в силах.

Но конечно же, она — не плод вымысла, который можно изменять как мне заблагорассудится. На нее уже повлияли среда и происхождение, у нее есть мысли и переживания, о которых мне ничего не известно. До того, как она возникла в моей жизни и в моей голове, она, должен я признать, полностью сформировалась. И когда созданная моим воображением и настоящая женщина вступают в противоборство, примирить их никак не получается. Либо она, либо я, а то и мы оба чувствуем себя преданными.

Впрочем, с Кейт был не совсем такой случай. Кейт была вполне реальной. Никакого раздвоения. Кейт была… М-да… Давайте двинемся дальше, хорошо?

Двигаться дальше — я полагал, что этим и занимаюсь, когда женился на Лиззи Бродбент, а случилось это через год после моего возвращения из Мошолу и Нью-Йорка. Только что вышел единственный из моих романов, действие которого происходит в Новом Свете, «Времена в квадрате». У меня взял интервью «паренек-бодрячок» с Би-би-си Кит Рамблоу — для теперь уже забытой, но в те времена очень популярной утренней переда-

чи «Все самое светлое». В восемь утра я не горазд веселиться. «Пареньку-бодрячку» пришлось со мной туго.

Лиззи в ту пору писала сценарии для пятиминутной передачи «Сводки по Лондону», которая выходила в одиннадцать пятьдесят пять по будням, прямо перед выпуском «серьезных» новостей. Она потом мне рассказывала, что заглянула в студию в надежде встретить там меня. Она была большой поклонницей моего таланта. После того как Рамблоу бодро меня поблагодарил, пожелал всего наилучшего и отпустил, Лиззи отвела меня в свой закуток за перегородкой и угостила кофе с печеньем. А потом, судорожно порывшись в кипах бумаг и еще бог знает чего на своем столе, вытащила экземпляр «Времен в квадрате» и прижала к своей крохотной груди. Не соглашусь ли я подписать? Конечно, с превеликим удовольствием. «Моей влиятельной знакомой Лиззи Бродбент, Би-би-си. С любовью, Робин Синклер». Она буквально зарделась от удовольствия. Я пригласил ее на ланч. Она была молоденькая и хорошенькая. Наверное, это мне льстило.

Но Лиззи, поначалу такая чувствительная, вся из вздохов и трепетания ресниц, оказалась «крепким орешком» — это выражение я как раз

привез, вместе с несколькими парами джинсов, из Америки. Она была честолюбива и наверняка считала, что полезно закрутить роман с таким, как я. Сценарии для «Сводок по Лондону» были только первой ступенькой. Она, должно быть, считала, что я познакомлю ее с литературным Лондоном. Если так, то рождественская вечеринка у «Хемингса, Джефферсона и Хьюза» — моих литературных агентов — должна была только больше ввести ее в заблуждение. Тимоти Хьюз как раз согласился взять меня в клиенты. В университете мы жили в соседних комнатах. «Приходи на вечеринку, старина, — сказал Тимоти. — Еды негусто, и вино дрянь, но пора себя показать и на других посмотреть. Приводи подружку». Лиззи была счастлива оказаться в компании писателей, издателей, редакторов, критиков — сливок, крема и пахты литературного мира, некоторыми именами вполне можно было щегольнуть. Я зачарованно наблюдал, как она прорабатывает весь зал, заводит, так сказать, полезные знакомства, кроха метр шестьдесят пять ростом, с сияющими глазами, в черном коктейльном платье, облегавшем стройную фигурку, — она была там самая живая и, пожалуй, самая привлекательная из всех женщин.

От этой вечеринки была польза. Например, Лиззи поднялась еще на одну ступеньку. Джереми Титмарш, он был в ту пору редактором в «Индепендент-уикенд», пялился на нее открыв рот, в молчаливом потрясении и вдруг обрел голос. Не будет ли ей интересно написать тексты для подборки фотографий, которую журнал собирается опубликовать в новом году? Будет? Чудесно! И он вручил ей свою визитку. Должен признать, что Лиззи щедро отблагодарила меня за такую помощь в продвижении по карьерной лестнице: она одарила меня долгим и пылким поцелуем под омелой, за чем все находившиеся поблизости с удовольствием наблюдали, пока какой-то подвыпивший шутник не закричал: «Ой-ёй, дайте же бедолаге вздохнуть!» А еще она дала мне ключ от своей квартиры, на верхнем этаже шикарного кирпичного дома на Хит-драйв, совсем рядом с Финчли-роуд, что было весьма кстати, поскольку, вернувшись, я жил в мрачных трущобах Фленсерз-Ярда, в темном уголке Кеннингтона, на задворках стадиона «Овал». У меня оставались деньги от поездки в Америку и еще немного — от издания «Времен в квадрате», так что я был не то чтобы на мели. К тому же Тимоти рассчитывал продать книгу в Штаты, тем более

что действие разворачивалось там. Но в то время — второй роман вышел, рецензии снова были прекрасные, а продажи никакие — я не мог позволить себе ничего кроме убогих однокомнатных квартирок. Лиззи была благодарна мне за рождественскую вечеринку, а я был благодарен Тимоти, который разрешил мне привести подружку.

Лиззи была по природе очень спортивная, любительница фитнеса *avant la lettre*[69], и уделяла много времени физкультуре — еще до того, как это стало всеобщим поветрием. С ней в постели я испытал совершенно новые ощущения. Никогда прежде я не обнимал женщину с таким сильным, подвижным и гладким телом. У нее были удивительно сильные руки и ноги. Любимой ее книгой была «Камасутра». Некоторые позы ей особенно нравились — «Жена Индры», четвертая поза «Благоухающего сада», «Колесо Камы» из «Ананга-ранги», «Полет бабочки» из поз Тао. Она старалась, чтобы в наших занятиях любовью не было никаких ошибок, промахов, неловкостей, досадных случайностей. И это ей удавалось, с ее ловкостью она умела превращать мои оплошности в вариации нашего сексуального танца. Я

[69] Примечания: 69
Как сказали бы сейчас (*фр.*).

был зачарован, покорен. Надо было мне, как Геку Финну, «удирать на индейскую территорию».

Но мы быстро, легко и, как мне показалось, естественно соскользнули в брак. Оба прежде не были связаны никакими узами. Родители Лиззи, уйдя на покой, переехали в Сарасоту, во Флориду, где отец играл в гольф, а мать в маджонг. Они по-прежнему очень любили друг друга, но дочь их мало интересовала. Когда она выучилась в Оксфорде, они купили ей квартиру, назначили небольшое ежегодное содержание и решили, что свой долг выполнили. Мы вполне могли рассчитывать, что для них ничего не изменится. Подружкой невесты у нее была Фелиция какая-то там, они вместе учились в школе Родин[70]. У меня шафером был Тимоти Хьюз. Мы обвенчались в церкви Святого Иоанна, на Черч-роу в Хэмпстеде, ветреным весенним днем — дамы, фотографировавшиеся на лестнице у церкви, вынуждены были придерживать шляпы. Кроме Фелиции и Тимоти, Лиззи пригласила еще каких-то приятелей по Кембриджу, несколько человек с Би-би-си. К алтарю невесту вел дядя. Дядя Герберт был братом ее матери. Мужчина

[70] Примечания: 70

Родин — одна из самых дорогих английских школ-пансионов для девочек. Находится в Восточном Эссексе.

с багровым лицом, псориазом и хворой женой, жил в Доркинге. Он сфотографировался со всеми после церемонии, а затем тихо удалился. Жених, человек не слишком общительный, пригласил помимо Тимоти еще одного дружка по университетским годам, Гэри Торнтона, чья печень к тому времени уже почти пришла в негодность. Мамуля плакала и на церемонии, и после нее, она расстраивалась не оттого, что теряет сына: ей больно было видеть сияющую леди Синтию под ручку с Сирилом. Сирил заявился на ланч по случаю бракосочетания, ничем не примечательное событие в «Клюве попугая» на Фласк-уок. Все очень старались веселиться. Тимоти подготовил остроумную речь шафера, но его постоянно перебивал, причем в ключевые моменты, Гэри — он уже успел напиться вдрызг. Леди Синтия, которая по части выпивки не уступала Гэри, уверила меня, что брак — главное счастье как мужчины, так и женщины (ик!), и не будь она уже (ик!) замужем за лордом Барнетом, она непременно вышла бы за Сирила Энтуисла. Услышав такой панегирик браку, мамуля начала безутешно рыдать. Под конец этого торжественного дня жених с невестой рухнули на супружеское ложе, размышляя о том, какого черта они все это устроили. В первую

брачную ночь до «Камасутры» дело не дошло.

Медовый месяц мы отложили: моя жена решила, что время неподходящее. Появилась вакансия в команде «Обзора недели», престижной передачи, которую вел Пьер Литвак, «интеллектуальный» журналист, тогдашний любимчик левых. Евреев в ту пору еще считали несправедливо пострадавшими, поэтому на Би-би-си к ним относились терпимо. Главной соперницей Лиззи была Венди Мартин, крепкая профессионалка, которая писала сценарии к детской передаче «Кутерьма». Моя молодая жена выступила в своем духе. Она попросила знаменитую виолончелистку Салли Сешнс дать ей интервью. К слову, Салли была женой Литвака, но это само собой. Салли на интервью согласилась, Лиззи написала статью и уговорила Джереми Титмарша опубликовать ее в «Индепендент-уикенд». Статья получилась — она была содержательная, глубокая, человечная, да и написана отлично. Лиззи получила место и вдобавок стала близкой подругой Салли Сешнс. Круг нашего общения ширился. А медовый месяц все больше представлялся бессмысленным предприятием.

Лиззи любила все держать под контролем. Она хотела заранее знать, в какой день, что и когда

она будет делать, более того, хотела знать, что готовит будущее и как она может его изменить. Поскольку я был ее мужем, ей нужно было знать, что я собираюсь делать в течение дня, час за часом, и что собираюсь делать в будущем. Кроме того, ей нужно было соотносить наши расписания, а это обычно означало, что мое расписание подстраивается под ее, и переход в нужном ей направлении осуществлялся весьма плавно — как в наших занятиях сексом.

Многое из этого было для меня невыносимо. Я не то чтобы разгильдяй, но я терпеть не могу регламентирования. Я изыскивал способы нарушить планы Лиззи. Я пропускал встречи с издателем, во время очередного из ее ужинов я должен был быть где-то еще, в заранее намеченное время не садился за письменный стол. Я бросал роман за романом. И этим сводил бедняжку Лиззи с ума.

Постепенно, думаю, она поняла, что вышла замуж не за того писателя, который строчит книгу за книгой. Полагаю, она меня любила и поэтому прощала. Но я тормозил полет ее честолюбия. Начались скандалы, в основном на пустом месте. Почему я такой непредприимчивый? Я что, не хочу получить «Букер»? Или «Уитбред»? Она же

поднималась по карьерной лестнице все выше и выше. Салли Сешнс свела ее с редактором «Нашей Англии», и тот предложил ей ежемесячную колонку о «текущей обстановке», что бы это ни значило; Мэтью Стэмп, редактор «Биографии», прочитал ее статью о Салли Сешнс и тоже захотел, чтобы она вела колонку, «Люди Лиззи». Лиззи взмыла как комета.

Что было нам делать, Лиззи и мне? Решение пришло ex machina[71]: Лиззи позвонили из Эдинбурга, из одного почтенного журнала, и предложили пост главного редактора. Разве могла она отказаться?

— Ты поедешь со мной в Шотландию?

— Нет.

— Робин, может, мне отказаться?

— Конечно, нет.

— И что же делать?

— Лиззи, давай покончим с этим. Было замечательно, но мы не стали великой парой возлюбленных. Предлагаю мирно расстаться.

— Я люблю тебя, Робин.

— И я тебя люблю, Лиззи.

— Без обид?

---

[71] Примечания: 71

Дословно: бог из машины (*лат.*). Означает неожиданную развязку благодаря внешним факторам.

— Без обид. Давай устроим прощальный ужин в «Клюве попугая».

— Давай.

Пожалуй, пора заканчивать эту полную рефлексий интерлюдию. Думаю, вы поняли, в чем штука. Я превращаю себя в персонажа собственного произведения. В качестве коды к моему рассказу о визите в Дибблетуайт на Рождество 1975 года должен отметить, что к следующему лету Фрэнни хотела лишь одного — знаменитого флейтиста Ицхака Гольдхагена, или, как наверняка говорила Фрэнни, «величайшего английского флейтиста двадцатого века», с которым она сбежала в Тоскану, в Четону, оставив Энтуисла — кто бы мог подумать — безутешным.

3

Боюсь, я был не вполне искренен в некоторых вопросах, например, так вы вполне могли предположить, что я никак не был причастен к тому, что Энтуисл выбрал своим «официальным» биографом Стэна. На самом деле Стэна предложил я. Да-да! Собственно говоря, сначала Энтуисл попросил *меня* написать его биографию. *Меня!* В голове не укладывается.

— Чтобы все в семье осталось, — сказал он. — Сыновье уважение и все такое. Я всегда считал тебя сыном, которого у меня не было. Я ведь не молодею, сынок. Ну, как тебе такая идея?

Это было года два назад или чуть меньше. Он тогда приехал в Лондон к зубному, который сообщил ему печальную новость. Все оставшиеся верхние зубы надо вырывать, и как можно скорее. Они гниют, что отравляет весь организм. Кость недостаточно крепкая, так что импланты ставить нельзя, придется ему носить вставную челюсть.

— Чтоб никому ни слова, ни полслова, Робин.

Дело было в моей квартире в Болтон-Гарденз, где он собирался переночевать, чтобы утром

ехать в Дибблетуайт.

Полагаю, что «доктор Малколм-сука-Макайвер, гнида», как неизменно называл его Энтуисл, комкая «Малколм», с шотландским акцентом пропевая «Макайвер» и с особой нежностью упирая на «гниду», грубо напомнил ему о том, что он смертен, что не будет ему больше ни хлеба с поджаристой коркой, ни ирисок, ни стейка с кровью. Он сидел у камина, так и не сняв пальто на шерстяной подкладке и кепки, грел над огнем руки. Он был такой слабый, такой старый! Да, действительно, старый — уже за восемьдесят.

— Биографиями я не занимаюсь, — сказал я. — Для этого особый талант нужен.

— Да ты ж писатель, нет, что ли? Это такой пустяк. К тому же я здесь — во всяком случае, пока что — и могу рассказать все, что тебе нужно знать. Робин, не будь болваном. — Он покосился на шкафчик, где я хранил выпивку. — Бренди был бы очень кстати.

За четверть века я продвинулся от придурка до болвана, но разница была невелика. Я налил щедрую порцию бренди и подал ему стакан.

— Сам посуди, Сирил, — сказал я. — Ты художник первой величины, занимаешь в истории английского искусства столь же важное место,

как Хогарт или Тернер. Не можешь же ты поручить свою биографию абы кому. Давай я подумаю. Ты еще полон жизни. Торопиться ни к чему.

Энтуисл шевелил мозгами — это было почти что видно. Похоже, мои доводы подействовали. И впрямь слишком уж он важная фигура, негоже доверять его биографию какому-то беллетристу. Семейные ценности — это, конечно, прекрасно, но я же, строго говоря, не член семьи.

В дверь позвонили. Я заказал во французском гриль-баре неподалеку от Олд-Бромптон-роуд курицу нам на ужин, и ее доставил мотоциклист в шлеме, с синей щетиной.

Каким прожорливым стариком он стал, Энтуисл продемонстрировал за столом. Он сидел, скрючившись над тарелкой, словно опасался, как бы кто ее не отобрал. В курицу он вцепился с жадностью. С шумом всасывал в себя пюре, залитое мясной подливой.

— Хлеб не любишь? — спросил он, ухватил булочку с моей тарелки, разломил надвое и каждую половинку густо намазал маслом. — Ну что ж, неплохо, — сказал он. — А на десерт что? — В его тоне, в выражении лица, чуть ли не собачьем, чувствовался страх, что никакого десерта не будет, что я, как и весь мир, могу его предать.

— Твое любимое, — ответил я. — Что скажешь насчет карамельного пудинга из «Маркса и Спенсера»? Я только подогрею его в микроволновке.

— Хороший ты парнишка, Робин, — сказал он. — Весь в мать. Со сливками?

— Со сливками.

Раньше Энтуисл ел без особого аппетита, никогда так на еду не набрасывался.

— Надо жрать все что можно, пока зубы при мне.

Я сидел и терпел его отвратительные манеры, и тут на меня снизошло озарение — казалось, божественное, но на самом деле сатанинское.

— Знаешь, Сирил, попробуй обратиться к Стэну Копсу. Самый подходящий для тебя биограф.

Энтуисл о нем и не слыхивал.

— Он Копс или Кобс? Через «п» или через «б»?

— Через «п».

— Что-то жидовское слышится в этой фамилии.

— Он американец, точно еврей, ну и что с того? А еще он известный биограф, писал об английских художниках восемнадцатого и девятнадцатого века. Можешь почитать.

— На хрен мне еврей?

С тех пор как из его жизни ушла нееврейская

еврейка Фрэнни, его антисемитизм только усиливался. Это при том, что была серия картин о Холокосте — из-за них он отказался от членства в Королевской академии (об этом я вам непременно расскажу), теперь они висят в галерее Энтуисла в музее Табакмана в Тель-Авиве; это при том, что он с гордостью принял из рук президента Израиля медаль — за заслуги перед еврейским народом. После предательства Фрэнни в нем проснулись гены — те, что спали в его предках со времен резни в Йорке[72].

— Если решишь к нему обратиться, — сказал я, — не упоминай моего имени, ладно? Я предпочел бы не иметь к этому отношения.

Впрочем, этого опасаться не стоило. Что бы Энтуисл ни делал, он подавал это как собственную идею. Разве на такого непревзойденного гения может хоть кто-то повлиять?

Но я-то что затеял? Видимо, мне хотелось отомстить за мамулю, которой уже шесть лет как не было на свете, потому что их роман Энтуисл закончил по обыкновению — с небрежной бессердечностью. Никогда не забуду мамулиных слез, ее отчаяния. «Робин, дорогой, я не покончу с

---

[72] Примечания: 72
Резня евреев в Йорке произошла в 1190 году.

собой только потому, что есть ты. Ради чего еще мне жить?» Но мамуля рыдала *de profundis*[73]. Она так его и обожала всю жизнь, с кем бы дальше ни связывала ее судьба, и она уж точно не хотела бы ему зла. Стэн, разумеется, отыскал бы мои мотивации в сочинениях Фрейда. Эдипов комплекс, записал бы он в своем блокноте и стал бы укладывать мою жизнь в это прокрустово ложе. Я почти уверен, что не желал ни Стэну, ни Энтуислу ничего хорошего, но плохого желал только Энтуислу. Других настолько неподходящих компаньонов и представить трудно. Я уверен, есть и десятая муза, и имя ее — Беда. Она обитает в пещере Злобы. Она, полагаю, меня и вдохновила.

А теперь мне предстояло расплачиваться за свои слабости. Когда после приятного прощального ужина с моим американским издателем я вернулся в нью-йоркский отель, на телефоне у кровати тревожно мигала красная лампочка. На автоответчике был голос Энтуисла — он раздраженно интересовался, куда я на хрен пропал, и требовал, чтобы я сей же час ему перезвонил, если, продолжал он с издевкой, я смогу выделить время в своем сибаритском расписании. «Боже

---

[73] Примечания: 73
Из глубин (*лат.*).

правый, Робин, что за херня?»

Сначала я попробовал позвонить ему во Францию — думал, он там. Но нет. «Не повезло тебе, позвонивший! Мы с Клер можем быть здесь в куче мест — это смотря какое время суток. А если смотря какой день, так мы можем быть в мрачном и унылом Йоркшире, Господи, спаси. Попробуйте позвонить туда. Мне, собственно, плевать». Я позвонил в Дибблетуайт, и — о удача! — он оказался там.

Он прочитал в «Гардиан» статью, осуждающую в обычной антиамериканской манере, культ огнестрельного оружия в Соединенных Штатах, где возмущенный журналист описывал недавний инцидент, когда безо всякого повода в Нью-Йорке стреляли в писателя Стэна Копса «известного здесь прежде всего по фрейдистским биографиям Хогарта и Тернера». «Если литератор подвергается нападению в книжном магазине [sic], — продолжал журналист, — то о какой безопасности может идти речь?» Энтуисл был очень встревожен. Что мне известно о Копсе, в каком он состоянии? «Этот ублюдок вообще жив? Никто из здешних его найти не может. Он исчез. Боже правый, Робин, у этого сучонка все мои бумаги — да, копии, но все равно: документы, письма,

наброски, фотографии. И где теперь они? Робин, я должен все узнать. Первым делом — этот недоносок еще не сдох?»

Я, как мог, его успокоил, рассказал все, что знал. Стэн жив. Пуля — вот чудо-то — не задела жизненно важные органы. Его уже выпустили из больницы, он поправляет здоровье у родственников в Коннектикуте. Никаких оснований для паники нет.

— Робин, поезжай туда, к нему. Проверь, все ли в порядке с моими бумагами. «Здоровье поправляет», да? Говнюк ленивый. Ему книжку надо дописывать. И сколько он еще, гнида, будет поправляться? Ты уж все узнай, ладно?

— Извини, Сирил, не могу. Завтра утром я улетаю в Лондон. Я даже позвонить ему не могу. Никто из моих знакомых его номера не знает.

— Задержись на несколько дней. — Он нарочно говорил умоляющим тоном, даже старческой дрожи в голосе подпустил. — Ты найдешь ублюдка, Робин. Не ради меня, так ради мамули. Точно не знаю, но там могут быть какие-то ее письма ко мне. Пусть уж твое воображение подскажет, что в них может быть. Ты же хороший сын, а? — Он выдержал секундную паузу, перешел на категоричный тон: — Клер тебе, сучонку, привет

передает.

Прежде чем он повесил трубку, я успел услышать хриплый смешок Клер. *«Ah, quel salaud! Sans „feu-quine“, alors!»*[74]

Подумав, я все-таки сообразил, через кого мне выйти на поправляющего здоровье Стэна — через Хоуп. Она так и жила на 84-й улице, которую теперь переименовали в улицу Эдгара Аллана По — кто-то вспомнил, что По жил там недолгое время, и номер телефона у нее был тот же. Она не очень удивилась моему звонку, но сделала вид, что обрадовалась.

— Нет, ты представляешь? Мы в нашем книжном клубе только что закончили обсуждать твой роман «К дому Венди». Ох, как бы ты нам пригодился! Книга-то непростая. Многие сказали: Гегель. Я сказала: Фуко.

— Ой, как обидно! — ответил я. — Я бы с удовольствием пришел.

— Я прочитала все твои книги, — сказала она, — кроме последней. Подожду, когда выйдет в мягкой обложке, хорошо? Ты, наверное, не согласишься их мне подписать — ну, те, которые

---

[74] Примечания: 74

Ах, какой подлец! Без [далее искаженное английское ругательство *fucking*]! (*фр.*)

у меня есть.

— Почему же, я с радостью, — ответил я, сделав вид, что мне приятно такое внимание. — Ты завтра как, занята? Я бы хотел пригласить тебя на ланч.

Она не только была свободна, но сказала, что не придет — на крыльях прилетит.

Я объяснил, где остановился.

— Там очень неплохо кормят, — сказал я, что было чистой правдой. — В час тебя устроит?

Хоуп я не видел тридцать с лишним лет. Было бы не очень галантно отметить, что столь длинная череда годов оставила свой след. Разумеется, оставила. И на мне тоже. Хоуп ни слова не сказала ни про мою поредевшую и поседевшую шевелюру, ни про брюшко. Честно говоря, она выглядела лучше, чем в молодости, гораздо лучше. Начать с того, что она стала стройной — не как дама, которая посидела на диете и теперь ждет, когда снова располнеет, и в новом весе чувствует себя непривычно и неуютно. И вообще, для женщины за шестьдесят она выглядела очень привлекательно, была прекрасно одета — на манер француженок, которые, считается, обладают исключительным правом уметь себя преподносить. Было удовольствием сидеть напротив нее.

К тому же в пластиковом пакете с рекламой аэропорта Бен-Гурион она принесла мои книги.

Я сказал, что очень рад встретиться с ней снова, но — буду до конца честен — у меня были и тайные мотивы.

— Это ничего, — бодро ответила она.

Мне нужно связаться со Стэном, объяснил я, но это не для меня самого, а для Сирила Энтуисла. Стэн пишет биографию Энтуисла (Хоуп улыбнулась, дав понять, что она в курсе), и Энтуисл, естественно, беспокоится о состоянии тела и души Стэна. Нам известно, что Стэн сейчас у своего брата Джерома в Коннектикуте, но у нас нет ни адреса, ни номера телефона. Может ли Хоуп помочь?

— Вот бедняга! — весело воскликнула Хоуп. — Господи, каково это Стэну — жить у Джерома! Он его терпеть не может. Джером воплощает в себе все, что настоящий ученый презирает. Джером — адвокат, преуспевающий адвокат. Зарабатывает кучу денег, всю жизнь на это положил. Ну и ладно. Вот только их отец всегда восхищался Джеромом и сокрушался насчет Стэна. Видно, у Стэна какие-то неправильные гены. Стипендия? Да сколько денег принесет эта стипендия? Стэн

был *небех*[75]. С чего он стал таким? Джером-то любимчик, сын, который всего добился. Но Стэн в конце концов тоже многого добился, он теперь куда известнее, чем Джером.

Джером всегда любил младшего братишку. Всегда им гордился — все равно что католик, чей брат стал священником. Понимаешь, о чем я? — Она отхлебнула вина. — М-мм… Пожалуй, не стоит развивать эту аналогию. Джером строго соблюдает кашрут, в синагоге первый человек. Однако старик Копс умер до того, как Стэн стал видной личностью, родительский бизнес — они занимались соленьями — накрылся, овдовевшая мать переехала к Джерому. К счастью для всех, ее тоже нет в живых. Но тогда Стэну еще не удалось показать себя. Отец так и сошел в могилу, считая его полным шмуком. — Хоуп хихикнула и подцепила креветку из салата. — У тебя ручка есть? Вот номер Джерома в Коннектикуте.

Она достала потрепанную телефонную книжку.

— А ты когда-нибудь задумывался о том, почему у всех героев Стэновых книг были нелады с отцами? Потому что у Стэна были нелады с отцом.

---

[75] Примечания: 75
Недотепа (*идиш*).

Ты почитай эти биографии. Все главные герои подогнаны под одну Стэном разработанную схему, «Один размер для всех». Конечно, я предвзята, но, по-моему, старик Копс был прав: Стэн — шмук. Лучшее, что он для меня сделал, — он съехал. Поверь мне, после Стэна — а уже двадцать пять лет прошло — моя жизнь стала гораздо лучше.

В голосе ее мелькнула злость.

— Я была куда лучшим ученым, чем этот шмук. — А затем, словно смеясь над собой, она сказала, подражая Брандо, с гнусавым нью-йоркским выговором: — «Я мог сделать имя»[76].

Она вздохнула.

— Так что он избавился от жены и заполучил бесплатного агента. Выгодная сделка. Отец все-таки мог бы им гордиться. — Взгляд у нее затуманился, она словно смотрела сквозь меня. — Но, должна тебе сказать, Робин, когда он был хорош, он был очень и очень хорош.

— Да? И в чем же он был хорош?

— М-мм?..

— Я говорю, в чем же он был хорош?

Она густо покраснела.

— Этого я тебе сказать не могу! И вообще, не

---

[76] Примечания: 76

Так говорит герой Марлона Брандо Терри Маллой, которому не удалось стать боксером, в фильме «В порту» (1954).

твое дело!

* * *

— Стэн?

— Нет, это его брат Джерри.

— Мистер Копс! Я Робин Синклер, старинный друг вашего брата. Могу ли я с ним поговорить?

— Я посмотрю, где он. Подождите, пожалуйста.

Однако к телефону подошла — после продолжительной паузы — Саския.

— Робин? Тебе, должно быть, известно, что случилось со Стэном.

— Да, это просто ужасно. Как он, бедняга?

— Скажем так, держится. Телесные раны затягиваются, а вот душевные — это мы еще посмотрим. Ты, я думаю, не обидишься, что он не подойдет к телефону. Но за звонок спасибо. Я ему непременно передам.

— Саския, собственно говоря, я звоню по поручению Сирила Энтуисла. Он прочитал о том, что случилось со Стэном, и, естественно, очень обеспокоен. Он попросил меня узнать поподробнее, в каком Стэн состоянии — как, грубо говоря, его здоровье может сказаться на их совместной работе над биографией. Он также волнуется, что его бумаги, письма, фотографии и так далее могут

оказаться у тех, кто их видеть не уполномочен.

В трубку было слышно только дыхание Саскии.

— Саския!

— Робин, *ты* знаком с Энтуислом?

Именно этого мне так хотелось избежать!

— Наши пути время от времени пересекаются, мы иногда вращаемся в одних кругах — как-то так.

— Однако вы знакомы настолько близко, что он лично попросил тебя об услуге?

— Энтуисл не из стеснительных. Более того, он считает, что все мы существуем для того, чтобы оказывать ему услуги.

— Подожди минутку, хорошо? — Она прикрыла трубку рукой. Видимо, Стэн все это время был рядом. Я услышал приглушенный разговор. А затем: — А ты не мог бы приехать сюда, к Джерри, хотя бы ненадолго? Стэну будет приятно, очень приятно. Он считает, это его взбодрит. Ты же знаешь, он всегда был к тебе расположен.

Так-так-так. Стэн (а может, Саския) явно решил, что я могу оказаться полезен.

— Увы, это невозможно. Послезавтра я возвращаюсь в Лондон.

Обидно, конечно — ведь была возможность

повидать Саскию. Могу ли я еще здесь задержаться?

Ее ладонь опять прикрыла трубку, до меня донесся разговор, в котором я различил три голоса.

— Джерри говорит, что с удовольствием пошлет за тобой своего шофера. Можешь приехать на сколько тебе будет удобно, на час, на неделю. Без шуток — Билл либо отвезет тебя обратно в отель, либо доставит в аэропорт Кеннеди к самолету.

А почему бы и нет? Тем более что Стэн сейчас инвалид. Боги, должно быть, смеялись надо мной.

«За городом» у Джерома Копса было сорок акров возделанных сельскохозяйственных угодий в двадцати пяти километрах к северу от Дариена. Въехав в ворота, ты словно оказывался в Пемберли[77] — здесь природа была обихожена так, что любой вид должен был услаждать взор, и это было то ли экстравагантное произведение спятившего Умелого Брауна[78] из нынешних, то ли полные банальных клише эксцессы ландшафтного ар-

[77] Примечания: 77

Пемберли — в романе Джейн Остин «Гордость и предубеждение» — имение главного героя, мистера Дарси.

[78] Примечания: 78

Умелый Браун — так называли Ланселота Брауна (1715–1783), английского ландшафтного архитектора.

хитектора из Диснейленда, развлекающегося на тему Англии. Сам дом был монументальным строением в тюдоровском — как его понимают в Беверли-Хиллс — стиле, с мощеным передним двором и настоящей пьяццей, в ее центре возвышался фонтан, который украшала резвящаяся наяда.

Лимузин остановился у парадного входа, дверь открыла полная седовласая женщина в цветастом платье, которую я принял за невестку Стэна. Но я ошибся. Я не успел и рта открыть, как за ее спиной возникла Саския.

— Не беспокойтесь, миссис Х., я сама займусь мистером Синклером. Проводите Билла, он отнесет багаж в комнату Пола Ревира, да, Билл? Спасибо огромное. — За мной стоял шофер с моими чемоданами. — Робин! — Она обвила руками мою шею, чмокнула воздух в районе моей щеки. — Проходи!

Меня окутало невидимое облако ее духов, «Френзи!»: я их узнал только потому, что мамуля, когда умирала, вся ими пропахла — открытый флакон выпал из ее ослабевших пальцев. Саския взяла меня под руку и провела в огромный холл высотой в три этажа, с галереей, опоясывавшей его на уровне второго. Свет лился сквозь огром-

ные световые фонари в крыше. Пока мы шли по сиявшим полам холла, я мельком увидел деревянные панели, картины, канделябры, зеркала, резной буфет, элегантные напольные часы, вазы с цветами.

— Замечательно, что ты приехал, Робин! Для Стэна это так много значит. Последние несколько недель были адом, ты себе и представить не можешь!

Саския все еще была красивой женщиной, но, как у падших ангелов Мильтона, ее свет поблек. Ей уже было за шестьдесят, и она уже не держала спину так прямо, с тем же изяществом, что прежде, да и на лице жестокое время успело оставить свои безжалостные следы. Однако мне было приятно вновь оказаться в ее обществе. Позволь она, я бы немедленно увез ее отсюда.

Комната, в которую она меня привела, была, по-видимому, гостиной — просторная, светлая, с окнами до полу, выходившими на мощеное патио — за ними виднелись залитые солнцем лужайки; комната была такая претенциозная, словно ожидался приезд Сесила Битона[79]. Меня же немедленно привлек женский портрет над ками-

[79] Примечания: 79

Сесил Битон (1904–1980) — знаменитый английский фотограф и дизайнер интерьеров.

ном. Некая дама сидела в кресле с подголовником — бедра выставлены вперед, ноги скрещены. На ней было скромное шелковое платье с цветочным рисунком приглушенных тонов. На коленях лежала открытая книга. Правой рукой она играла с ниткой жемчуга на шее. Глаза ее из-под тяжелых век смотрели не на зрителя, а сквозь него, на лице застыло выражение неизъяснимой скуки. Это была великолепная работа, несомненно, кисти Сирила Энтуисла. Я, быть может, слишком резко, высвободил руку, на которую опиралась Саския, и направился прямиком к картине.

— Это Полли, жена Джерома, — сказала Саския. — Джерри заказал этот портрет тридцать лет назад — Полли в ту пору было примерно столько же. Это была безумная идея. Ей пришлось поехать на полгода в Англию — чтобы позировать. Энтуисл, что бы Джерри ему ни предлагал, отказывался приезжать сюда.

— Она очень красивая.

— А еще очень мертвая, — сказала Саския — с ноткой презрения, отметил я. — Рак, два года назад. Едва поставили диагноз — и всё. Ей, можно сказать, повезло. Бедный Джерри был без ума от горя. Он только-только начал приходить в себя.

— А Стэн встречался с Энтуислом, когда тот

писал портрет?

— Нет, они познакомились, только когда Энтуисл обратился к нему насчет биографии. Бывают же совпадения, да?

Вот ведь бестия этот старый мерзавец. Врал, что никогда не слыхал фамилию «Копс», уточнял, как она пишется. Что у него было на уме? Видно, он так давно переделывает жизнь в искусство, что для него и самый обычный факт — как кусок глины, который нужно вылепить, чтобы он обрел смысл? Видно, разочаровавшись в правде, он предпочитает удобно обработанную ложь. Я не забыл того, что рассказывала Фрэнни о его дневниках.

— А где Стэн?

— Он спит перед ланчем, на солярии. Он еще довольно слаб. Джером пошел за ним. Робин, ты, конечно же, будешь потрясен, когда его увидишь. Но прошу, прошу тебя, постарайся этого не показывать, хорошо?

Не успела она договорить, как мужчина с багровым лицом, но очевидно из Копсов, в синем блейзере, кремовой рубашке с цветастым шелковым фуляром, вкатил в комнату сверкающее хромом инвалидное кресло; в кресле сидел заметно усохший и раздраженный Стэн, ноги его

были укутаны клетчатым пледом. Бедняга Стэн по контрасту с брызжущим здоровьем братом, в котором фамильные черты Копсов сочетались удачно, выглядел еще хуже. Неудивительно, что Стэн его ненавидел.

— Джерри, — сказала Саския, — это Робин Синклер, наш старинный друг. Робин, это Джером Копс, старший брат Стэна.

— Добро пожаловать! Рад, что вы приехали. — Джером сказал это вполне искренне. И сердечно пожал мне руку.

— Ты уж извини, что я не встаю, — пошутил Стэн, и ухмылка на его бледном лице тут же обернулась язвительной гримасой.

— Я и не думал… — начал было я.

— Все не так плохо, как кажется, — сказал Стэн. — Я могу ходить. Просто Саския, дай ей бог здоровья, пытается отучить меня от болеутоляющего, проявляя таким образом свои прежде дремавшие садистические наклонности. Любое движение причиняет мне боль, ну и хрен с ним, правда? Главное — чтобы Саския была довольна.

— Стэн, не надо! Я просто следую указаниям доктора Острикера.

— Ах, да, наш доктор-праведник! Кстати, счел ли он возможным выписать новый рецепт на

дормидол? — Он повернулся ко мне. — Это мое снотворное. Прости уж несчастного инвалида, Робин. У меня сменился фокус. Раз уж мне запрещено глушить боль, я хочу ее заспать, или хотя б попытаться это сделать.

— Я попросил Билла Джойса, он сегодня утром забрал дормидол, — сказал Джером.

— Ты слишком добр, слишком, — буркнул Стэн.

В дверях появилась экономка.

— Повар говорит, что ланч будет готов через двадцать минут, сэр, — сообщила она Джерому.

— Спасибо, миссис Х. Робин, надеюсь у вас хороший аппетит. — Он чуть-чуть сдвинул инвалидное кресло. — Я оставлю вас, друзья, вам есть о чем поговорить.

И он вышел вслед за экономкой.

— Я постоянно общался с Майроном Тейтельбаумом, — не то чтобы солгал, но немного приврал я, — с тех пор, как увидел ту статью в газете и узнал, что в тебя стреляли.

— Ну конечно, Майрон, старуха-королева Мошолу, да длится ее царствие, храни ее Господь, — презрительно фыркнул Стэн. — Одна

мутная статья об *Ancreen Riwle*[80] и тонюсенький, насквозь вторичный томик о «Легенде о славных женщинах»[81], и — вот, полюбуйтесь! — Ее величество, она же сама себе Дизраэли, стала императрицей английской кафедры. Мошолу, пока его не закрыли, срочно нужен Ювенал.

— Тейтельбаум забаллотировал Стэна на выборах в «Клуб ста», — дала свое объяснение Саския.

— Откуда ты можешь это знать? — спросил я.

— Да уж знаю.

Стэн махнул рукой — так невозмутимый пасечник отгоняет надоедливого овода.

— Ну, клуб «Лотос», клуб Марка Твена, был рад, «счел за честь», как выразился секретарь, принять меня. — Он опустил свое бледное лицо и уставился на меня покрасневшими глазами. — У нас взаимные договоренности с лондонским «Реформом». Когда я там, «Реформ» — тоже мой клуб.

— Отлично, — сказал я.

— И «Граучо», — злорадно добавил он.

В дверях снова возникла экономка.

---

[80] Примечания: 80

Написанное в XIII веке анонимное монастырское правило для анахоретов.

[81] Примечания: 81

Поэма Джефри Чосера (1340–1400).

— Ланч подан, миссис Копс.
— Спасибо, миссис Х.

Ланч получился довольно бессвязный: Джером и Саския явно были смущены тем, как нарочито неприветлив Стэн в присутствии гостя, и пытались его развеселить — Джером воодушевленно рассказывал истории из детства, которые должны были показать, как он упорствовал в своем невежестве и каким «умником» с младых ногтей был Стэн; Саския весело излагала подробности их последнего визита в Лондон, сделав упор на поездку по Сомерсету и Девону и то удовольствие, которое они поучили, открыв Порлок.

— Не то чтобы «открыв», радость моя, — язвительно отметил Стэн. — Он всегда там был. Она имеет в виду, — объяснил он, словно она была малышкой, чей детский лепет нужно переводить посторонним, — мы оказались в Порлоке случайно. — Он повернулся к ней. — Насколько я помню тот счастливый момент, деточка моя, ты понятия не имела, чем знаменит Порлок[82]. Ну да ладно.

Тягостную тишину прервал отважный Джером

---

[82] Примечания: 82

Строки поэмы «Кубла-хан» пришли английскому поэту Кольриджу во сне. Проснувшись, он бросился их записывать, но тут слуга сообщил, что явился человек из Порлока. Однако, когда Кольридж вышел к гостю, там никого не оказалось. Незаписанные строки поэт навсегда забыл.

— глуповатый рыцарь на старом и больном Росинанте.

— Робин, так вы впервые в Штатах?

— Помилуй, Джерри! Проснись ты наконец! — только что не плюнул Стэн. — Мы с Робином познакомились тридцать лет назад в Мошолу, помнишь? В Мошолу, в Бронксе. Он еще и писатель. Все время мотается сюда — продвигать свои романы. — Ему удалось не только подковырнуть брата, но и намекнуть, что в сочинении романов есть что-то фривольное, а продвижение их — занятие, достойное мелких лавочников.

Стэна подкатили в торец стола, где он сидел, словно на председательском месте — мне это напомнило о том занудном ужине на Западной 84-й много лет назад. Сегодняшний Стэн сильно отличался от своего прежнего образа, но не только возраст и пыл были не те. Тогда он стремился создать дружелюбную обстановку, *Gemütlichkeit*[83], теперь же нарочно провоцировал разлад. От старого Стэна, насколько я мог судить, осталась лишь его уверенность в собственном превосходстве. В прежние времена он прятал ее под прозрачной вуалью, теперь нагло ее выказывал. Он сидел во

---

[83] Примечания: 83
Приветливость (*нем.*).

главе стола, уткнув подбородок в грудь, косился на всех нас по очереди злым, подозрительным глазом, подбородок приподнимал лишь для того, чтобы бросить очередное едкое замечание. Откуда такая озлобленность? — думал я. Может, пуля, сразившая его в порнопритоне, была пропитана желчью? Он был на пике академической карьеры. Может, он решил, что те, кто награждает Пулитцеровской премией, Национальной книжной премией и премией Макартура (для гениев) вступили — возможно, из зависти — в сговор против него? Или хандра — следствие диспепсии?

Сколько Саския его ни уговаривала, он ел крайне мало, разломил булочку на куски и жевал их. Стол же ломился, здесь в изобилии была представлена «кошерная» в нью-йоркском стиле еда — то есть мясное с молочным не мешалось, поданы были деликатесы, которые предпочитают потомки восточноевропейских евреев. Что до меня, то я такую еду обожаю, предпочитаю ей разве что суши и всегда признаю, что английские потуги изобразить еврейские изыски ни в какое сравнение не идут с гастрономией из американских кулинарий, особенно нью-йоркских, где, как я узнал, и закупались яства для коннектикутского пира Джерома. На столе имелась копченая

рыба всевозможных разновидностей — каждая на огромном блюде, миски рыбного салата — с лососем, белой рыбой и тунцом, сливочный сыр — простой, с зеленым луком и с овощами, корзины с булочками, бейглами, ржаным, квасным и обдирным хлебом, сливочное масло сладкое и соленое, а также миски с зеленью, маринованными луком, свеклой и огурцами. К этому было подано превосходное «Шато Ланразак» 1956 года, а в завершение — рогелах[84], или *gewickelte*[85], с кофе.

— Эта мерзкая еда ассоциируется у меня с Сирилом Энтуислом, — загадочно сообщил Стэн, — но эту историю мы прибережем на потом.

Наконец-то был упомянут Энтуисл.

— Сирил просил меня передать пожелания скорейшего выздоровления, — сказал я, и формальность этой фразы показывала не только, что я лгу, но и что я отлично понимаю: все остальные знают, что я лгу. — Мне следовало упомянуть об этом раньше.

— Так он для тебя Сирил, да, Робин? Вы с ним так близки, друг к другу по имени?

— Наши пути в течение ряда лет иногда пе-

---

[84] Примечания: 84
Рогалик (*идиш*).

[85] Примечания: 85
Рогалик (*нем.*).

ресекались, — поспешно ответил я. — Но я не слишком хорошо его знаю. Не сказал бы, что мы «близки».

— Однако он *тебя* попросил найти меня.

— Он знает Тимоти. Моего английского агента.

— Вот оно что, — саркастично протянул Стэн. — Ну, раз он знает Тимоти… Так уж получилось, что я тоже знаю Тимоти. — Развивать эту мысль он не стал.

Миссис Х., которая во время ланча то появлялась, то исчезала, появилась снова, осведомилась, всем ли мы довольны, готовы ли мы перейти к кофе, хотим ли мы «обычный или без кофеина», не пожелает ли кто-то из нас эспрессо или — помоги нам Господь — чай.

Джером начал отвечать в своей умиротворяющей манере («Спасибо, миссис Х., все прекрасно. Еда была отменная»), но Стэн его перебил:

— Господи, Хрошовски, угомонитесь вы! Ради всего святого, не врывайтесь к *нам*, *мы* сами вас вызовем.

Бедная женщина словно окаменела, ее дряблые щеки залились краской. Нижняя губа у нее дрожала.

Брови Джерома по-собачьи грустно сложились — так он подал ей знак, без слов умоляя простить

его брата: он несчастный, больной человек. Не отвечает за то, что говорит. Я вам все это возмещу, даю слово. Поверьте мне, прошу.

Она выдавила из себя улыбку.

Позже я узнал, что миссис Хрошовски до замужества звалась Брайди О'Тул, а после смерти мужа, святого человека, Брайана (родился он Борухом) Хрошовски, который занимался торговлей нитками и тканями, предпочла, чтобы ее называли миссис Х. — так, она считала, будет этнически нейтрально. И именно поэтому Стэн нарочно употребил это нескладное имя полностью.

Стэн тотчас вернулся к предыдущей теме.

— Твой неблизкий друг Сирил хочет знать — и давай без недомолвок, милый Робин, — не помешает ли такая мелочь, как пуля, задевшая мои жизненно важные органы, работе над его биографией, не поставит ли, убереги Господь, под угрозу весь проект.

— Ну, это вполне обоснованное беспокойство.

— Сообщи ему, что волноваться не о чем, — сказала преданная Саския.

— Стэн всегда доводит до конца то, что начал, — сказал Джером. — Он так с детства поступал.

Стэн отмахнулся от реплики брата — счел ее недостойной ответа, абсолютно бессмысленной.

Он повернулся к жене.

— Ты составила договор, милая, но до конца ли ты его поняла? У меня этот подлец Энтуисл в руках, весь, с потрохами. Пусть сукин сын хоть в суд подает. Придется ему подождать, пока я буду в состоянии продолжить. А это случится очень скоро. Скажи ему, пусть изучит договор. Там все прописано.

Когда наш чреватый взрывами ланч закончился, Саския увезла Стэна опять немного поспать. Он и впрямь выглядел усталым — как дирижер, который слишком уж выложился под конец очередного бурного, идущего на коду пассажа. Джером предложил мне прогуляться по поместью, но я отказался, сославшись на все тянущийся джетлаг. Чего я хотел, так это переговорить наедине с Саскией — подготовиться по мере возможности к жесткому разговору, которого ждал от Стэна. Но она не вернулась, так что я тоже подремал, устроившись в глубоком, мягком кожаном кресле перед портретом покойной Полли Копс.

Меня разбудила миссис Х.: деликатно покашляла у меня за спиной, а когда я пошевелился, подошла ко мне.

— Мистер Стэн Копс хочет вас видеть, сэр. Он в кабинете.

— Ага, — пробормотал я, еще не выпутавшись из пленительного сна.

— Полагаю, он ждет вас именно сейчас, сэр. — Кажется, голос ее чуть дрожал.

— Который сейчас час? — спросил я, с трудом поднимаясь из кресла.

— Начало пятого. Вас проводить в кабинет?

Мы вышли из комнаты, прошли через огромный холл и оказались перед деревянной дверью, миссис Х. в нее постучала.

— Войдите, — отозвалась Саския.

Она лежала, соблазнительно устроившись на диване, подогнув уже располневшие ноги, в одной руке — блокнот, в другой — уже нацеленный карандаш. На ковре перед ней выстроились в ряд три синие картонные коробки без крышек. Стэн за огромным столом казался почти карликом, локти он поставил на стол, руки сцепил под подбородком. Он был в очках, и из-за световых бликов в стеклах выражения глаз было не разглядеть. Я снова оказался в Кронин-Холле, в кабинете директора, в ожидании порки.

— А, Робин, вот и ты, — сказала Саския, словно я оказался здесь случайно, но был желанным гостем. — Проходи. Миссис Х., спасибо.

Миссис Х. собралась выйти.

— Погодите, — сказал Стэн. — В ведерке лед есть?

— Нет, сэр. Я обычно кладу его в половине шестого.

— Давайте жить рискованно, ладно, Хрошовски? Подайте его на час раньше, а?

— Конечно, сэр.

— И проверьте, раз уж вы тут, есть ли «Доктор Пеппер».

Миссис Х. подошла к бару, наклонилась к холодильнику, заглянула в него.

— Робин, давай, усаживайся, — бодро сказала Саския.

Она показала на стул, стоявший наискосок от массивного стола. Если Саския и Стэн образовывали основу равнобедренного треугольника, то я был его вершиной.

Миссис Х. насыпала кубики льда в ведерко, поставила его на барную стойку.

— Здесь еще полдюжины банок «Доктора Пеппера», сэр.

— Ладно, ладно, — нетерпеливо махнул рукой Стэн.

— Спасибо, — сказала Саския с кислой улыбкой.

Миссис Х. вышла, бесшумно прикрыв за собой

дверь.

— Так… — обратился ко мне Стэн.

— Сказал бедняк, — бодро закончила фразу Саския — видно, хотела разрядить обстановку.

— Значит, ты не слишком хорошо знаешь Сирила Энтуисла, да? Ваши пути иногда пересекались? Вы настолько близки, что ты называешь его Сирилом, но только по свойственной англичанам фамильярности, да?

Похоже, Стэн хотел расхохотаться, но из вежливости сдерживался.

Было очевидно, что он готовит мне западню, но я уже не мог выбраться оттуда, куда сам себя загнал.

— Да, пожалуй, можно и так сказать.

— И, разумеется, будучи подростком, ты и не догадывался, что он трахает твою мать? «Мамулю», ты ведь так ее называл, да?

Он самым мерзким образом подчеркнул слово «трахал», а слово «мамуля» в этом контексте прозвучало совсем по-идиотски.

— Господи, о чем ты?

Стэн не дал себе труда ответить, только махнул рукой на коробки.

— Давайте-ка выпьем! — предложила Саския и вскочила с дивана. — Робин, тебе односолодо-

вого? «Глен Макточис» подойдет? Я буду джин с тоником. А ты, дорогой?

— «Доктор Пеппер», естественно. Ты же знаешь, я на дормидоле. Или хочешь меня угробить?

Саския отреагировала на это как на шутку. То есть рассмеялась.

— Ну, в следующий раз буду умнее.

— Робин, у тебя есть причины что-то от меня утаивать? Мы ведь вроде старые друзья. — Глаз его за бликующими стеклами очков видно не было.

— Держи, Робин, — Саския протянула мне виски.

— Так, значит, мамуля была леди Смит-Дермотт? Леди, никак не меньше. Так-так-так. Она была красотка. Ее портреты я, разумеется, видел. Саския, ты не обижайся, но я бы и сам от такой не отказался. — Он взял поданный ему стакан газировки. — Спасибо, милая. Три кубика, да?

Я встал — я был оскорблен, с трудом верил, что услышал то, что услышал.

— Пожалуй, мне пора откланяться.

— Садись, Робин. Приношу свои извинения. Ну же, я тебя умоляю, прости. Ох! Ну что на меня нашло? Но слушай, друг, это ты на Сирила злобься, а не на меня. Мир и дружба, ладно?

И жалкий больной ублюдок протянул мне руку через стол.

Очень занятно было снова наблюдать, как Стэн с формальной, грамотной, по-американски псевдо-аристократичной речи перешел на нью-йоркский расхлябанный жаргон.

— У меня с Сирилом Энтуислом проблема, — сказал Стэн. — Точнее, так: у меня целый ворох проблем. — Он взглянул на меня — в стеклах очков застыла пустота. — Скажи, ты этому типу доверяешь? Я имею в виду: «Что есть истина?», балагуря, изрекал Энтуисл. К нему ключа не подобрать. Вот у него дневники, бумаги всякие, письма от разных людей, весьма известных. Саския, милая, покажи ему письмо Каррингтон.

Саския стала рыться в одной из коробок.

— От Доры Каррингтон, — добавил Стэн. — Она еще увивалась за Литтоном Стрэчи. Вот идиотка, да? Я про то, что мужского в нем было — как в папессе Иоанне. Так вот, это письмо она написала Энтуислу в 1936 году.

Саския протянула мне листок бумаги.

— Оригинал написан карандашом, — сказал Стэн, — поэтому похоже на копию на «Ксероксе». Но так, без эксперта, я бы сказал, что это ее почерк.

Я взглянул на письмо.

— Видишь, она советует Энтуислу попробовать поступить в Кембриджскую школу искусств. Говорит, что в Слейде[86], ее альма-матер, только изуродуют его творческую натуру. На самом деле она уже «набросала черновик письма» Э. П. Сперджену, который «отбирал» подходящих кандидатов.

— Вообще-то он поступил в Кембриджскую школу.

— Знаю. Она еще пишет, что с радостью совратила бы младенца, но ее школьная подружка Нэнки-Пенка (читай «Нэнси» или «мамуля») этого ей никогда не простит.

— И что?

— Мамуля и Каррингтон никогда вместе не учились. На письме, как ты видишь, стоит дата: 12 мая 1936 года.

— И?

— Дора Каррингтон покончила жизнь самоубийством в 1932 году.

Явно очередной документ, с помощью которого Энтуисл хотел переделать свое прошлое. Для чего понадобилось это письмо? Удобный способ объяснить, почему его не приняли в Слейд? Или

---

[86] Примечания: 86

Слейд — художественная школа в Университетском колледже Лондона.

просто бесовство?

— Робин, ты успеваешь следить? — Голос Стэна сочился сарказмом. — Я не слишком быстро рассказываю? Может, повторить?

— Извини. Не знаю, что сказать. Наверняка этому есть простое объяснение. Возможно, Каррингтон просто ошиблась. Думала о тридцати шести по какой-то другой причине, это мог быть не год, а, например, размер бюстгальтера.

— О, да! Великолепно! Гениально! А как насчет «соблазнить младенца»? Если речь о 1932-м или раньше, Энтуислу было не больше двенадцати. Может, паренек к тому времени и понимал что к чему — ну, тогда снимаю шляпу, — но к Кембриджской школе, а тем более к Слейду он готов не был. Но неувязки не только с Каррингтон. В этих бумагах их полно. Взять хотя бы запись о Бэконе. Саския, ради бога, давай поживее! Нет, не в *той* коробке, а в этой! Да… нет… да!

Саския протянула мне еще одну копию.

— Ага, вот эта дневниковая запись. Обрати внимание на дату, рождественский сочельник 1950 года. Читай, Робин, читай вслух!

— «Ужин с Ф. Б. в „Вольтере“ на Кондуит-стрит. Ф. игрив, хватает меня за колени под столом. Я настолько пьян, что мне нравится. Взял *Calamari*

Imbottiti[87]. Так себе. *Vino rosso*[88], из Четоны, *superbo*[89], 4 *fiasci*[90]. Не помню, что взял Ф., что-то кипящее и кошмарно красное. Рассказал, что хочет сделать серию портретов католических кардиналов. На хрен, сказал я, давай на самый верх, рисуй пап, вставь им всем. Ф. положил мне руку на колено и стал продвигать ее в северном направлении, так что мне пришлось встать. Платишь ты, сказал я, веселого Рождества, и свалил».

— Отлично прочитал, Робин. Есть в этом английском акценте что-то особенное, да, Саския? А Ф. Б. — это…

— Фрэнсис Бэкон, разумеется. Но они действительно дружили, особенно в послевоенное десятилетие.

— Проблема здесь в том, — сказал Стэн, наслаждаясь моментом, — что Бэкон провел Рождество 1950 года в Южной Африке, навещал там свою

---

[87] Примечания: 87
Фаршированные кальмары (*ит.*).

[88] Примечания: 88
Красное вино (*ит.*).

[89] Примечания: 89
Превосходное (*ит.*).

[90] Примечания: 90
Оплетенные бутылки (*ит.*).

мамулю. — Он с состраданием улыбнулся. — Куда большая загвоздка в том, что он знаком или был знаком с разной степенью близости практически со всеми людьми из мира искусства, покровителями и прихлебателями, всеми-всеми, вплоть до обитателей Даунинг-стрит, 10, где, судя по его записям, он встречался за ужином, которого не было, с Черчиллем, и до Букингемского дворца, где он уверял обеспокоенную королеву Елизавету в том, что народ ей предан, в дневнике он пишет, слово в слово: «Ее Величество чуть не описалась от облегчения». Зачем ему нужно было фальсифицировать эту запись?

— Действительно, зачем?

— Помилуй, «Ее Величество чуть не описалась от облегчения»!

— Пописать — всегда облегчение.

Саския хихикнула.

— Короче, ты утверждаешь, что тебе ничего не известно? Ты познакомился с ним подростком, все это время леди Нэнси раздвигала ноги — для картин и для, извини за выражение, *поца*[91], а ты ни о чем не догадывался? Мой братец Джером, еще один шмук, он тебя сюда привез, обходится с

---

[91] Примечания: 91
Пенис (*идиш*).

тобой как с английским джентльменом, которого ты из себя строишь, и тебе нечего предложить?

Голос его поднимался все выше, и сам он поднялся, кулаки заскользили по поверхности огромного стола. Он уже не походил на уважаемого ученого, благовоспитанного лектора, выступающего перед коллегами, почтенного члена клуба «Лотос».

— Стэн! Прошу тебя! Успокойся! Ты себя загубишь! — кинулась к нему Саския.

Глаза у него были выпучены, на виске набухла вена.

— Меня слегка утомили оскорбления в адрес моей матери, — сказал я. — Ты о ней ничего не знаешь. А если бы я взялся за твою, стал бы намекать на ее сексуальную невоздержанность, поинтересовался бы, удавалось ли твоему отцу удовлетворять ее?

— Да как ты смеешь, вшивый английский ублюдок! — заверещал Стэн. — Моя мать была святая! — Он вдруг рухнул в кресло. — Ну ладно, ладно, — слабым голосом произнес он — силы его покинули. — Ты прав. Нечего мне было ругать твою мамулю, признаю, извини. Мы уже не молоды. Знаем, что бывает в жизни. Саския, налей ему еще выпить.

Саския кинулась выполнять поручение. Стэн откинулся в кресле: глаза прикрыты, рука прикрывает висок. Во мне все еще бурлил гнев. Саския подала мне новую порцию виски и шепнула на ухо:

— Прошу тебя, не волнуй его. А то опять рецидив случится.

Рецидив чего, она не пояснила.

Неужели передо мной наконец предстал «настоящий» Стэн Копс — подросток в летах, раздражительный, озлобленный, непокорный, который всю жизнь сдерживал отвращение к миру, а теперь отбросил эту маску — потому что она больше не нужна? Или это была стадия его выздоровления, промежуточный этап, и причина не только в полученной им ране и в последовавшей слабости, но и в лекарствах? Честно признаться, мне было все равно, я ощутил прелесть бешенства.

— Значит, ты не можешь пролить свет на эти несоответствия, тебе нечего мне сообщить?

— Ты — биограф, у тебя все бумаги, письма, пленки с интервью, все твои записи, твой натренированный фрейдистский взгляд. Каких историй ты ждешь от *меня*?

Стэн вытащил из кармана носовой платок,

настоящий платок — вещицу, которую редко увидишь в наш век одноразовых бумажных салфеток, громко высморкался, исследовал полученное и вздохнул — то ли его разочаровали сопли, то ли я.

— Робин, — ласково сказала Саския, — наверняка тебе известны случаи, когда Энтуисл свободно обращался с фактами, когда он, так сказать, рассматривал прошлое с поэтической вольностью.

— Вот ты спросила, и…

— И? — тут же встрепенулся, весь подобрался Стэн.

— И?.. — Саския взяла блокнот и карандаш и подбадривающе мне улыбнулась.

— Возможно, это сущий пустяк, я мог что-то не так понять, но я слышал противоречащие друг другу рассказы о его отце. То ли он был грубый мужлан-фермер, который много чего пережил в окопах Первой мировой, впадал от депрессии в агрессию, возможно, был контужен, точно был не в себе, изнасиловал четырнадцатилетнюю девчонку, обрюхатил ее, а потом женился. Он умер в 1931 году, очевидно, от алкоголизма. Так что Сирил Энтуисл вырос в беде и нищете и был такой же жертвой той кровавой бойни, как и любой выживший солдат. — Стэн взглянул на жену,

вскинул одну бровь, по его задумчиво выпяченным губам скользнула улыбка, она же в ответ слегка покачала головой. Я же, нисколько этим не смутившись, продолжал: — Или же его отец был герой войны, капитан Джайлз Уолтер Энтуисл, кавалер Креста Виктории, который в мае 1918 года женился на Люси Тоджер, и оба они были из семей сельских священников. На следующий день после свадьбы он вернулся на фронт и через несколько дней пал смертью храбрых. Сирил родился в конце февраля 1919 года. По этой версии, он никогда не видел своего отца, однако вырос в семье со скромным, но достатком. Ах, да, в таком случае он на год старше, чем принято считать.

Саския отложила блокнот и карандаш, снова покачала головой и предложила налить мне еще; Стэн, покосившись на меня, сокрушенно вскинул руки.

— Какая же волокита со всем этим разбираться, — сказал он.

— Должна же одна из этих версий оказаться настоящей, — сказал я. — Я склоняюсь ко второй. Дом его семьи мало походит на лачугу какого-то работяги. Но Сирил никогда не распространялся о своем детстве. Может быть, он, став публичной фигурой, хочет там, где может, сохранять личное

пространство. Во всяком случае, я никогда не считал уместным его об этом расспрашивать.

Саския подала мне новую порцию «Макточиса» — этот односолодовый виски, умиротворяющий, мягкий, с легким дымным ароматом, был мне очень по вкусу, а на стол перед Стэном поставила очередную баночку «Доктора Пеппера». Он выжидающе покосился на нее, потом на Саскию. Саския вздохнула, открыла банку и налила ему. Он жестом предложил ей вернуться на место. Этот экскурс в их отношения был мне даже приятен — видимо, вследствие благодатного воздействия «Макточиса», но не из-за мерзкой грубости Стэна, а как свидетельство того, что я тонко чувствую нюансы. Я все больше пьянел и все больше радовался.

Стэн снова откинулся в кресле — пальцы сплетены, очки на лбу, глаза устремлены куда-то в потолок. Он был расположен прочитать нам лекцию.

— Джайлз Энтуисл во время бурской войны служил в Южной Африке. В 1901 году, когда он, в шестнадцать, был не пехотинцем, а барабанщиком, во время битвы при Спион-Коп[92] осколком

[92] Примечания: 92

Битва за Спион-Коп — сражение второй англо-бурской войны — состоялось 24 января 1900 года.

шрапнели у него оторвало три пальца на левой руке. Барабанить он уже не мог, и его с почетом отправили домой. Вы не устали? — Стэн прервался глотнуть «Доктора Пеппера», после чего вновь принялся вещать. — Ничего удивительного, что к службе во время Первой мировой он был непригоден, и, пока она шла, он руководил, так сказать оркестром, в кишевшей блохами оркестровой яме мюзик-холла «Ридженси» в Скарборо. Люси Тоджер недолго и без особого успеха подвизалась в качестве певицы в мюзик-холлах Йоркшира. Они встретились в Скарборо в 1919 году, ей было двадцать три, ему тридцать четыре. Его явно сразило ее игривое исполнение песни «Держите хвост пистолетом, мистер Вортинг!»[93] Они поженились в январе 1920 года, Сирил родился, несколько поспешно, шесть месяцев спустя. Так что истории про его отца могут отражать и нечто другое. — Стэн махнул рукой в сторону трех коробок с бумагами. — Это все там есть.

Я сообщил, что не вижу оснований считать, что его версия ближе к истине, чем мои, о чем я и сообщил, но не воинственно, а вполне мирно — как человек, предложивший закончить дружеский

[93] Примечания: 93

Песенка из мюзикла «Влюбленный Эрнест» по мотивам пьесы Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным».

спор. Теплые чувства, которые пробудил во мне «Макточис», теперь распространялись не только на Саскию, но и на Стэна.

— Не видишь оснований? — возопил Стэн и, помахивая кулаком, вскочил — лицо его перекосилось.

Саския метнулась к нему.

— Робин, умоляю, не волнуй его. Он болен. — Ей удалось упихать его обратно в кресло, и он несколько минут сидел, тяжело дыша, а руки его безвольно свисали с подлокотников.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал я. — Пользы от меня тут мало.

— Не торопись! — Стэн напрягся, отбросил заботливую руку Саскии. — Я в порядке, я в полном порядке, оставь ты меня в покое, Саския! Иди на свое место и садись.

Она безропотно повиновалась.

— Ты не видишь оснований, Робин, — презрительно сказал Стэн, — потому что у тебя этих оснований нет. У меня в распоряжении факты, а не сплетни. Я пока что не знаю, почему Энтуисл окутал таинственностью историю своего происхождения, почему он пытается укрыться за — как сказал бы твой дружок Майрон Тейтельбаум — завесой неизвестности, но я вот-вот с

этим разберусь. — Тут он действительно улыбнулся, обнажив квадратные, щербатые зубы, но получилось жутковато — губы у него были совсем бескровные. — Серьезный биограф опирается на факты, на них он строит свою историю. Выстраивается повествовательная линия, обозначаются повторяющиеся мотивы, становятся известны эпизоды из жизни, которые подлежат психологической интерпретации, очертания образа обретают плоть, контраст света и тени становится мягче. В отличие от беллетриста биограф добивается не симулякра правды, а самой Правды.

Очевидно было, что он цитирует самого себя, что это отрывок из речи, с которой он уже неоднократно выступал.

— Многие из тех, о ком пишутся биографии, бывает, обычно бессознательно, перетасовывают события, укладывают свое понимание случившегося и свою реакцию на происходившее в их собственном прошлом в некую связную повествовательную схему. Энтуисл отличается тем, что он намеренно придумывает прошлое заново, даже позволяет сосуществовать разным его версиям. Тяжкий труд биографа состоит в том, чтобы разбирать до основания то, что человек сам пе-

реиначил, даже если потом он не может собрать все детали в нечто столь же художественное.

— Я еще не закончил с Энтуислом-*père*[94], — сказал Стэн. Он кивком показал на коробки, у которых сидела на корточках приунывшая Саския. Согласно Стэну, в 1921 году Джайлз перевез свою небольшую семью в Дибблетуайт, «родной город» Люси, и там угрохал все свои жалкие сбережения на 99-летнюю аренду дома, в котором Сирил прожил всю жизнь. Молодоженам повезло: дом они купили задешево, у новоиспеченной вдовы, которая сама там никогда не жила, но не хотела, чтобы он достался ненавистному пасынку и его жене.

Мать Энтуисла умерла от пневмонии злой зимой 1944 года. Отца он в последний раз видел в 1947-м. Сирила тогда только что демобилизовали, в Англии он не был три года. Джайлз приехал в ливерпульские доки, чтобы встретить его. Отец и сын хмыкнули, пожали руки и устало посмотрели друг на друга. «Полагаю, ты сумеешь сам добраться до Дибблетуайта, — проворчал Джайлз. — У меня тут кое-какие дела. — Он уже собрался уходить, но обернулся. — У тебя лишней пятерки

---

[94] Примечания: 94
Отец (*фр.*).

не найдется?» Сирил дал ему пятерку, этим все и закончилось. Впоследствии Энтуисл изредка получал от отца открытки, сначала из Канады, куда тот эмигрировал, потом из Америки.

— Под конец он оказался в Сан-Франциско, где играл одной рукой на пианино в «Мактиге», излюбленном месте любителей бита, и умер в 1957 году, в семьдесят два года — упал на ходу с трамвая и ударился головой о бордюр.

Тяжко было смотреть на его лучащееся самодовольством лицо. Он был карточным игроком, у которого оказались на руках тузы и козыри.

— А этот рассказ, назовем его «версией Копса», он основан строго на фактах?

Стэн кивнул.

— И факты получены из бумаг в этих коробках и из документов, которые, возможно, ты припрятал еще где-то, а также из документов, которые ты смог изучить, а может быть, даже и скопировать?

— Совершенно верно.

— Возможно, и из бесед с самим Сирилом?

— К чему ты ведешь? — Настроение у Стэна изменилось.

— Как ты можешь быть уверен, что документы, на которых ты основываешь свой рассказ о

родителях Сирила и о его детстве, заслуживают большего доверия, чем письмо Каррингтон, что ты мне показал, или чем те биографические несоответствия, о которых ты рассказывал?

— Потому что я профессиональный ученый, — прошипел Стэн и снова встал. — Потому что благодаря годам тщательных исследований я легко могу отделить зерна от плевел. Это умение, которым овладевает настоящий биограф. Тебе такого не понять.

— И все же, старина, и все же… Даже самые опытные фальсификаторы иногда допускают ошибки — потому что слишком уверены в себе, невнимательны, невежественны, а может, и из-за извращенного желания быть разоблаченными. Но если он действительно опытен, большинство его фальсификаций трудно, а то и невозможно выявить.

Стэн злобно двинул стиснутым кулаком и нечаянно толкнул банку из-под «Доктора Пеппера», но Саския успела поймать ее.

— Точный пас! — воскликнул я — мне хотелось разрядить обстановку. Но под воздействием «Макточиса» я все-таки не мог уняться и хотел спорить дальше. — Энтуисл — один из величайших художников прошлого века, и, как все

великие, он уникален, его работы невозможно не узнать. Но для него сделать копию Пикассо или Бэкона с такой точностью, что и сам художник не сможет определить, где оригинал, а где подделка, или написать оригинальную работу в стиле Пикассо или Бэкона, любого периода, и поставить в тупик экспертов — это детские игрушки. Подделать почерк Доры Каррингтон — пустяк, совсем безделица, уловить ее стиль может быть посложнее, хотя он и в этом мастер; я слышал в его исполнении скетч в духе «Гун-шоу»[95], который он сочинил сам, так он даже голоса пародировал. Я веду к тому, что документы, на которые ты опираешься, источники, из которых ты черпаешь факты, могут оказаться… скажем, не вполне надежными.

Стэн побагровел.

— Я знаю, что надежно, а что нет! Как ты смеешь сомневаться в моих способностях? Я проверил каждую деталь из того, что рассказал тебе о Джайлзе Энтуисле, каждую! Я побывал в Скарборо, Лондоне, Онтарио, Сан-Франциско, я рылся в государственных и частных архивах. Я знаю про каждый пук Джайлза Энтуисла. Так что

---

[95] Примечания: 95

Английская юмористическая радиопередача, выходившая в 1950-е годы.

сдай назад, болван! — И добавил раздраженно: — Я думал, ты мне друг.

— Думаю, тебе лучше уйти, — сказала Саския — она явно была расстроена. — Он еще не до конца оправился.

— На сей раз эта сука и впрямь права, — завизжал Стэн. — Вали отсюда на хрен!

Я с максимальной поспешностью удалился, но успел услышать, как Стэн спрашивает Саскию:

— У нас есть что-нибудь по «Гун-шоу»?

* * *

К ужину Стэн не вышел, что меня, а возможно, и всех остальных скорее обрадовало, чем огорчило. Я им был сыт по горло, и меня восхищало терпение Саскии, терпение, которое я счел проявлением мазохизма. Возможно, я неверно истолковал истоки сексуальности Стэна, обнаруженные мной в его кошмарном порнографическом романе, приписав пассивность главного героя самому автору. Или же его вкусы с годами изменились, быть может, под руководством Саскии, и он в конце концов вступил с ней в те отношения, которые представляли бы

интерес для Крафт-Эбинга[96]. Так или иначе, но миссис Х. отнесла легкий ужин ему в комнату. Он собирался принять дормидол пораньше, чтобы на следующее утро встать вовремя.

— Если вы не возражаете, сэр, он хотел бы поговорить с вами перед тем, как мистер Джойс отвезет вас в аэропорт, с глазу на глаз, в восемь утра, дословно он сказал так: «По-дружески попить кофе в кабинете». Или чай, как предпочитаете. Насчет чая — это уже я добавила, сэр.

Она подошла ко мне, когда я опять стоял у портрета Полли Копс. Он меня завораживал — не только потому, что это была великолепная работа Энтуисла — искусный мазок, игра цвета, ощущение ускользающего мига, остановленного навеки, да и красота самой модели, но больше всего поражала психологическая острота: взгляд Полли был холоден, в нем читалось полное безразличие человека, осознающего свое превосходство.

— Она была очень красива, правда ведь, сэр?

— Да. Вы ее знали?

— Увы, нет. Я пришла сюда работать после ее смерти. Мистер Копс был просто раздавлен, у него была тяжелая депрессия, он сидел на успокои-

---

[96] Примечания: 96

Рихард фон Крафт-Эбинг (1840–1902) — австрийский и немецкий психиатр, один из основоположников сексологии.

тельных, к нему постоянно ходил врач — помогал справиться с горем. Но всяко ему нужен был кто-то вести этот громадный дом. Тогда-то я и понадобилась. Я здесь оказалась благодаря Джейку Копсу, сыну мистера Стэна Копса. Он помогал моему покойному мужу, тот подал иск против города — против Нью-Йорка. Как вы понимаете, это ни к чему не привело. Так всегда бывает. Но платить адвокату нужно было только в случае успеха дела, так что нам это не стоило ни гроша. Мой дорогой супруг и миссис Полли умерли примерно в одно время. Молодой Джейк решил, что может одним, так сказать, махом оказать услугу и своему дяде, и мне, и вот я тут.

— А, понимаю, все понимаю.

— Вы уж извините, но вряд ли вы все понимаете. Мистер Джером Копс мой работодатель, а не хозяин, и он, храни его Господь, прекрасно это понимает. Но сейчас здесь присутствуют и те, кто — имен не называю — этого не понимает.

Тогда-то она мне и рассказала, что предпочитает, чтобы ее называли миссис Х., а не миссис Хрошовски.

— Не то чтобы мне не нравится фамилия по мужу. С чего бы она мне не нравилась, пусть и трудно выговаривать. Но для говорящих по-ан-

глийски она трудновата, что да, то да. Сам-то он, дорогой мой, хотел ее сменить на Харрис, но ждал, пока отец умрет, да тут не повезло — отец умер через девять дней после сына. Я теперь уже привыкла к миссис Х., мне так удобно.

Мы постояли рядом, молча глядя на портрет, а потом она передала послание Стэна.

— Хорошо, я встречусь с ним в восемь, во всяком случае, постараюсь, если кто-нибудь разбудит меня в семь.

— Я за этим лично прослежу, сэр. А что до сегодняшнего ужина, — она взглянула на часы, висевшие у нее на груди, — вам хорошо бы подскочить в столовую ровно через двенадцать минут.

Миссис Х. мне нравилась не только потому, что на нее сыпались злобные нападки брата ее работодателя. А еще и потому, что она считала, или льстила мне, делая вид, что считает, будто я в моем возрасте в состоянии хоть куда-нибудь «подскочить». А уж ее заключительные слова покорили меня окончательно.

— Я прослежу, чтобы вам в комнату поставили бутылку «Макточиса» и немного льда: вдруг вы захотите пропустить, как у нас говорят, стаканчик на ночь.

Мы — Саския, Джером Копс и я — сидели у одного конца огромного обеденного стола. Стэн, похоже, витал в столовой — как дух Парнелла[97] в рассказе Джойса «В день плюща», не называемый, но присутствующий, хорошо хоть, не пугал нас. В отсутствии Стэна Джером был остроумным собеседником, равно как и Саския. Видно было, что они отлично ладят друг с другом, и я даже почувствовал себя лишним. Они обменивались короткими, понятными им одним фразами, но из вежливости пытались включить в разговор и меня. И все же Стэн время от времени обозначал свое присутствие. Джером и Саския согласились, что Сирил Энтуисл «заставил Стэна попотеть». Энтуисл вроде бы давал своему биографу все, что тому могло понадобиться: документы, фотографии, интервью, аудио- и видеозаписи, дневники, списки имен, людей, которые знали его много лет, моделей, агентов, друзей и так далее. Но бедняга Стэн должен был все проверять и перепроверять, а порой и третий раз проверять практически все, казалось бы, очевидные факты. Энтуисл словно бы нарочно старался скрыть правду. Стэн был опытным биографом. Никогда прежде ему не

[97] Примечания: 97

Чарльз Стюарт Парнелл (1846–1891) — ирландский политический деятель, лидер ирландских националистов.

приходилось сомневаться в большинстве источников. Энтуисл играл в какую-то игру, вопрос только — в какую.

Но большую часть времени мы беседовали о том, о чем обычно беседуют за ужином — о театре, о том, что бесстыдно предлагают музеи, о слабой постановке *Il Trovatore*[98] в «Метрополитене», о новых мощных переводах «Илиады», о плохих и хороших ресторанах, короче, это была обычная болтовня привилегированных городских жителей, временно оказавшихся в коннектикутской глуши. Все было и знакомо, и удобно.

После ужина мы не торопясь попивали кофе и бренди, Джером курил контрабандную гаванскую сигару, Саския несколько раз к ней тоже приложилась. Разговор едва тянулся. Джером вдруг всхрапнул, и все мы против своей воли встрепенулись. Засим, как говорил автор знаменитых дневников, в постель[99].

Моя комната была напротив спальни Джерома. Комната Стэна и Саскии располагалась в конце коридора. Мы распрощались в холле. Около двух часов ночи по велению мочевого пузыря я отпра-

---

[98] Примечания: 98
Трубадур (*ит.*).

[99] Примечания: 99
Из дневников Сэмюэла Пипса (1633–1703).

вился в уборную. К себе в комнату я возвращался полусонный, но как раз в тот момент, когда дверь к Джерому тихонько закрылась. И на меня пахнуло духами. И только когда я снова улегся, надеясь, что сон тотчас вернется, я понял, что это были за духи. «Френзи»! Я чуть было не заплакал.

* * *

Ровно в восемь часов я постучал в дверь кабинета. Директор был в игривом настроении, на мой вкус — чересчур игривом для столь раннего часа. Впрочем, меня вызвали не для наказания розгами, а тем более палкой. Мне, как и обещали, предлагали «по-дружески попить кофе», восхитительный аромат которого встретил меня у порога, попрощаться наедине, словно, хоть я и доставил много хлопот во время учебного года, директор получил от моего отца солидный чек для Фонда часовни Беды Достопочтенного, и меня отпускали на каникулы, простив все мои грехи. Стэн сидел не за огромным столом, а в гигантском кожаном кресле — в нем он выглядел игрушечным пупсом. Он указал мне на такое же кресло, стоявшее напротив. Между нами был низенький стол с серебряным подносом, на котором стояли серебряный кофейник и серебряные же сахарни-

ца с молочником, а рядом с подносом изящные чашки и блюдца, тарелки, ложки, ножи, льняные салфетки и блюдо с миниатюрными булочками. Миссис Х. расстаралась на славу.

— Робин, позволь мне прежде всего принести свои извинения. Нет-нет, молчи! — Он вскинул руки, предупреждая возражение, хотя я и не думал возражать. — Я не должен был тебя втягивать в эту дискуссию. — Снова взмах руками. — Могу лишь надеяться, что ты примешь во внимание посттравматический синдром и причудливые реакции на лекарства. — Мне быть за мамочку? — Он опять демонстрировал свое умение пользоваться идиомами — однако разливающего чай англичане называют не мамочкой, а матерью. С идиотской улыбкой он трясущейся рукой занес кофейник над моей чашкой.

— Пожалуйста, — ответил я: кофе мне хотелось, а признаний — нет.

Он, хоть и не без труда, налил кофе, даже ничего не расплескав.

— Ты можешь меня простить?

Я взмахом руки обозначил *il n'y a pas de quoi*[100].

---

[100] Примечания: 100
Не за что (*фр.*).

— Дорогой мой, тебе действительно досталось. Извиняться ни к чему. — Я отпил кофе. Он был великолепен. — Знаешь, что бы ты о нем ни думал, но Майрон искренне за тебя переживал. — Уж пропадать — так пропадать. — Как и твои коллеги. Никто не знал, где тебя искать.

— Папарацци, — сказал он. — Я сейчас в разряде «горячих новостей». Как только любопытство уляжется, я выйду на связь. Если хочешь, можешь так Майрону и передать. Но должен тебе сказать, что старая королева ждет не дождется моей смерти. Я не шучу. Он наверняка жалеет, что я выжил. — Эти слова он сопроводил ставшей для него привычной кислой улыбкой. — А я здесь, Робин, все равно здесь. — И он вскинул кулак вверх.

Теперь это был не пупс, в Германии таких называют *Stehaufmännchen*[101] — это игрушка с утяжеленной нижней частью, если ее толкнуть, она тут же выпрямляется.

— В газетах это называли «порнопритоном». Как тебя туда занесло? — Я сопроводил вопрос смешком — мол, все мы здесь взрослые люди. Но возможность я упустить не мог. Действительно,

---

[101] Примечания: 101
Ванька-встанька (*нем.*).

что он там делал?

— Случайно, совершенно случайно. Пошел дождь, и я хотел где-нибудь укрыться. Вот и все. Это могла быть и конюшня.

— В этой части города?

— А что такого? Они повсюду. — И снова болезненная улыбочка, пусть и самоуничижительная, но обозначавшая здоровый юмор.

— Однако ты далековато забрался на запад, разве нет? Мне-то все равно, но многие недоумевают.

Он чуть прищурился, стараясь не выдать раздражения.

— Бог ты мой! Я ставлю машину в гараж на углу 10-й авеню и 49-й улицы, когда еду из Вестчестера. Я шел в Нью-Йоркскую публичную библиотеку, в совете которой состою. У меня там персональный стол, между прочим! И тут полило, сам знаешь, как это бывает. К дождю я был не готов — в Скарсдейле светило солнце. Но так уж случилось, и полило не только на меня. Помнишь того английского премьер-министра, который грозил небесам кулаком? «Господи, вечно Ты так!» Ну, тот, при Эдуарде VIII, как его, Болдуин? И вот я стою в дверях, никого не трогаю. А этот придурок-латинос заталкивает меня внутрь, размахивает

пистолетом. «Ты хороший, ты только тихо, шум не поднимай, и никому больно не будет, *si*[102]?» А внутри чернокожая толстуха, знаешь, такая — идет, переваливается, жир с боков свисает, купить что-то зашла. У нее в одной руке пачка рифленых презервативов, а в другой пластиковый пакет Церкви Воскресшего Христа. И она: «Тебе какого хрена тут надо, козел?» Он хватает ее за руку, пистолет к виску. «Ты у меня тут поговоришь, сука!» Сам не знаю, что на меня нашло. Я как пихну его в живот. «Зря ты так, парень, ох, зря!» — выдохнул он и выстрелил в меня. А потом убежал. Больше я ничего не знаю. Упал на пол, весь в крови, боли почти не чувствую. Голова моя на коленях той женщины, Джолин Клей, говорит, что она физиотерапевт, она тоже на полу, со мной рядом. И плачет. «Вот дурак-то, но молодец, — все повторяет она. — Дурак, но молодец». Говорят, мэр хочет наградить меня медалью. Можешь об этом Майрону сообщить, а что? Вот он побесится. Вопросы есть?

— Стэн, у меня просто слов нет. Какой ты, оказывается, смелый.

— Болван я, вот что, — скромно ответил он. Взял

---

[102] Примечания: 102
Да (*исп.*).

крохотную булочку, отломил кончик, задумчиво сунул в рот. — Твой приятель Энтуисл делает все, что может, чтобы усложнить мне жизнь. Он явно хочет такую биографию, где он не просто гениальный художник, но и человек во всех отношениях замечательный, который преодолевает всевозможные препятствия, где он и бабник, и благородный человек. Он хочет, чтобы мы знали: он был знаком со всеми важными фигурами прошлого века. Может, оно и так, но не всегда именно так, как он хочет это преподнести. Я должен дать понять, что его копье взмывает и еще не раз взмоет при встрече с любой трудностью.

Но получит он от меня правду такой, какой я ее вижу, правду, оторванную от фактов, от фактов, которые отберу я, перерыв все те материалы — а он меня ими завалил, — от тех фактов, что отыскал сам, помимо его воли. Робин, ты должен ему передать: как бы он ни старался меня запутать, я не поддамся, я доберусь до правды, и доберусь вовремя. Ему известно, что у него нет права менять окончательный текст, хотя он ему и будет представлен перед публикацией.

Сообщи ему, что я рассчитываю снова с ним повидаться, как и было договорено, через два месяца, либо во Франции, либо в Англии, в за-

висимости от того, в каком из своих домов он тогда будет жить. Если, от чего, конечно, оборони Господь, я к тому времени еще не поправлюсь окончательно, меня заменит Саския — ей будут даны полномочия действовать от моего имени. Дабы развеять его опасения: я не вижу причин полагать, что расписание, которое мы утвердили, будет изменено. Я рассчитываю уложиться в срок. Робин, ты в состоянии все это запомнить?

Я уверил его, что в состоянии.

За окном зашуршал гравий, Стэн покосился на окно, и я понял, что Билл Джойс подал машину, которая должна доставить меня в аэропорт Кеннеди. Мне было пора ехать.

— Наверное, ты захочешь попрощаться с Джеромом и Саскией. Ты наверняка найдешь их обоих в малой столовой. Что ж, прощай, мой старый друг!

Он не встал, только протянул мне руку, которую я пожал. Но я хотел попрощаться и с миссис Х.

4

Когда началась война, Энтуисл отправился воевать с томиком Зигфрида Сассуна[103] в кармане и с альбомом Георга Гросса[104] в вещмешке. По совету Каррингтон или без оного, но вдохновленный рисунками Макса Бирбома[105] он начал учиться в Кембриджской школе искусств. Гитлер и прочие далекие от Энтуисла личности положили этому конец. Сначала он служил в Северной Африке, был из числа Пустынных крыс[106] Монти[107] и не погиб от предназначенной ему пули — «мое имя было на ней выгравировано, дружок» — исключительно по воле случая, незадолго до

[103] Примечания: 103

Зигфрид Сассун (1886–1967) — английский писатель и поэт, участник Первой мировой войны.

[104] Примечания: 104

Георг Гросс (1893–1959) — немецкий живописец и график.

[105] Примечания: 105

Макс Бирбом (1872–1956) — английский писатель и карикатурист.

[106] Примечания: 106

Так называли в годы Второй мировой войны британскую 7-ю танковую дивизию.

[107] Примечания: 107

Имеется в виду британский фельдмаршал Бернард Лоу Монтгомери (1887–1976), командовавший 8-й британской армией в Северной

Африке.

битвы при Эль-Аламейне. Он сидел в грузовике с боеприпасами рядом с водителем, капралом Алтерасом, а тот так вымотался, что задремывал и посреди пустыни чуть ли не уводил машину с колеи, которой держался грузовик перед ними. Энтуисл предложил ему передохнуть: «Мэнни, какого хера, этот драндулет и я могу вести. А ты, старик, подремли маленько, будь добр!» Они поменялись местами, Мэнни Алтерас тут же крепко заснул, а через каких-нибудь десять минут Мэнни получил пулю, предназначавшуюся Энтуислу, в то место между глаз, где начинается переносица. Ну что тут скажешь?

Во время североафриканской кампании Энтуисл рисовал все, что попадалось ему на глаза, при любой возможности, в основном карандашом или углем, а если получалось, чернилами и акварелью. Акварельные краски он делал сам, добывая что можно из скудной флоры пустыни и из жирных насекомых, водившихся в этой истощенной местности: он все это давил, кипятил, скреб — делал, что полагается, а чернила воровал в штабе. Бумагу он добыл сначала в Александрии, потом в Бизерте, где якобы обитала Грязная Герти*. У Мэнни был дядя в Каире, и этот дядя Саймон раздобывал для Энтуисла бумагу, несмотря на

военное время.

Обширная коллекция этих рисунков хранится в Дибблетуайте, а осмотрительно составленная подборка некоторых из них была напечатана в 1947 году, когда художник сделал первый заход на пути к всебританской славе, выпустив альбом «Пустынные крысы». Даже профану понятно, что «Пустынными крысами» Энтуисл продемонстрировал, что умеет бороться за внимание публики. Его приняли в члены Королевской академии.

После Северной Африки его направили в Европу, по которой — дело было после высадки в Нормандии — уже уверенно шагали союзные войска. Военные, надо признать, сообразили, что Энтуисл незаменим в деле пропаганды. И, тщательно исследовав его рисунки, сочли их пригодными для распространения в тылу, в Великобритании, где его стиль — пусть пока еще не имя — стали узнавать, и в Вестминстере уже отметили его труды для дела победы, чтобы по окончании войны воздать им должное. Он теперь был сержантом Энтуислом. Альбомов с рисунками накапливалось все больше, работы становились более уверенными, более зрелыми. Во Флёрюсе, в нескольких километрах к северо-востоку от бельгийского Шарлеруа, он даже

получил первый заказ, на портрет, «Мсье и мадам Юбер Лон, 1944» — мэра с женой, и портрет до сих пор висит в *mairie*[108], где я его и видел. Удивительно язвительная работа, на ней изображены два преуспевающих представителя *la petite bougeoisie*[109], которые не только пережили все невзгоды сокрушительной войны, но пережили не без выгоды для себя: его самодовольство читается и в плохо скрываемой ухмылке, и во фламандском маке в петлице, а ее — в задранном носе, подчеркивавшем радостно торчащие вперед зубы, и неестественно розовых щеках. Макс Бирбом, может, и указал путь, но в основном влияние оказали Домье и Гросс. (Да-да, я знаю: в последних серьезных научных разборах работ Энтуисла подчеркивается, что в «Мсье и мадам Юбер Лон, 1944» чувствуется прежде всего влияние Хогарта, что весьма удобно вписывает художника в общепризнанную английскую традицию. Однако я непоколебим и остаюсь при своем мнении.)

У Энтуисла есть множество историй о том, как он воевал в Европе, и страшных, и веселых.

---

[108] Примечания: 108
Мэрия (*фр.*).

[109] Примечания: 109
Мелкая буржуазия (*фр.*).

Несколько из них, в основном забавных, он мне рассказал, когда мы познакомились. Так он по-доброму готовил меня к службе в армии. Он был отличным рассказчиком, умел добиться комического эффекта и часто доводил меня до такого истошного смеха, что у меня дыхание перехватывало. Грустные истории, больше подходившие для зимы[110], пересказывала мне во все времена года мамуля, она всегда жаждала, чтобы я одобрил ее выбор лучшего из мужчин. «Что он только не делал! Что только не повидал! Как он настрадался! О, Робин!» Бедная мамуля не знала (или не хотела себе в этом признаваться) только одного, того, что я и сам узнал лишь со временем: Энтуисл был выдумщик, если не сказать лжец. Понятия не имею, какие истории из тех, что он рассказывал мне и мамуле, правдивы или хотя бы частично правдивы, а какие — совсем нет. Понятия не имею, во что Энтуисл сам верил, а что выдумал. Понятия не имею, имели или нет место с ним или с кем-то еще описанные им случаи, все или некоторые. Быть может, тщательно подготовленная Стэном биография и прояснит все, но я в этом сомневаюсь.

---

[110] Примечания: 110
Отсылка к «Зимней сказке» У. Шекспира. Акт II, сцена 1.

Одно, впрочем, я знаю наверняка. Он присутствовал при освобождении узников лагеря Берген-Бельзен, и то, что он там увидел, произвело на него неизгладимое впечатление. Я знаю это не только от мамули, которая, боясь, что меня могут будить крики Энтуисла по ночам и я по подростковой глупости могу принять его жуткие и тяжелые кошмары за экстаз здорового секса, рассказала мне все, что знала о его переживаниях, о том, каким были потрясением картины, звуки, запахи, которых не мог бы вообразить даже Данте, сумевший мысленным взором увидеть ад, о том, перед чем можно только стоять онемев или, чтобы не сойти с ума, отвести взгляд. «Ты даже представить не можешь, какой у него был тогда взгляд, — рассказывала мамуля. — Никто не может себе представить, что он видел, что чувствовал. Ни я, ни ты, дорогой мой. „Обними меня, Нэнси, — говорил он. — Я всего только *заглянул* в ад. Я не жил там, не был жертвой, не страдал. Нэнси, умоляю, обними меня!“ Робин, это ужасно. Он обливается потом, что при других обстоятельствах мне скорее понравилось бы. Но этот пот, холодный, липкий… Ну, хватит об этом. Это мой *крест*. К счастью, старые методы работают. — Мамуля, царствие ей небесное,

искренне сострадавшая мукам моей зарождавшейся сексуальности, порой бывала чересчур прямолинейна. — Мы занимаемся любовью, и он засыпает как ребенок».

«Нэнси, я убил одного, убил фашистского ублюдка, за всю войну убил всего одного немца. Мы ворвались в сарай на задворках лагеря. Там хранили садовые инструменты. В углу этого адского места были аккуратно разложены и расставлены газонокосилка, грабли, тяпки, секаторы, бутылки с жидкостью от сорняков, пакеты с луковицами. А еще там были три эсэсовца. Один сидел в углу — весь в дерьме от страха, голову обхватил руками и пригнул, трясся от ужаса, волосы светлые, ежиком, глаза закрыты. Другой — на коленях, ладошки сложил — ну, чисто Кристофер, сука, Робин, и бормочет: *„Lieber Gott*[111], *Heber Gott, Heber Gott“*. Третьим был сержант, он сначала стоял, но как увидел наши лица, упал на колени, руки поднял — мол, сдаюсь. Он нам сказал по-английски: „Послушайте, уважаемые, это же были просто евреи, в основном евреи“. Меня взбесило то, что он решил, будто мы договоримся, будто мы поймем. А когда догадался, что этого

[111] Примечания: 111
Господь возлюбленный мой (*нем.*).

не будет, этот убийца, Нэнси, этот голубоглазый красавчик-блондин, эта сволочь арийская, он тут же стал играть другую игру. Кинулся ниц, руки вытянул, как какой араб на молитве, уткнул голову в землю. Я словно обезумел, Нэнси, потерял контроль над собой. Этот убийца, он нас дразнил. Я кинулся на него — словно я центрфорвард „Арсенала“ и бью пенальти. Метил я в верхний левый угол своей цели. Голова его не дернулась, но эту гадину откинуло, как тряпичную куклу, на того, молившегося, который все твердил: „*Lieber Gott, Heber Gott, Heber Gott*“. Я его все-таки прикончил, этого шутника-убийцу. Но он убил мне сон, Нэнси. Убил сон».

Даже без свидетельств мамули было очевидно, как травмировал Энтуисла тот опыт в конце войны. Я, естественно, имею в виду его великолепную картину в восьми частях «Восьмой день. Разрушение» — серию работ об отношении евреев и немцев начиная с эпохи Просвещения и до Холокоста, из-за которых он со скандалом вышел из Королевской академии. Он работал над «Разрушением» почти десять лет и закончил этот исключительный труд в феврале 1962-го. Это были годы мамули, годы, когда он писал ее снова и снова, сначала экстатически, под конец яростно.

Но «Разрушение» владело им, выматывало его; он пытался его забросить: утратил веру в свой талант, в способности передать свое видение, и в отчаяньи взывал к небесам. Однажды он вышел на кухню, осунувшийся, с красными глазами, чуть ли не в слезах, испуганный.

— Ох, Нэнси, что я наделал? Что я наделал, Нэнси?

А сделал он вот что: швырнул банки с краской на три готовых и два почти готовых холста. Мамуля за руку отвела его обратно в мастерскую, где под ее присмотром он, рыдая, все-таки счистил краску. Мамуля умела подбодрить, что да, то да.

«Разрушение» занимает целый зал в музее Табакмана в Тель-Авиве: Энтуисл преподнес его в дар государству Израиль, не столько в знак сочувствия народу, который преследовали и почти уничтожили — во всяком случае, так в кулуарах перешептывались циники, — сколько из опрометчивой обиды. Это мнение чудовищно несправедливо. Да, он обиделся. Энтуисл послал все восемь полотен на выставку в Королевскую академию. Прошел целый год с тех пор, как он положил последний мазок. Весь год он почти ежедневно приходил во флигель — его он освободил для этих работ и побелил там стены, бродил

от картины к картине, играл с подтяжками, почесывал пах. Он был чрезвычайно горд тем, чего достиг — смог создать такое сложное произведение, безупречное по цвету, форме и настроению; куда меньше он был уверен в исторической достоверности и даже пригласил для консультации сэра Тревора Ридли, профессора из Оксфорда, специалиста по современной немецкой истории. К ученым он обычно относился с презрением: «Софисты хреновы, все как один мерзавцы. Оказывается, чем хуже делаешь, тем лучше получается! Ты погоди, Робин, вот как пойдут они твои книжки изучать!» Должен признать, смысл в его словах был. (Однако он пригласил ученого Копса стать его биографом! Не будем забывать об этом.) Так или иначе, но сам факт, что сэра Тревора пригласили провести выходные в Дибблетуайте красноречиво свидетельствует о том, насколько неуверенно чувствовал себя Энтуисл.

Королевская академия приняла только «День четвертый» из цикла «Восьмой день. Разрушение», объяснив свой выбор только тем «печальным, но неустранимым фактом», что выставочное пространство ограничено и для всех восьми работ места нет. В этом решении, возможно, и была крупица правды. Ведь Энтуислу под его

работы понадобилась бы вся галерея. Но выбор «Дня четвертого» был обусловлен желанием не поднимать скандала. Работа была сравнительно благостная, несмотря на то, что все персонажи были прописаны мастерски — это были знаменитости художественного мира, «звезды» Веймарской республики, запечатленные в Пляске смерти. Мир тогда еще не желал знать всей правды о Холокосте, теме «Дня восьмого». У Королевской академии были обязательства перед публикой.

На это Энтуисл и обиделся. Обиделся — это еще мягко сказано. Точнее, он пришел в бешенство. Но я не думаю, что мы можем с чистой совестью не верить в его искренность. Он же художник. Более того, все это связано с тем, что он пережил, когда освобождали Берген-Бельзен, с ужасом, который он испытал, когда, совсем молодой, увидел воочию, к чему приводит бесчеловечное отношение одних людей к другим. Этот ужас его не отпускал. Он проникал в его сны, в его кошмары — во всяком случае, до тех пор, пока он не достиг катарсиса в заключительной работе цикла. Это открыло в нем, пусть и ненадолго, сочувствие и сострадание.

Письмо, которое он написал президенту Ко-

ролевской академии, послав копии в «Таймс» и «Йоркшир ивнинг пост», стало известным, по крайней мере в тех кругах, где интересуются искусством и историей.

Уважаемый сэр!

Мой уход окончателен, поэтому я сообщаю об этом повсеместно. С гордостью заявляю, что больше не являюсь членом Королевской академии.

Вы выбрали для показа только «День четвертый» цикла «Разрушение», одну картину из восьми, но каждая важна для понимания всех остальных, и восьмая — это кульминация и средоточие смысла всей работы. Стыдитесь! Ваш выбор, вразрез с моими пожеланиями, одной картины и ваше намерение показать ее в отрыве от остальных, вопреки моей настоятельной просьбе и искреннему желанию удержать вас от этого, не оставляют мне другого выхода, и я вынужден забрать свою картину. Я позабочусь о том, чтобы вы, пока я жив, не получили ни одной моей работы.

Если в ваши намерения входило меня

огорчить, приношу свои поздравления: вам это удалось. Прошу вернуть все мои картины, в том числе «День четвертый». Мне страшно подумать, что вы будете ее выставлять.

Вы меня поняли? Я отказываюсь от членства в Королевской академии.

Искренне ваш,
Сирил Энтуисл,
бывший член Королевской академии

Прошу извинить, что писал карандашом.

Энтуисл, эгоцентрик с рождения, был самовлюбленным типом и вдобавок видел себя героем собственного эпоса. Это сочетание укрепляло в нем желание полагаться на собственные эмоции как источник вдохновения. Ввиду этого, полагаю, создание «Разрушения» было неизбежно, но не столько из сострадания, сколько из стремления к самовыражению. Однако после Бельзена сострадание было — сострадание к жертве, к побежденному. А поскольку в 1945 году стало понятно, что главными пострадавшими от фашистов оказались евреи, и те из них, кому удалось выжить, в основном проживали в лагерях, теперь

называвшихся лагерями для беженцев, и их отказывались принимать даже «цивилизованные» страны-победительницы, Энтуисл стал филосемитом. В его филосемитизме *присутствовала толика патернализма, налет* noblesse oblige, отношения *я — они*.

Такое сочувствие нельзя испытывать долго, оно зависит от конкретной обстановки. В случае с евреями его хватило до войны 1967 года. Они перестали быть жертвами, они больше не заслуживали сострадания, они стали самоуверенными, точнее сказать, нахальными. Как сказал с ухмылкой сам Энтуисл: «Мне эти бедолаги даже нравились, я, считай, их жалел, но теперь я подставил другую щеку». (К счастью для музея Табакмана, к тому времени, когда Израиль одержал свою сокрушительную победу, «Восьмой день. Разрушение» уже три года как украшал стены отведенной ему галереи.)

Но даже если бы филосемитизм Энтуисла пережил 1967 год, он бы не пережил предательства Фрэнни. Она была, по-моему, его «единственной истинной любовью» — выражение сентиментально-романтичное и затертое, однако в данном случае, на мой взгляд, уместное; она была единственной, в чьем присутствии он сознательно

позволял себе дать слабину — не то что в случае с бедной мамулей: она сама должна была отыскивать его уязвимые места и жизнь класть на то, чтобы его утешать, но благодарностей за это почти не получала.

Для меня всегда было загадкой, почему он относился так именно к Фрэнни. Но в таких делах сторонний наблюдатель мало что углядит. Безусловно, ее уход был для него тяжким ударом, он целыми днями просиживал в «Крысе и морковке», роняя слезы в кружку с пивом, почти год не мог работать, что удручало его постоянных клиентов. Она явно не испытывала к нему таких чувств. Она любила сладострастные забавы — как и любая здоровая молодая женщина первого поколения, узнавшего «Радость секса»[112], и, как многим девушкам, ей нравилось покуролесить с тем, кто вошел в «Кто есть кто?» знаменитостей XX века, и разница в возрасте для нее препятствием не была. Энтуисл же считал, что нашел спутницу жизни. «Бедняжечка мой», — вздохнула мамуля, когда узнала.

Мне было еще интересно, почему он решил сделать еврейку из Фрэнни — Фрэнни, в кото-

[112] Примечания: 112

Имеется в виду книга английского писателя и психолога Александра Комфорта (1920–2000).

рой каждый жест, каждое движение выдавали англичанку-англиканку, если и не по склонностям, то точно по рождению и воспитанию. Но, думаю, теперь я это понял или по крайней мере начал понимать. Вероятно, он стал использовать слово «еврей» для выражения нежности или удовольствия, как аллюзию на часто цитируемого им Шекспира, в данном случае на слова Башки про лакомый кусочек мужской плоти (мужскую плоть пришлось бы заменить на женскую) и нежного еврея[113]. Но подсознательно, подозреваю, он пытался придать их отношениям форму, близкую его душевным стремлениям. Фрэнни была совершенно независимой молодой женщиной, имевшей все преимущества поколения, класса, семьи в которых она росла. Если ей и нравилось купаться в лучах чужой славы, то лишь так, как ее подруги радостно купались в лучах солнца на средиземноморских пляжах. Как и они, она с легкостью была готова поменять солнце Сен-Тропеза на солнце Акапулько — если так складывались обстоятельства. Для Энтуисла же еврей означал жертву, того, кто нуждается

[113] Примечания: 113

Слова Башки из III акта пьесы У. Шекспира «Бесплодные усилия любви». В русских переводах М. Кузмина и К. Чуковского упоминание еврея опущено.

в поддержке и нежной заботе, кто благодарен за то, что его защищают, еврей — как птица со сломанным крылом, которую нужно выходить, прекрасная дама, которую рыцарь спасает от огненного дыхания и когтистых лап дракона. И называя Фрэнни еврейкой, он ставил ее в зависимость от того, кто освобождал Берген-Бельзен.

Не слишком ли я много напридумывал? Возможно. Простое объяснение можно, наверное, найти в голландском искусстве XVII века. В тот рождественский уикенд, когда я должен был познакомиться с Фрэнни, мы с Энтуислом сидели в «Крысе и морковке», укрепляли организмы алкоголем, чтобы хватило сил выдержать ежегодное бурное веселье, с которым встречают рождение Христа.

— Вот погоди, ты ее увидишь, — говорил он, похотливо причмокивая губами. — Помнишь ту картину в Рейксмузеуме, «Еврейку у ткацкого станка»?

— Пита ван де Кифта?

— Отлично, Робин! Да, Пита ван де Кифта. Так вот, Фрэнни очень на нее похожа, они просто двойники.

Должен сказать, когда я увидел Фрэнни, я не обнаружил никакого сходства с еврейкой с оча-

ровательного портрета ван де Кифта. Впрочем, я смотрю не как художник.

Совершенно ясно, что даже если бы Фрэнни согласилась на ту роль, которую для нее придумал Энтуисл, их отношения все равно были бы обречены. Любил он ее такой, какая есть, а не той невероятной, какой нарисовало его воображение. Но в его воображении она была еврейкой, как ее ни определяй, и, как оказалось, эта еврейка предала его, не просто сбежала к другому, раздвинула перед ним ноги, умасливала теперь его эго, а этот другой был несомненный еврей, Ицхак Гольдхаген, флейтист из ада. И с этого момента Энтуисл стал антисемитом, в современном изводе — свой расизм он маскировал под антисионизм. А теперь появились и новые жертвы, прежде всего — палестинцы, судьбой которых он обеспокоен.

Что до меня, то я никакого особого мнения по этому вопросу у меня нет. Человек имеет право на предубеждения. Человеку от этого не уйти. У меня самого они есть, например, Флорида. У каждого может быть любимая мозоль. Но антисемитизм — это такое устаревшее предубеждение, оно сейчас встречается в основном в странах третьего мира, где пользуется большой популярностью. С чего бы ему возвращаться в Европу, совсем недав-

но в слезах вопившую про *mea culpa*[114], я понять не в силах, разве что мы допустим, как кто-то предположил, что антисемитизм — болезнь, всегда присутствующая в теле христианского мира, бацилла, которая ненадолго впадает в дормантное состояние, чтобы вновь воспрять в мутированной и более злобной форме. Как и в случае со многими заболеваниями из медицинской истории, единственное лечение, похоже, это кровопускание. Во всех остальных аспектах Энтуисл человек оригинальный, в чем-то даже высшего класса. А в этом вопросе он похож на человека, на деревенской площади в базарный день взявшего с вешалки поношенный костюм, синтетический, дурно пахнущий и отвратительно сшитый, но универсального размера.

Со временем он стал еще злобнее. Несколько недель назад, выступая на Би-би-си в программе «Прожектор», он заявил, что просто переиначил в соответствие с нынешними обстоятельствами слова еврейско-американского драматурга и сценариста Бена Хекта касательно действий британской армии в Палестине во времена Мандата: «У меня в душе праздник всякий раз, когда

---

[114] Примечания: 114
Моя вина (*лат.*).

я слышу, что на Западном берегу или в Газе убили израильского солдата». Ведущий передачи Найджел Флайтинг понимающе хмыкнул. Так на девятом десятке Энтуисл, никогда не причислявший себя к интеллектуалам (он всю жизнь презирал их как класс) присоединяется к британскому интеллектуальному мейнстриму, и голос его звучит в унисон с поэтами, журналистами и учеными, сказавшими примерно то же самое.

Здесь в качестве коды я, пожалуй, добавлю, что в 1983 году, через двадцать лет после громкого ухода, Сирил по-тихому возобновил свое членство в Королевской академии.

— Решил дать этим занудам еще один шанс, — сказал он мне.

— Очень благородно с твоей стороны.

Он жестом показал мне — заткнись.

— Умников, Робин, никто не любит.

Думаю, к тому времени негодование, которым он пылал в 1963 году, он счел не просто устаревшим на двадцать лет, но еще и направленным не на то. Если он тогда и допустил ошибку, все равно в этой ошибке виноваты были евреи. Но я уверен, он вдобавок полагал, что великодушно дает Королевской академии «еще один шанс».

* * *

Телефон зазвонил, когда я еще не все вещи распаковал. Это был Энтуисл.

— Так ты вернулся?

— Очевидно.

— Видел еврея?

— Какого еврея?

— Робин, не пудри мне мозги.

— Да, я его видел.

— Дорогой мой мальчик! Непременно приходи на ужин. — Энтуисл пытался ко мне подольститься. — Клер готовит кассуле.

— Спасибо, но нет. Я только что прилетел. До Йоркшира у меня сейчас сил нет добраться.

— Так мы не в Йоркшире, нахалюга. Мы в Ноттинг-Хилле. Ты Бантера знаешь? Лорда Билли Пего? Нет? Ну, короче, он купил на Лэнсдаун-Райз дом для Беттины, для Беттины Карри, она для Бантера — пусть и вне брака, но как вторая жена. Ой, Робин, какие сиськи! Огроменные. Ума не приложу, как она их носит. Так вот, они на две недели поехали к нам в Сан-Бонне-дю-Гар, покувыркаться в тишине и покое. И пока их нет, мы присматриваем за домом на Лэнсдаун-Райз. Клер хотелось походить здесь по магазинам, посмот-

реть Мольера в Национальном театре, *L'École des maris*[115], ну, и все прочее, чего ей не хватает в Дибблетуайте. Робин, дружок, ты уж приходи. Кассуле у Клер непревзойденное.

Это была чистая правда. Да и все равно мне надо было где-то ужинать. В холодильнике болтались только банка из-под горчицы, пакет скисшего молока и кусок сыра, который изначально был без плесени.

Клер — миниатюрная женщина, немного похожа на птицу, остроносая, с тяжелыми веками. Впрочем, в зрелом возрасте она вполне привлекательна, возможно, привлекательнее, чем была в молодости. Она неизменно бодра, проворна, как старшая медсестра, *une infirmière-major*, каковой некогда и была. «Главное, она не дает Мастеру Вилли[116] застояться». «Ах ты, грязная свинья!» — польщенно вскрикнула она. Он в равной мере пробуждает в ней и нежность, и раздражение.

Кассуле было превосходное, как и последовавшие за ним креп-сюзетт. Клер поставила перед нами бокалы для бренди и бутылку коньяка,

[115] Примечания: 115
«Школа мужей» (*фр.*).

[116] Примечания: 116
Возможно, ассоциация с Мастером Вилли (1977–2001) — знаменитым жеребцом-производителем.

подала нам по чашке эспрессо и удалилась.

— Ты не думай, что она такая деликатная, — сказал Энтуисл. — Чего нет, того нет. Просто по телевизору началось шоу «Кто кого?». Клер ни за что его не пропустит, хоть я тут замертво свались. Вот коза старая… — Но последняя фраза была сказана явно с нежностью.

Я передал ему послание Стэна, но он, похоже, потерял всякий интерес и к своей биографии, и к биографу. Глаза его смотрели, но словно ничего не видели, и дух словно бы покинул плоть.

— Как мамуля? — спросил он вдруг и, протянув через стол руку, схватил меня за локоть. — Как она?

Стараясь скрыть свою тревогу, я похлопал его по руке.

— Она уже скоро десять лет как умерла, Сирил. И ты это знаешь.

Он отпустил мою руку и вздохнул. По щеке скатилась слеза.

— Знаешь, я ведь любил ее, мою Нэнси. Она была лучшей из них.

Жаль, что ты так об этом ей и не сказал, подумал я.

— Почему она сбежала? Почему оставила меня, Робин? — Он переписывал прошлое прямо здесь,

за столом.

— Потому что ты выгнал ее, сволочь.

— Что? Что? — Он потряс головой, будто хотел, чтобы в ней прояснилось. Видно было, как он возвращается в здесь и сейчас. — Робин, дружок, расскажи мне про этого мудака Копса. Он выживет? Он допишет эту чертову книгу? — Он отхлебнул эспрессо, поморщился и налил нам обоим бренди.

Я повторил послание Стэна.

— Почему, когда я впервые упомянул фамилию Копс, ты сделал вид, что слышишь ее впервые?

— Неужели? — Он усмехнулся, включив обаяние — точно так же, как полвека назад, когда он вручил мне премию за латинские стихи и трахнул мамулю за крикетным павильоном. — Ты уж прости старика, Робин. Память уже не та. — И он дважды резко потянул себя за мочку уха — как кондуктор, который дает водителю автобуса сигнал ехать дальше.

— Я видел твой портрет Полли Копс, Сирил. По-моему, это из твоих самых лучших, он великолепен, не уступает даже портрету мамули в образе Саломеи, тому, который в Ливерпуле, в галерее Уокера.

— Полли Копс! Господи, конечно же! Я назы-

вал ее Полип-в-попе. Она напоминала мне леди Макбет. Знаешь, вот это, про «держать в руках сосущее дитя»[117]. Боже мой, из Полипа-в-попе получалось отличное сосущее дитя. — Взгляд его на миг устремился вдаль, к былым удовольствиям. — Она ведь не была еврейкой, ни капельки, хотя вышла за еврея, недоноска с десятисантиметровым — так она рассказывала — членом, но это когда *bandé*[118], как выразилась бы Клер. Как там его звали? Что-то, связанное с Черчиллем, да?

— Джером.

— Дже-рррро-оом… — Энтуисл нарочно растянул все слово. — Я видел его один раз. Мне хватило. Это было в Дибблетуайте, когда мы обговаривали условия. Он хотел, чтобы я приехал в Америку — за любые деньги. А я хотел, чтобы Полип-в-попе побыла в Йоркшире. Богат он был как Крез, и я счел разумным его подоить. Да и хрен с ним, сейчас он наверняка еще богаче. Ушлые они, эти евреи. Он-то был «корпоративным юристом», вроде так это называется, загребал какие-то немыслимые деньжищи, но при этом душа у него болела за рабочий люд, он был звездой *pro*

---

[117] Примечания: 117
У. Шекспир, «Макбет». Акт I, сцена 7. Пер. Б. Пастернака.

[118] Примечания: 118
Здесь: в состоянии эрекции (*фр.*).

bono[119]. Бился за черных с Юга, за краснокожих… нет-нет, погоди-ка, за «коренных американцев». Полип-в-попе говорила, что он даже задницу подтереть не мог, не заговорив о том, в каких условиях трудятся рабочие на фабриках туалетной бумаги.

— Ну, так Стэн — его брат.

— И что ты скажешь? Как думаешь, у Стэна размер такой же, как у Дже-рро-оома? На тебе лежит груз ответственности, Робин. Ты выбрал этого евнуха в биографы к человеку, чьи сексуальные параметры заставили бы и Казанову призадуматься.

— Сирил, от тебя мало помощи. Этот несчастный ублюдок вынужден биться за каждый факт, за каждую подробность, которая вроде бы как считается зафиксированной в архивах раз и навсегда. Ты нарочно мутишь воду. Зачем тебе это?

— Ему заплачено достаточно. Пусть теперь попотеет, балбес.

— Чушь какая-то! Ты же сам его выбрал!

— Это ты так говоришь.

Он старый человек, великий человек, и это честь — быть с ним знакомым, но слушать эту

---

[119] Примечания: 119
Ради [общественного] блага (*лат.*).

белиберду я просто не могу. Он вел себя как больной, который не хочет рассказывать врачу о своих симптомах — мол, он врач, пусть сам и выясняет.

— Лично я знаю три версии того, кто твои родители. Первую рассказала мне мамуля, когда вы с ней жили, вторую несколько лет назад поведала Фрэнни, подкрепив ее документами и фотографиями, которые она нашла под лестницей в Дибблетуайте, третью изложил на днях Стэн в Коннектикуте. Не могут все три быть правдивыми, и свести их в одну никак нельзя.

— Да неужто? — Энтуисл перешел вдруг на йоркширский говор, какой теперь услышишь разве что в театре. — Гром меня разрази.

— Слушай, Сирил, Стэн меня мало интересует, мне до всего этого и дела нет. Но твой-то интерес очевиден. Это же твоя жизнь. Неужели ты не хочешь, чтобы рассказали правду, как бы она ни была подработана в твою пользу?

— Недоумок, ты себя-то хоть слышишь? Как бы ни была подработана? Как можно *подработать* правду? Ты в свое определение сам же мордой и утыкаешься. Если правда — это то, как ты это вроде понимаешь, значит, либо что-то есть, либо его нет. Подработать это нельзя. Ладно, хрен с ним.

Разве правда не есть правда? Фальстаф врал великолепно. Шекспир это понимал. Правда — это то, что мы объявляем правдой, что мы, художники, говорим миру, и неважно, чем мы работаем, краской или словом. Где я скорее найду правду, в «Белой книге»[120] или в твоем романе? Ищи правду в метафоре, в символе, в фигуральном, а не в буквальном. Буквальным пусть занимаются бухгалтеры.

— Тогда я не понимаю, зачем тебе понадобился биограф. Если тебе кто и нужен, так это эпический поэт.

— Ну, если помнишь, сначала я предложил это тебе, ты, конечно, в эпической поэзии не мастак, но и времена теперь другие. — Он громко откашлялся и сплюнул в салфетку. После чего усмехнулся. — Клер терпеть не может, когда я так делаю.

— И кто ее за это осудит?

— Знаешь, я ведь не забыл, что ты получил премию за латинские стихи. Осмелюсь сказать, ты легко мог бы сочинить нечто — разумеется, по-английски, и, разумеется, в прозе — сочетающее величие Вергилия с остроумием Овидия.

---

[120] Примечания: 120

«Белая книга» — правительственный документ, представляется палате общин британского парламента.

В два счета. Можешь, если захочешь, мамулю представить в роли Дидоны, представить, как я выношу, наподобие Анхиса[121], своего отца из разбомбленного Лондона.

— Очень забавно, Сирил, очень.

— Черт, мне нужно поссать!

Энтуисл поднялся и полупобежал-полупоковылял из комнаты.

Я огляделся. Лорд Пего или, скорее всего, Беттина, «пусть и вне брака, но вторая супруга» склонялись к так называемым «гарнитурам»: в данном случае это был столовый гарнитур светлого дерева, по-современному безликий и унылый, по бокам по паре стульев, в торцах по креслу, с такими же буфетом и настенными бра. Стены неожиданным образом были выкрашены в темно-зеленый, возможно, так решил еще предыдущий хозяин. По стенам висели плакаты в разных рамах, и, судя по их эклектичности, можно было предположить, что куплены они были скопом, наверное, на Портобелло-роуд. Плакат лондонской подземки, призывающий обладателей билета на день отправиться подышать свежим деревенским воздухом в Голдерз-Грин

[121] Примечания: 121

Анхис — герой древнегреческой мифологии. По преданию, был вынесен из горящей Трои своим сыном Энеем.

висел бок о бок с плакатом из флорентийской церкви Орсанмикеле, рекламировавшим выставку Миро, афиша «Перикла» Королевской шекспировской труппы висела между рекламой мармайта[122] и плакатом с выставки Ман Рэя[123] в центре Жоржа Помпиду, и так далее. Если декор столовой соответствовал интерьерам остальных помещений, непонятно, как Энтуисл все это выдерживал.

— Не смог добраться до туалета. Пришлось отлить в кухонную раковину. Клер терпеть не может, когда я так делаю.

Энтуисл вернулся, весело хихикая. Кусок рубашки нахально торчал из молнии на ширинке.

Я только что рассматривал афишу музея мадам Тюссо и не смог скрыть презрительной усмешки.

— Бантер наверху поставил кровать с водяным матрацем и зеркало на потолке.

Очевидно, по этой информации я должен был понять, чем так привлекал Энтуисла кошмарный второй дом лорда Пего. Мне нисколько не

---

[122] Примечания: 122

Мармайт — популярная в Англии пряная пищевая паста, изготовленная из концентрированных пивных дрожжей с добавлением трав и специй.

[123] Примечания: 123

Ман Рэй (1890–1976) — французский и американский художник.

хотелось обсуждать, может ли Энтуисл в свои восемьдесят и хочет ли. Виагра решила спорить с природой. Не хотелось мне думать и о том, что именно отражается в зеркале на потолке. Я не то чтобы считаю, будто старики не слышат зова плоти; я сам старик. Это всего лишь вопрос эстетики: сексуальное общение пожилых или с участием пожилых наблюдать довольно неприятно, разве что из извращенного любопытства. Я отказывался представлять себе те образы, которые Энтуисл упорно мне навязывал.

— Так какая же из версий о твоих родителях правда, Сирил? Мы сейчас не о теории рассуждаем, а о фактах. И забудь ты о Стэне. Ты со мной разговариваешь. Твои мать и отец повстречались, твои мать и отец родили тебя. Был ли твой отец выходцем из семьи священнослужителей, чтил ли их ценности? Или он был из рабочих? Или что? А твоя мать? Кем была она?

— Робин, ты что, воском уши залепил или еще какой дрянью? Всё правда, всё. Смотри на разные версии как на предварительные наброски, из которых потом получается законченная вещь. Любой вариант мог вывести на этот путь. Главное, кто оказался избранным. Быть избранным — вот что существенно.

— Сирил, а для меня? Только для меня. Забудь про биографию. В твоем прошлом что-то происходило, и ты знаешь что. Давай на время забудем про метафоры. Ты знаешь, кто твой отец, в самом обычном смысле. Намекни хотя бы. Мы же практически родственники. По-моему, я заслуживаю чуть большего, чем то, что ты предлагаешь Стэну Копсу.

— Я чудовищно устал, Робин. И у меня еще планы на вечер, баловство всякое. Клер — как Англия Нельсона, она ждет[124]. Мне придется тебя выставить. Давай-ка поговорим об этом в другой раз, ладно? Мне больно в этом признаваться, но я совершенно вымотан, вот это — точно правда.

— Правда, Сирил? Я думал, мы отказались от правды в пользу метафоры.

— Робин, ты со мной играй, да не заигрывайся.

Что я мог на это сказать?

* * *

Майрон Тейтельбаум заехал в Лондон по дороге в Ливерпуль, на ежегодное заседание Королев-

---

[124] Примечания: 124

Перед началом Трафальгарского сражения 1805 года на флагманском корабле британского флота был поднят флажный сигнал «Англия ждет, что каждый выполнит свой долг».

ского общества медиевистов. Мы встретились на ланче в *«Sel et Poivre»*[125] на Бичем-плейс. Мы с ним иногда разговаривали по телефону, все чаще с тех пор, как Стэн схлопотал пулю, но не виделись много лет. Я бы его не узнал, но он пришел в бистро раньше и, увидев меня, расплылся в улыбке и поднял в знак приветствия стакан с минералкой. Сияющий череп — остатки волос на голове он брил, — тощее, лисье лицо, нос, который то ли на самом деле стал длиннее, то ли так выглядел. Над его зубами поработали мастера-дантисты — они были белые, ровные, сияющие, безо всяких прежних пятен и дефектов. Мой ровесник, если не старше, он тем не менее был подтянут, загорел и явно в отличной форме. Полный набор, чтобы вызвать неприязнь. В мочках ушей по золотому кольцу, на шее на кожаном шнурке *crux ansata*.

— Хватит о тебе, — сказал он, когда мы, пожав друг другу руки, уселись. — Давай поговорим обо мне. — Он ослепительно улыбнулся, давая понять, что просто шутит, хотя и не совсем.

— Мне выбрать вино? Ты меню изучил?

— Я полностью доверяюсь тебе, милый, — ска-

---

[125] Примечания: 125
«Соль и перец» (*фр.*).

зал он и игриво подмигнул — видно, хотел меня встряхнуть.

Я подозвал официанта и на закуску заказал *Picodon à l'Huile d'Olive*[126], а на горячее *Saumon à l'Unilateral Sel et Poivre*[127]. Лучше выбирать то, в чем ты уверен. Вино, помнится, я выбрал «Пюлиньи-Монтраше Пюсель» 1986 года — его в здешнем погребе оставалось совсем немного.

— Как Генри? — спросил я. — Не поехал с тобой на этот «бундогл»[128]?

— Бундогл! Ого, наш англичанин свободно владеет американским! Генри, говоришь? Генри? Это кто? Где ты был все эти годы? Лет на десять отстал. Генри давно уже в прошлом, лапонька.

— Да? Извини, я не в курсе.

— Не извиняйся, не за что. Генри был надоеда, Генри был невыносим, Генри хотел заглотить меня целиком. Я сейчас говорю метафорически, дружок, насчет буквального смысла у меня претензий не было. — Тейтельбаум ностальгически

---

[126] Примечания: 126
Козий сыр в оливковом масле (*фр.*).

[127] Примечания: 127
Лосось на соли и перце (*фр.*).

[128] Примечания: 128
Так в США американские военные называли непродуманные военные операции, а теперь это слово обозначает любое пустое занятие, никчемный труд.

вздохнул. — У него были такие мускулистые грудь и спина, и задница, за которую можно все отдать. Но он хотел постоянства, хотел, чтобы мы остепенились, чтобы ребеночка усыновили, понимаешь, чтобы зажили семейной жизнью. А меня от этого всего тошнило. Жизнь слишком коротка. Поэтому пришлось его отпустить.

Официант принес *Picodon*, сомелье — «Пюсель». Я вытащил пробку, сделал глоток. Вино было превосходное.

— Ты делаешь доклад в Ливерпуле?

Picodon таял во рту.

— И еще веду панельную дискуссию. Уже третий год в Обществе работает секция по гомосексуализму. Разумеется, самая популярная — в научном смысле. — Он подцепил на вилку *Picodon*. — Потрясающе! Что это за сыр?

— Козий.

— *Caprinae*[129], ну конечно же. Навевает похотливые мысли. Вот ты чертенок! Рожки зачесались, малыш? Пободаться хочешь? — Тейтельбаум плотоядно зыркнул на меня и отхлебнул вина.

— О чем твой доклад?

— Так, обычная белиберда. Идеология, выраста-

---

[129] Примечания: 129
Семейство козьих (*лат.*).

ющая из запроса. Называется «Беовульф и Виглаф. Меч и камни». Как ты наверняка догадался, он сам собой написался.

Мы перешли к *Saumon*.

— А панельная дискуссия?

— Это еще хуже. По «Рассказу рыцаря» Чосера. Да, ты правильно догадался, Чосер был из наших. Из шкафа не выходил — жил в непросвещенную эпоху. Мог только посылать сигналы — так сказать, *homotopoi*[130] — для понимающих. Паламоу и Аркит?[131] Естественно, это каламбуры. Паламоу — *pal o'mine*, мой приятель, а Аркит — *arseite*, задничный, любитель всего заднепроходного. Знаешь, Робин, так можно и разувериться в гомосексуализме. С другой стороны, драгоценный мой, все расходы-то мне оплачивают.

— В таком случае, может, счет оплатишь ты?

Он поднес пальцы к губам и послал мне воздушный поцелуй.

— *Kein Problem*[132].

---

[130] Примечания: 130

Гомотопии (*лат.*).

[131] Примечания: 131

Герои пьесы «Два знатных родича». Возможно, написана У. Шекспиром.

[132] Примечания: 132

Без проблем (*нем.*).

— Как там дела у Стэна?

— Что с тобой такое, Робин? Тебя к нему так тянет? У Стэна все прекрасно. Биография Энтуисла почти готова. Последние правки, окончательная проверка фактов, указатели, библиография, благодарности, посвящение — всякая такая ерунда. На хрен Стэна. Кому он на хрен сдался?

— Я про его здоровье спрашивал.

— Лучше не бывает. У него личный тренер. Этот ублюдок стал знаменитостью. На прошлой неделе приходил к Уолли Уочтелу. Повторяю, — тут он громко отрыгнул, впрочем, аккуратно прикрывшись салфеткой, — кому он на хрен сдался?

— А Саския?

— Я уж думал, ты и не спросишь. Она получила предписание суда, запрещающее ему к ней приближаться, храни ее Господь. Слишком уж часто он ее поколачивал.

— Не верю.

— Да? Ну, милый, продолжай витать в облаках. Не забывай, о ком мы разговариваем. Скандал никогда не мешал продажам. Она получила дом в Вестчестере, он завел роман с аспиранткой с Верхнего Вест-Сайда, американская принцесса польского происхождения, в родстве, как поговаривают, с нынешним папой римским. Ад-

вокаты Стэна и Саскии тем временем готовятся к процессу. Что ни случись, биографии Стэна гарантированно *nihil obstat*[133].

— Эспрессо?

Я заказал два эспрессо.

— А ты-то как, Робин? У тебя все хорошо, мальчик мой?

— Благодарю, вполне, вполне, вполне[134], — ответил я.

* * *

Неизбежным образом рассказ Майрона пробудил воспоминания о моей аспирантке, Кейт, не только потому, что она была на той же ступени академической лестницы, но и из-за его истории про разрыв с Генри, про причины разрыва, настоящие или придуманные потом. Генри я помнил вполне отчетливо, хотя видел его всего однажды, под самый конец моей ссылки в Мошолу, когда наш кафедральный поэт (кажется, Чарльз Уигглсворт) устроил в мою честь прощальную вечеринку. Там, разумеется, была и Кейт, но только

---

[133] Примечания: 133
Ничто не препятствует (*лат.*).

[134] Примечания: 134
У. Шекспир, «Гамлет». Акт III, сцена I. Пер. Б. Пастернака.

потому, что ни Чарльз, ни кто другой не знали, что мы расстались. Не знаю, почему она решила прийти. Она быстро перебрала дешевого вина кинулась в объятья того, кто стал моей заменой — будущего драматурга, окрыленного успехом недавней читки его пьесы в одном нью-йоркском экспериментальном театрике, который вскоре закрылся. Я демонстрировал свое равнодушие, болтая с Хоуп Копс, которая принесла на вечеринку свой знаменитый чизкейк. Стэн почти весь вечер вел какие-то тайные переговоры с деканом кафедры.

Генри был обаятельный парень, южанин с врожденной грацией. Он обучался классическому балету, но совсем недавно стал единственным белым, которого приняли в труппу современного танца в Гарлеме. «Что бы вам всем не сходить посмотреть, что мы там делаем?» Каждое его движение было как стихи, каждый жест изящен. Майрон явно был без ума от него. Он ходил за Генри хвостом, не сводил с него глаз. Сидел с ним на диване, гладил его по спине, словно хотел прощупать каждый мускул. Генри морщился и предпринимал бесплодные попытки увернуться. Впрочем, неуклюжесть Майрона я объяснял тем, что он еще не свыкся со своей новой сексуальной

ориентацией, и решил, что они с Генри найдут устраивающую их обоих золотую середину.

Что у нас с Кейт пошло не так? Может, причина была в ее семье. Или в том, что эта семья собой символизировала. Думаю, что-то в этом роде. Через тридцать лет трудно сказать наверняка, трудно не заподозрить, что я просто придумал подходящее объяснение своей глупости. Потому что это была именно что глупость. Наш роман достиг той стадии, когда мы стали подумывать о том, чтобы остаться вместе. Ведь она могла продолжать свои занятия и в Англии, откуда до континента рукой подать. С другой стороны, и я мог попробовать продлить свое пребывание в Мошолу или найти что-то подобное в Нью-Йорке. Мы так и льнули друг к другу. Тучи, которые сгущались над нами по мере того, как приближалась пора расставания, вдруг рассеялись, и на безоблачном небе засияло солнце. Что бы ни было на следующий год, грядущее лето бы собирались провести вместе, «там», то есть тут: мы собирались взять напрокат машину и проехать

от Лендс-Энда[135] до Джон-о-Гроатс[136].

Помню, тем ветреным утром мы были в Сентрал-парке, около статуи короля Ягайло. Кейт спрыгнула с низенького парапета, окружавшего площадку вокруг статуи, в мои распростертые объятья, ноги ее обвивали мои бедра, руки шею, и я сквозь рубашку чувствовал тепло ее тела. Мы прижимались друг к другу, наши языки метались в безумном танце изо рта в рот. Какое это было блаженство — мы были живы, мы были молоды… Рука об руку мы пробежали мимо пруда Тертл и мрачного Бельведерского замка, потом по Западной Сентрал-парк, оттуда на 87-ю, ворвались в квартирку, которую я снимал, на ходу скидывая с себя одежду, повалились на кровать и сначала предались безумной любви, потом любви размеренной, а потом любви неспешной. Это был не сон. Все это было наяву.

— Робин, — шептала она мне на ухо, — мой Робин. — И во мне все трепетало.

Так ли это было? Так я помнил все эти годы. Но, быть может, я чуть подправил свои воспоминания? Когда аллюзии бегут чередой, я склонен

---

[135] Примечания: 135
Мыс на юго-западе Великобритании.

[136] Примечания: 136
Деревня на крайнем севере Шотландии.

сомневаться в своей памяти. Не стоит приукрашивать правду чужим вымыслом.

А воспоминания о моей сексуальной доблести? Бывал ли я когда-нибудь столь энергичен? Теперь, когда силы мои на исходе, да и возможности их проявить редки, мне приятно так думать.

Под колыбельную мою
Усни, мой Робин милый,
Кругом лишь холод и тревога,
и сон — одна подмога[137].

Опять цитата. *Caveat lector!*[138] Я вновь и вновь проигрываю в памяти сцены, такие, как эта с Кейт, словно они сняты на пленку, бобины крутятся, перед внутренним взором мелькают кадры, эпизоды моей жизни *redivivus*[139], они всегда доступны для частного просмотра, и снова веду я счет потерянному мной…[140]

Хватит, бога ради, хватит! Я слышу циничный

---

[137] Примечания: 137
Стихотворение Джорджа Гаскойна (1525–1577) «Колыбельная».

[138] Примечания: 138
Будь бдителен, читатель! (*лат.*)

[139] Примечания: 139
Воскресшие (*лат.*).

[140] Примечания: 140
Цитата из 30 сонета У. Шекспира, пер. С. Маршака.

голос Майрона:

— Шекспир в ход пошел, мальчик мой? Лапуля, дай себе передохнуть.

Как это ни парадоксально, подрывает мою веру законченность моих видений. Я отчетливо представляю, как мы страстно обнимаемся у памятника Ягайло, как бежим по Сентрал-парку, как мы в постели делаем что-то друг с другом и для друг друга. Если перемотать чуть вперед, я даже вижу себя голого на кухне: я открываю бутылку дешевого вина, наливаю эту кислятину в банки, служащие мне винными бокалами, несу их в спальню, где на влажных мятых простынях сидит в полной прострации Кейт и тихо напевает: *«O del mio amato ben»*[141]. Другими словами, я вижу не просто Кейт, которую я безусловно видел и тогда, но и себя, которого я видеть не мог, потому что глаза наблюдателя, запечатлевшие эти воспоминания, были в моей голове, они смотрели наружу и не могли без зеркала увидеть их обладателя. Таким образом пятьдесят процентов воспоминаний, по крайней мере связанных с Кейт, придется счесть недостоверными.

Наступил день, когда она сказала, что на самом

[141] Примечания: 141

«О моя возлюбленная» (*ит.*). Песня итальянского композитора Стефано Донауди (1879–1925).

деле хочет познакомить меня со своей «родней». Ей не терпелось мной похвастаться, особенно перед Би и Анжелой, ее кузинами, по мнению которых «синие чулки» — всего лишь неудачницы, не выигравшие приза в соревнованиях за постоянные отношения. Мы должны были выехать в Скарсдейл, «фамильное гнездо» — Господи помилуй, фамильное гнездо! — в субботу утром, чтобы успеть к ланчу. Там мне предстояло познакомиться с ее родителями, которые, не сомневалась она, приведут меня в восторг, и с ее младшим братишкой Родни: он заканчивал второй курс в Брауне, но на уикенд как раз собирался домой. Ах, да, и конечно же, я увижусь с Лулой, она у них с незапамятных времен и практически вырастила ее и Родни. Встреча с самым близким кругом, уверяла она, будет безболезненной и даже, готова была поклясться она, приятной. В воскресенье настала очередь мамы с папой принимать на ежегодном сборе всех родственников, Пакстонов и почти Пакстонов из дальних и ближних весей. Мне предстояло повстречать всех-всех-всех. Главным событием были ужин и танцы в «Вестчестер Поло» и «Ракет-клубе», море веселья. Есть ли у меня здесь, в Штатах, летний смокинг? Ничего страшного. Времени еще полно, можно

взять напрокат. Я там буду самым симпатичным пингвином.

Эту Кейт я узнавал с трудом. Но поскольку я был ей зачарован, а ее глаза сияли предвкушением счастья, я поспешно и в недобрый час согласился.

Прошли десятки лет с тех пор, как я видел Скарсдейл и окрестности, десятки лет, как я последний раз видел Кейт. После нашего разрыва она, как я позже знал, получив магистерскую степень, оставила научную карьеру и переехала сначала в Венис, в Калифорнию, где она открыла на Броадуоке кафе с «домашним мороженым», «Джелато мио», а в конце шестидесятых, став верным адептом зороастрийской секты «свободной любви», перебралась в пустыню Мохаве. И что ей было до битвы при Маренго, а?

Ну вот. Остаточная горечь, причем с привкусом самообвинения, еще присутствует, причем после стольких лет. Но что там было такого в том уикенде, который я счел непереносимым? Ее родственники встретили меня довольно тепло, несмотря на то, что я явно был не тем, кого бы выбрали ее родители. Однако, хоть я и не принадлежал к американской знати, будучи сыном леди Смит-Дермотт, я мог предложить взамен нечто

схожее британское. Они были, по сути, идеальной американской семьей предыдущего десятилетия, пятидесятых: белые англосаксонские протестанты, приятной наружности, богатые. Родители любили друг друга и, разумеется, своих детей; дети, мальчик и девочка, оба идеальные, любили и уважали родителей. И за всеми ними присматривала Лулу, преданная прислуга: чернокожая, пышнотелая, теплая и преданная. Всего у них было в достатке.

Они словно были сделаны на голливудском конвейере конца эпохи Бинга Кросби и «Белого Рождества»[142], и их снова пригласили на главные роли, которые они знали наизусть. Не было никаких отвратительных проблем, ни внутри семьи, ни в большом американском мире снаружи. Ни намека на бедность, расизм, на тлеющие разногласия, которые уже начинали раздирать общество. В тот уикенд над их домом в прямом и переносном смысле сияло солнце.

Конечно, теперь я понимаю, подозреваю, понимал и тогда, что их совместная жизнь была самовнушенной иллюзией, которую все они поддерживали, разноцветным мыльным пузырем,

[142] Примечания: 142

Музыкально-романтический фильм 1954 года, в главной роли — Бинг Кросби.

надутым успокаивающей ложью и осознанным неведением. Однако, чтобы он не лопнул, они должны были собираться вместе. Каждый по отдельности наверняка страдал, наверняка терзался теми же сомнениями, теми же страхами, от которых просыпаешься посреди ночи, что и любой из нас. Никто из них не осмеливался проколоть пузырь иллюзии — ведь могла лопнуть семья, и, должно быть, требовались сосредоточенные усилия, чтобы держать его надутым. А если бы вдруг мама призналась, как ей скучно в постели, как она мастурбирует, как в фантазиях ее насилует мускулистый незнакомец в маске? Что, если бы папа признался, что присваивает понемногу деньги своих доверчивых клиентов? А если бы родители несовершеннолетней девицы, на аборт которой братец Родни вынужден был снять все деньги со своего банковского счета, решили обратиться в полицию? Разумеется, все эти примеры я сочинил. Мне ничего неизвестно про темные уголки в жизни этой семьи. Я просто уверен, что такие темные уголки имеются.

Кейт начала репетировать свою роль уже по дороге в Вестчестер. В своем возбужденном, почти безумном монологе она превращалась из страстной возлюбленной и циничной аспирантки в

почтительную дочь и исключительно заботливую старшую сестру.

— Мама могла все организовать одной левой. Наверное, уже организовала. Но я бы так хотела, если бы она позволила, ей помочь. Впрочем, у меня и близко нет ее талантов.

— А разве секретарь клуба или кто там заведует подобными мероприятиями, не делает все необходимое?

— Робин, ты такой *naïf*[143], — снисходительно рассмеялась она. — Нужно же утвердить меню, решить, кто с кем сидит. А цветы, а оркестр, а — ведь надо упомянуть всех Пакстонов, кто скончался за прошедший год. Кто будет его зачитывать? Кто будет говорить тосты в честь Пакстонов? «В память Джона и Эбигейл Пакстонов, которые пересекли Атлантику на „Тодспиде“ в 1692 году и за их ныне живущих потомков, собравшихся… и так далее». И еще куча всего!

— Да, конечно, я должен был догадаться.

— Роду тут повезло, во всяком случае, с точки зрения нашей семьи. Он мне звонил вчера вечером. Отличные новости! Он вытянул такой номер в лотерее для призывников, который прак-

---

[143] Примечания: 143
Наивный (*фр.*).

тически гарантирует, что в армию он не пойдет. Род, конечно, предпочел бы послужить. Но я как сестра радуюсь, что ему ничего не грозит.

— Разумеется.

— Из него наверняка вышел бы отличный офицер. Он прекрасно смотрелся бы в форме, он такой красавец, и он действительно заботился бы о подчиненных. Он говорит, жаль, что так вышло, но глупо спорить с судьбой. Если бы страна его призвала, он почел бы это за честь.

— Разумеется.

Моя милая Кейт исчезла почти окончательно.

После ланча она потащила меня на чердак, где мне были продемонстрированы всевозможные реликвии Пакстонов: фотографии, школьные табели, колыбель, в которой сначала лежала Кейт, а затем Родни, погремушка, едкие наблюдения мадам Труайе, которая учила французскому маленькую Кейт, санки, сундук, в котором хранились форма дедушки Пакстона и разнообразные сокровища с Первой мировой, детские коньки, модели аэропланов, склеенные Родни, мамино подвенечное платье и так далее.

После ланча мама предложила, чтобы Кейт покатала меня по округе, дала мне почувствовать, какова она, здешняя Америка. Папа же полагал,

что мне захочется поиграть с ним и Родни в гольф, показать, на что я способен. Но мама и Кейт победили, уверив папу, что у меня еще будет время показать, на что способен англичанин. Мы проехались по окрестностям. Кейт показала мне приготовительную школу, где впервые проявились ее таланты, кафе-мороженое, куда водил ее первый прыщавый кавалер, городскую библиотеку, где миссис Бриан приобщила ее к французской истории, бейсбольное поле «Маленькой лиги», где демонстрировал свое мастерство Родни. Я достиг нового для меня уровня скуки.

Той ночью Кейт пришла ко мне в комнату. В доме везде были кондиционеры, но на ней была байковая ночная рубашка, которую одобрил бы сам Коттон Мазер[144]. Меня это возбудило, для меня это было призывом нарушить запрет. Мне безумно хотелось ее трахнуть. Особенно под этой крышей — просто необходимо было впрыснуть в нее свою бурлящую сперму. Она нагнулась меня поцеловать, я сунул руку под ее ночнушку, ухватил за лобок. Лучше мне от этого не стало. Она отпрянула.

— Не здесь, дорогой! — сказала она. — Наберись

[144] Примечания: 144

Коттон Мазер (1663–1728) — американский пуританский проповедник, религиозный моралист.

терпения. Скоро мы вернемся в Нью-Йорк.

Это уж точно.

Я не представлял, как выдержать встречу с еще сотнями Пакстонов в воскресенье вечером. Чтоб им пусто было. Я и так был ошарашен. Честно признаться, я даже задыхался. Меня охватила паника. Мне казалось, что я утону в океане Пакстонов, утону с концами, или же они поглотят меня, и ни следа от меня самого не останется. Я никому не сказал ни слова, в том числе Кейт, просто сбежал как трус, уехал назад в Нью-Йорк.

В моей жизни никогда не было родного дома. Была череда домов, куда я переезжал вслед за матерью, отправлявшейся от мужа к любовнику, от любовника к мужу, череда почтовых адресов, настолько же не связанных со мной лично, как, скажем, дортуар в Кронин-Холле или комнатенка, которую я студентом снимал в Лидсе. Вследствие чего не было никакого чердака с семейными реликвиями. Чердак был только у меня в голове, где объекты, рассованные по углам, собирали пыль или ветшали с течением времени. В Скарсдейле я понял, что предпочитаю жить так, как живу. Пакстоны отбили мне всю охоту.

Конечно, будь я хоть чуточку более зрелым, я бы понял, что настоящая Кейт — это не Кейт из

Вестчестера и что я мог бы помочь ей окончательно стать другой.

Из всех печальных слов[145] и так далее…

Я уже рассказал вам, что было с Кейт дальше. Родни пошел в «Храм народов»[146] и погиб в Гайане. Их родители развелись, мать открыла в Скарсдейле клинику для женщин — жертв насилия, отец сменил Вестчестер на Марбелью[147] и фелляцию, каковую благодаря экстратерриториальности с радостью делал ему нью-йоркский гендиректор. Что до Лулы, то она вернулась в Гарлем и открыла на 125-й улице магазин с литературой по проблемам афроамериканцев. А я, что ж, я, разумеется, вернулся в Англию, один.

Тогда еще в моей жизни не было никакой Саскии. Но мне уже было понятно, что удовлетворить меня могут только гедонистические отношения без обязательств и без серьезной привязанности, которые могла предоставить прекрасная и тогда

---

[145] Примечания: 145

Отсылка к строкам стихотворения Джона Гринлифа Уиттьера «Мод Мюллер»: «Из всех печальных слов печальнее всего слова „Могло бы быть“».

[146] Примечания: 146

«Храм народов» — тоталитарная секта, возникшая в 1955 году. В 1978 году 918 ее членов погибли в Гайане, совершив «революционное самоубийство».

[147] Примечания: 147

Видимо, речь идет о городе в Коста-Рике.

еще невообразимая, но вполне вероятная Саския.

* * *

При первой же возможности я связался с Тимоти. Международная ассоциация литературных агентов, если бы таковая существовала, непременно предоставила бы ему все пикантные подробности краха Копса. Я хотел знать все сплетни. Стэн, герой порнопритона, знаменитый ученый, готовивший биографию члена Королевской академии Сирила Энтуисла, избивал жену! На продажах это, увы, могло сказаться только положительно. Меня раздирало желание узнать как можно больше.

Тимоти утверждал, что не знает ничего. Его агентство процветает благодаря тому, что занимается делом, а не сплетнями. Он обещал перезвонить. И выразил надежду, что спрашиваю я не из банального любопытства.

Я уверил его, что давно знаю и Стэна, и его жену Саскию, что мое беспокойство искренне, он «мой старинный близкий друг», и я не расспрашиваю их напрямую исключительно из деликатности.

Он ответил, что попытается навести справки.

То, что узнал Тимоти, противоречило рассказу Майрона. Да, у них были разногласия в семей-

ной жизни, да, они на время разъехались, но это Саския напала на Стэна, это она поставила ему синяк под глаз, Саския била его по яйцам, Саския отвезла его в отделение скорой помощи Вестчестерской пресвитерианской больницы.

— Бедняга еще не оправился от пулевого ранения.

— Ни черта себе!

— Но это все предположительно, — аккуратно добавил Тимоти.

— Думаете, не то что они заигрались в сексуальные игры?

— В их-то возрасте? Робин, что за гадости!

До чего же жестоки даже те, кто не так уж и молод.

— Но теперь они снова вместе?

— Так мне сказали. Совсем как Гейбл и Ломбард[148]. —Тимоти был членом Клуба любителей старого кино, казначеем отделения в Парсонс-Грин.

— Ну, если что-то еще узнаете…

Но информация от Тимоти вряд ли была достовернее той, что предоставил Майрон.

---

[148] Примечания: 148

Американские актеры Кларк Гейбл (1901–1960) и Кэрол Ломбард (1908–1942) были женаты.

* * *

На выходные я отправился в Дибблетуайт. Сирил позвонил, попросил срочно приехать. Сказал, что хочет мне что-то показать.

— И не расспрашивай, что именно, пащенок. Просто приезжай. Клер обещает испечь тебе пирог с крыжовником.

И он повесил трубку.

На самом деле пирог был яблочный, Клер вообще ничего не обещала, да и для крыжовника был не сезон, но ее яблочный пирог достоин всяческих похвал: тесто рассыпчатое, сладкое, но чуточку подсоленное, начинка из яблок с тростниковым сахаром нежнейшая. Я взял второй кусок, ничуть не меньше первого.

У Сирила же аппетита не было. Ел он мало, к яблочному пирогу даже не притронулся. Мне показалось, что он немного похудел, в глазах не было обычного блеска. Но мы с ним перед едой выпили чуть больше нужного «Макточиса», а затем Сирил прикончил одну бутылку «Папы Клемента» 2001 года, а мы с Клер на двоих — вторую.

— Сирил, ты на диете?

— У нашего старичка высокий холестерин, — сказала Клер и погладила его мозолистую руку. —

Высокое давление, *qui sait quoi*[149]? Сам знаешь, лет ему сколько. Но мы, парочка стариков, держимся, пусть и не так молоды, как ты. — Она просительно улыбнулась.

Клер, естественно, намного моложе меня.

Сирил нахмурился, проворчал:

— Да хрен с ним со всем. Ем, что хочу. Просто не голоден.

Клер, многозначительно вскинув брови и вытянув губы трубочкой, дала мне понять, что здоровье Сирила мы обсудим потом, не в его присутствии.

На следующее утро, после завтрака, Сирил повел меня в один из сараев, где он хранил свои холсты. Прохладный воздух, носившийся над оврагами и ручьями, холмами и болотами, был напоен ароматами вереска и пушицы, полевых цветов, здоровья; благодаря ему тупо нывшая голова прошла. Я больше уже не мог после вечера с виски и вином на следующий день встать как ни в чем не бывало. Мы прошли по двору, заставленному причудливыми скульптурами, Сирил понаделал их много лет назад, приваривая друг к другу куски старых железяк. Низко в небе,

---

[149] Примечания: 149
Кто что знает (*фр.*).

почти над горизонтом собирались тучки. Ястреб, паривший над нашими головами, вдруг кинулся вниз, на каменистый склон, и тут же снова взмыл вверх, держа в когтях какую-то извивающуюся тварь, наверное, ужа.

Помню, когда-то этот сарай запирался обычным замком на цепочке. Это было во времена мамули, когда на дверях мелом были нарисованы воротца и Сирил играл со мной в крикет. Теперь все было по-другому. От сарая осталась лишь внешняя оболочка, а внутри было утепленное помещение без окон, где поддерживались постоянные температура и влажность. Вместо дверей теперь была одна стальная створка, отъезжавшая на роликах по команде с пульта, который Сирил вынул из кармана своего вельветового пиджака. Это могла быть сцена из «Бондианы», если бы только Кью[150] (разумеется, не 007) не забыл код.

— День рождения мамули, — сказал он. — Господи, я забыл дату.

— С чего бы это?

— Я тебе уже говорил, она была лучшей из всех. Я так вспоминаю ее, нашу жизнь вместе, все такое.

---

[150] Примечания: 150

Персонаж фильмов о Джеймсе Бонде, глава исследовательского центра Британской секретной службы.

Я подсказал ему дату ее рождения, он дрожащими пальцами набрал цифры на пульте. Дверь с рычанием и лаем отъехала в сторону — точь-в-точь как злобный сторожевой пес.

— Не пугайся, это такая хитрость — звук записан.

И действительно, как только он зажег свет, все стихло.

Помещение было все белое, ярко освещенное. Слева и справа отсеки в два яруса, каждое для одного холста на подрамнике. На стене перед нами висел портрет, ради которого Сирил и вызвал меня в Дибблетуайт. Портрет Полли Копс. Почти такой же, как тот, что я видел в Коннектикуте, в доме брата Стэна — Джерома, супруга модели. Отличие одно: на Полли не было ничего, кроме нитки жемчуга. И книга на коленях не лежала. Но фон, направление света, мягкость тонов, поза, выражение отстраненного безразличия на лице — все было то же самое. Однако эта картина явно рассчитывала на эротический отклик зрителя. Невозможно было не почувствовать пульсацию желания, которое усугублялось не только тем, что ты с горечью осознавал безразличие модели, но и знал, что она давно мертва.

— Вот ты сморишь на нее, и что ты видишь?

Аристократку, да? Даже голая она окутана аурой этой чертовой *noblesse*[151]. Слишком хороша для нас, прочих. — Сирил подошел к картине, уставился на кустистый лобок, сложил губы как для поцелуя и осторожно подул на пушинку, которая, взмыв в воздух, ровно на лобок и опустилась. Он усмехнулся. — Небось, тебе было интересно, чем я тут занимаюсь? Размышлял о Пигмалионе и Галатее? А я и подумал, что тебе захочется посмотреть на нее, раз уж ты повидал другую.

Метрах в четырех от портрета стояла мягкая банкетка. Сирил сел и жестом пригласил меня к нему присоединиться. Мы, два старика (один постарше и не столь проворный, как другой), в безмолвном восхищении смотрели на восхитительную обнаженную маху Сирила. Я подумал, что готов все отдать, чтобы обладать ей.

— Джером Копс это видел? А Стэн?

— Вот уж вряд ли!

Мы еще некоторое время молча глядели на картину.

— Знаешь, она непрерывно жевала жвачку, с удовольствием показывала, как она мотается у нее во рту. Голос у нее высокий, пронзительный,

---

[151] Примечания: 151
Аристократичность (*фр.*).

на слух, во всяком случае на мой слух, неприятный. И нью-йоркский выговор, то ли Бруклин, то ли Бронкс. Знаешь, как в кино: «эдти», «дте», «ндак». Может, у нее в голове и мелькали какие-то собственные мысли, но я этому подтверждений не нашел. — Сирил медленно покачал головой — он все еще пребывал в изумленном восхищении ей.

Он рассказал мне, что у ее родителей был ларек с хот-догами на одном из нью-йоркских бейсбольных стадионов, Джером Копс был то ли его совладельцем, то ли инвестором, то ли еще кем, может, юристом. Так Полли с Джеромом и познакомились.

— Кстати, звали ее не Полли. Бернис или Бернес Банс или Понс, что-то в этом роде. Ей было тогда всего пятнадцать, и местные ее уже хорошо знали. Она вышла за него в семнадцать, родители, небось, рады были ее сбыть с рук, тем более человек попался богатый, хоть и еврей.

В рассказ Сирила начали потихоньку проникать его излюбленные и больные темы. Я смотрел то на него, то на картину, то на него, то на картину. Он крутил в руках пульт, держал на вытянутой, дрожавшей руке, щурился, словно целился, готовясь выпустить всю обойму.

— Сирил, это все правда? — спросил я.

— Все? Не понимаю, что ты называешь «всем»[152]. — Он опять строил из себя Фальстафа, значит, нужно быть настороже. — Я могу свидетельствовать только о том, что видел и слышал. И что делал. Насчет этого слово мое тебе порукой. — Он развернулся и целился уже в меня, но потом опустил руку и хитро улыбнулся. — С чего мне врать? Все есть в моем гребаном дневнике. Если хочешь, можем посмотреть, проверить. А что до остального, так это она мне рассказывала. Ты волен, как был волен я, верить ей или не верить.

— В твоем гребаном дневнике?

— Ой, Робин, молодец! Да, и что такого? Как список Лепорелло. А мне и правда нравится, черт побери! «Мой гребаный дневник». Да, моим учебником был «Вальтер». «Моя тайная жизнь»[153], все, на хрен, одиннадцать томов. В моей юности эта книга считалась крайне откровенной. У нашего старшего воспитателя мистера Куинтуса Т. С. Фэншоу, магистра искусств, выпускника

---

[152] Примечания: 152

Отсылка к реплике Фальстафа в пьесе У. Шекспира «Генрих IV». Часть первая. Акт II, сцена 4.

[153] Примечания: 153

Сочинение в одиннадцати томах «Моя тайная жизнь», описывающее сексуальную жизнь мужчины викторианской эпохи, вышло в свет конце XIX века. Автор скрывался за псевдонимом «Вальтер».

Кембриджа, по кличке Коитус, она имелась. Он приглашал избранных счастливчиков к себе в комнаты на чай с тостами и зачитывал им по несколько страниц из «Жизни». Коитус часто говорил, что верит: его мальчики смогут лучше противостоять многообразным искушениям плоти, если будут знать, что именно это за искушения. А в твое время Фэншоу еще там работал?

— Ты рассказывал мне о Полли Копс.

— Я звал ее Поликарпом, в память о священномученике епископе Смирнском. Он горел христианским рвением, за что и был сожжен заживо. В Полли Копс никогда не стихало пламя похоти. Она была единственной настоящей нимфоманкой, которую я знал. Когда у нее свербело, она это чесала. Ей было все равно чем — пальцами, камберлендской колбаской, мужским членом, если оказывался под рукой.

— Поликарп? Ты говорил, что звал ее Полип-в-попе.

— Говорил, да? Может, и звал.

— Так как же именно?

Он покачал головой, давая понять, что устал от моих придирок.

— Пока я писал вот это, — он показал большим пальцем на портрет, — вымотанный тем, что

обслуживал ее с вечера до утра, она однажды на дневном сеансе ублажила себя ручкой моей десятисантиметровой кисти. Ее излюбленным дилдо была бутылка шампанского, «Кристал» Луи Лодерера, неважно какого года. И у ее изголовья всегда стояла такая, даже в Англии, даже в Дибблетуайте. Ей было плевать, где она и с кем она, если вдруг накатывало желание, она тут же его удовлетворяла и совершенно не старалась этого скрыть.

Мой английский хрен ей нравился больше американской сосиски Джерома, но это было дело вкуса — да, эта тупая сучка так и сказала, она не могла уловить *double entendre*[154], даже когда он хватал ее за причинное место. Размер значения почти не имел. Главное, чтобы член стоял, важны были первые десять сантиметров. Остальное — только для вида. Да к тому же ни один мужчина не мог удовлетворить ее так, как бутылка «Кристал» Луи Лодерера.

Робин, ты писатель. Можешь, наверное, вообразить, в какую жопу превратилась жизнь Джерома. Светскую жизнь пришлось свести на нет. Простой ужин с родственниками, с гордящи-

---

[154] Примечания: 154
Двойной смысл (*фр.*).

мися им родителями, с братом Стэном и Хоуп, со старыми друзьями, университетскими приятелями, деловыми знакомыми, с новым партнером фирмы и с женой нового партнера — все это в мгновение ока могло превратиться в кошмар. Однажды она взяла левую руку нового партнера, который сидел справа от нее, сунула ее под стол и из-за ножки стола себе во влагалище. Бедный придурок не знал, что делать, хотя ничего сложного от него не требовалось. Джером обращался к специалистам — сексологам, психиатрам, всевозможным врачам, сторонникам холистической медицины, диетологам, искал помощи во всех здравых и почти здравых лечебных практиках. Полли на все это соглашалась, безропотно ходила от одного лекаря к другому. Со сколькими из них она перепихнулась, неизвестно. Джером узнал, что почти наверняка в детстве она стала жертвой сексуальных домогательств, возможно, виновником был ее отец, и если покопаться в ее прошлом, это может помочь; он узнал также, что ей могут помочь лоботомия или клиторидэктомия, узнал, что ей следует сократить употребление шоколада и увеличить прием марганца, бора и ванадия. Одним словом, ни хрена он не узнал.

— Думаешь, Стэн с ней тоже трахался? — спро-

сил я исключительно из злобного любопытства. И вообще, откуда Сирилу было знать ответ?

— Этот старый хрен? Наверняка. Она пользовалась всем, что попадалось под руку, особенно с тех пор, как Джером ослабел. Во всяком случае, так она рассказывала о Джероме. Слушай, она наверняка должна была подкатиться к Стэну, а отказать ей было трудно.

Везунчик этот Стэн. Черствость Саскии по отношению к покойной Полли стала теперь понятнее. Знала ли Хоуп о том, что происходило? Простила ли она тогда Стэна потому, что знала, как он презирает брата, и поэтому сочла его неверность всего лишь местью? Или потому, что готова была стерпеть что угодно, лишь бы не потерять мужа? Или потому, что научилась не видеть того, что может ее расстроить?

— Это место меня переживет и Клер тоже переживет. — Сирил обвел рукой вокруг, имея в виду не только сарай, в котором мы сидели, но и дом, остальные постройки и земли. — Фамильное древо засыхает. На мне все заканчивается. Когда она отдаст концы, все это отойдет государству. Здесь будет что-то вроде музея, ну, посвященное моей жизни и творчеству. Йоркшир меня воспитал, он меня и сохранит. Похоже, это лучшее, что можно

сделать. Как считаешь, Робин?

— По-моему, блестящая идея, хотя предаваться таким мрачным мыслям еще рано. Ты на себя посмотри, старичок-бодрячок, тебе еще жить и жить.

— Думаешь?

Вообще-то я был потрясен тем, как он постарел и одряхлел, словно на него вдруг навалились годы. Ему, как его любимому Фальстафу, пришлось склониться перед обвинениями Верховного судьи. «Разве у вас не слезятся глаза, не высохли руки, не побелела борода, не желтеют щеки? Подбородок у вас двойной, а смысла стало вдвое меньше»[155].

— Ну-ну, давай без сантиментов. Впрочем, я подумал, может, ты захочешь эту картину, с обнаженной Полли. В конце концов, парочку Копсов ты знаешь. И ты ради меня потащился в Коннектикут.

И тут я сказал самую большую глупость за всю мою жизнь:

— Сирил, как я могу? Она, наверное, стоит целое состояние.

Эти слова просто вырвались из меня — вот она,

---

[155] Примечания: 155

У. Шекспир. «Генрих IV». Часть вторая. Акт III, сцена 2. Пер. Б. Пастернака.

врожденная вежливость. Я уже представил себе портрет над камином в Болтон-Гардене, себя рядом с ним. «Да, это Энтуисл. Я знаю кое-кого из главных действующих лиц, История преинтереснейшая». Наверное, я рассчитывал на такую же вежливость со стороны Сирила. «Разумеется, можешь, старичок. Мне будет только приятно». Но получил в ответ совсем другое.

Сирил встал и показал на стальную дверь за моей спиной. Показ был окончен. Он кинул на меня проницательный взгляд.

— Пожалуй, ты прав. Это была бы хрен знает какая экстравагантность. Но ты не волнуйся, я тебе что-нибудь отпишу, если, конечно, успею до прихода тупого конвойного[156].

Мысленно я заорал во весь голос.

— Робин, ну как он тебе?

Вопрос был задан вроде бы вскользь, но чувствовалось, как Клер нервничает. Я сидел за кухонным столом, передо мной были огромный кусок вчерашнего яблочного пирога и чашка с дымящимся чаем. Клер стояла лицом ко мне, спиной к раковине, обнимала себя обеими ру-

[156] Примечания: 156

Отсылка к фразе «Но смерть — тупой конвойный». У. Шекспир, «Гамлет». Акт V, сцена 2. Пер. Б. Пастернака.

ками — словно пытаясь согреться, и все время поглядывала в окно, на мастерскую, в которую удалился Сирил. («Не могу я шататься без дела, — проворчал Сирил. — С вами, бездельниками, Англия не выстоит». И он удалился, бурча что-то себе под нос.)

— Как всегда, грубит. Хорошо, что он все еще работает. Чем он сейчас занят?

Она пропустила мой вопрос мимо ушей.

— Ты же видел, какой у него тремор.

— Да, но я думал, что в его возрасте…

— В его возрасте? Дело вовсе не в этом. Ты знаешь его почти всю свою жизнь. Когда он выглядел таким грустным? И дело не только в том, что он грустный, не все же время. *Mon dieu*[157], Робин! У него лицо становится мраморное, глаза как будто лаком покрыты. Неужели ты этого не заметил?

Оглянувшись, я понял, что перемены в нем я заметил, просто не зафиксировал на них внимание. И все равно, эти перемены были не столь резкими, чтобы впадать в такую панику. Осмелюсь предположить, что человек, который видит Сирила впервые, и не понял бы, что что-то не так.

— Как давно это продолжается?

---

[157] Примечания: 157
Бог мой (*фр.*).

— Кто его знает… Не очень давно. Я сама стала это замечать только несколько месяцев назад, и ухудшалось по чуть-чуть. Вот уже две недели я помогаю ему застегивать рубашку. — Я увидел, что глаза у нее красные. Она вытерла подступившие слезы рукой.

— Паркинсон?

— Да, Паркинсон, что еще? Я это знаю. Он это знает. Но старый дурак не желает этого признавать. Он считает, что, если не будет обращать на это внимания, оно само тихонько исчезнет, как нежеланный, но воспитанный гость. Я его убить готова! — Она немного истерично рассмеялась — над абсурдностью ей же сказанного. — Он отказывается идти к врачу. Говорит, что с врачами он завязал. «Пошли они все на хрен, — говорит. — Пусть мать-природа возьмет свое, — говорит, но это же мой Сирил, *ma bête brute, mon blageur*[158], и он добавляет ни с того ни с сего: „Дух мой бодр“». И неважно, что от этого есть лекарства. Нет, пусть все идут на хрен. — И она сдавленно всхлипнула.

— Я посоветуюсь со своим врачом, а потом переговорю с Сирилом. А ты, Клер, постарайся не волноваться. Возможно, все не так плохо, как

---

[158] Примечания: 158
Мой дикий зверь, мой враль (*фр.*}.

тебе кажется. Обещаю, я сделаю все, что смогу.

По ее презрительному взгляду было ясно: она во мне разочарована. Пустые слова она могла отличить.

— По крайней мере он теперь понял, что не будет жить вечно. Он задумался о своем наследии. И у него на уме одна работа, завершающая, *son coup de maître*[159]. Он ее называет «Четыре последние вещи». Точно знает, что хочет делать. Говорит со мной об этом днем и ночью. Пока что он может держать кисть, дрожь проходит, когда он сосредотачивается, даже если он просто хочет взять стакан с водой. Но долго ли он так продержится? Никто этого не знает. Поэтому так важно, чтобы этот его биограф, Копс, изложил историю его жизни правильно. Сирила — кто бы мог подумать — начинает тревожить, каким он предстанет в глазах потомков.

— Но его работы — это и есть его наследие. Господи, да он же величайший из ныне живущих художников, и он это знает. Никто не ставит под сомнение его место в пантеоне.

— У него безумные идеи насчет того, что его жизнь тоже должна стать произведением искус-

---

[159] Примечания: 159
Его шедевр (*фр.*).

ства. Похоже, он считает, что «Четыре последние вещи» соединят его жизнь и творчество в то, что он называет «цельнокроенным одеянием», «Высшей правдой». А вдруг он не сможет рисовать? Так что этот идиот Копс держит сердце Сирила в своих руках.

— Есть лекарства от его болезни. Вдруг они помогут? В худшем случае они просто замедлят развитие болезни.

— Ну да, — с горечью сказала она, — лекарства. Л-допа, синемет, атамет и прочие, каждый день появляются новые. Но сначала нужно к врачу. Без врача и лекарств не будет. *Bêtise!*[160] Дурак! — Она посмотрела в окно. — Ну, все, он идет. Господи, он же еле плетется!

---

[160] Примечания: 160
Глупость (*фр.*).

5

— Я слышал, вы со Стэном немного повздорили. Как приятно узнать, что вы двое снова — команда.

Демонстрация вежливого участия, скрывающая откровенную фальшь.

— Что ты такое несешь?

— Ходят слухи, что Стэн был с тобой грубоват. Синяк вот, после которого вы ненадолго разъехались. Слухи, знаешь ли.

— Слухи ложные. — Саския взяла бокал и одним жадным глотком выпила сто граммов великолепного «Пуанкаре-Каде» 1999 года. А затем уставилась на меня, вертя в пальцах бокал.

Мы сидели за ланчем в ресторане «Адмиралти» в Сомерсет-хаусе. Они со Стэном приехали в Англию, чтобы кое-где свести концы с концами в его биографии Энтуисла. Стэн в тот день отправился в Йоркшир, полный решимости получить от Сирила правдивые ответы на кое-какие вопросы; Саския пригласила меня, рассчитывая выдоить информацию о годах, которые провела с Великим Человеком мамуля.

— Ходят и другие слухи, — осторожно продолжил я. — По ним выходит, что над супругом издеваешься ты. Ты его бьешь и выгоняешь из дома, а он попадает в заботливые руки аспирантки.

Она в очевидном изумлении широко открыла рот, а затем нахально усмехнулась.

— Вот такие слухи мне нравятся, разве что кроме пассажа про аспирантку. Я его бью! Вот это да!

— Надеюсь, и без слов понятно, что я ничему этому не верю. Но я счел своим долгом рассказать, что о вас говорят.

— Да-да, конечно.

— Поначалу я подозревал, что издатели Стэна, здешние или американские, подкидывают эти истории перед выходом книги в свет. Однако мои шпионы уверяют, что это не так. Но дым пусть не от огня, но откуда-то идет. Так как было дело?

Она отставила бокал и наблюдала за официантом, который с нежностью наполнил его вновь.

— Попробуй пить маленькими глотками, — сказал я. — Смотри, вот так. — Я отпил немножко из своего бокала, покатал вино по языку и только потом проглотил. — Великолепно.

— Все-таки ты говно, Робин. Не просто говно, а

напыщенное говно, настоящий засранец.

— Смешанную метафору опускаем, но вино все-таки попробуй глоточками.

— Пошел ты!

— Так что на самом деле произошло у вас со Стэном?

Мой интерес, само собой, не был праздным. Я надеялся отвоевать ее.

— Ты что, правда думаешь, я тебе расскажу? Мы пара со Стэном, пара. Ты хоть догадываешься, что это такое? Зачем мне выкладывать подробности нашей личной жизни тебе? Это называется предательство.

У меня хватило такта не напоминать ей, как она предала Стэна двадцать с лишним лет назад, как минимум с обворожительным дипломатом из Ганы и, как я мог лично засвидетельствовать, со мной. Память, говори, как сказал Набоков.

— Однако ты рассчитываешь, что я «предам» свою мать. Ты хочешь, чтобы я рассказал *gratis*[161], исключительно ради Стэна, об интимных подробностях самой страстной и самой важной любовной истории в жизни моей матери.

---

[161] Примечания: 161
Бесплатно, даром (*лат.*).

Саския поковырялась в своем *Salade Niçoise à Amiral*[162]. Я попал в точку. А может, работа Стэна важнее, чем брезгливость в вопросах супружеской верности.

— Дай мне подумать, хорошо?

Она думала весь ланч, в том числе и за финальной частью, для которой она выбрала *Clafoutis aus Figues*[163].

Саския в позднем (можно сказать, очень позднем) среднем возрасте стала набирать вес, особенно в области бедер. Теперь она сидела, судя по всему, весьма удобно, на очень широкой заднице.

— Ну ладно, — сказала она. — *Quid pro quo?*[164]

— Сначала ты.

Она шла на дневной спектакль в Национальный театр. Мы быстро прошли Стрэнд, завернули за угол и по мосту Ватерлоо перешли на Южный берег. День был ясный, почти безоблачный, но на мосту ветер дул так, что у нас глаза заслезились. Саския запыхалась и хотела остановиться

---

[162] Примечания: 162
Салат «Нисуаз» по-адмиральски (*фр.*).

[163] Примечания: 163
Клафути с инжиром (*фр.*).

[164] Примечания: 164
То за это, услуга за услугу (*лат.*).

— якобы чтобы полюбоваться видом. Бурные воды Темзы казались оливково-зелеными, чайки метались то вниз, то вверх, преследуя катера и туристические пароходики. На той стороне реки, за нами, за Вестминстерским мостом отливало золотом псевдоготическое здание парламента, перед нами сиял на солнце купол собора Святого Павла, белоснежный, серый по краям, как будто с черными подтеками. Новый мост Миллениум серебряным ножом резал воду.

— Здесь было бы чудесно жить, если бы не британцы, — сказала Саския.

— Расскажи наконец, что случилось.

— Случилось вот что: Стэн застал меня и Джерома при, как выразились бы юристы, «компрометирующих обстоятельствах».

Мне вспомнилась ночь в Коннектикуте, когда нос мой учуял аромат духов Саскии, донесшийся, когда закрывалась дверь в спальню Джерома. И я почувствовал знакомый укол ревности.

— Ты должен понять. Пуля, прошедшая насквозь, покалечила не только тело Стэна, его либидо тоже потерпело урон. Не то что у него не встает, ему совершенно все равно, встал или нет. Секс его больше не интересует. А мои желания, это ему как жужжание комара в ухо — раздража-

ет и мешает спать. У нас с Джеромом одинаковые потребности — физические, не эмоциональные. Мы просто их удовлетворяли.

— И Стэн застукал вас?

— Как ты удивительно владеешь словом, Робин. Впрочем, ты же как-никак писатель.

Я пропустил ее сарказм мимо ушей. Мы спустились по ступеням с моста и пошли по набережной.

— И что было?

— Стэн был первым выступающим на панельной дискуссии в Университете Хьюстона — биографы собрались обсудить трудности своей профессии. Из Хьюстона он должен был уехать в четверг утром, а уехал в среду днем. «Я дома», — сообщил он, войдя в спальню с букетом цветов. Джером был сверху. Даже не думала, что член может настолько быстро опасть. Господи, я хотела только одного: чтобы он закончил то, что начал, пусть и при Стэне. Поверь, мне оставалось совсем чуть-чуть.

— Мой источник сообщил, что от Джерома толку никакого. То есть в этом аспекте.

— Какой источник?

— Между нами: Сирил говорил, что так ему рассказывала Полли.

— Полная ерунда! Не хочу говорить плохо о Полли. Поскольку она умерла. Ты же сам знаешь, Сирилу верить не стоит. Я тебе говорю: у Джерома он в два раза больше, чем у Стэна. Мало того, уж если встал, то стоит. И возраст не помеха.

— Но Стэн, видно, помеха. Ну, продолжай: Стэн входит…

— «Я дома». Опа! Я его сразу увидела. Гляжу ему в лицо и думаю: пусть хоть провалится, пока я не кончу. Господи, мне оставалось совсем чуточку! И тут у Джерома все опало. Стэна услышал, наверное, поэтому. Он нырнул под простыню, не мог смотреть на брата, так расстроился. Дальше — Стэн, как джентльмен, пятясь назад, выходит из комнаты. И пятился так до самой лестницы, не понял, что начались ступени, и покатился вниз. Мы с Джеромом услышали шум и кинулись полуголые к лестнице. А внизу лежит Стэн навзничь, без чувств. Но букет алых роз из руки так и не выпустил. Это меня просто доконало. Мы мгновенно оделись, Джером помог мне отнести его в машину. Боже, я так боялась, что старые раны откроются. Я отвезла его в больницу. Слава богу, ничего страшного. Несколько синяков и легкое сотрясение. Вот и всё. Ну да, когда я поняла, что с ним все в порядке, я уехала на пару недель к

сестре в Сан-Франциско. Больше рассказывать нечего. Теперь твоя очередь.

Национальный театр мы прошли и отправились назад.

— Кофе хочешь? А мороженого?

— Робин, не увиливай. Твоя очередь.

— Вовсе нет. Ты не закончила. Что было, когда ты вернулась? Упреки? Примирение со слезами?

— Ничегошеньки не было. Он ничего не помнил или утверждал, что ничего не помнит, кроме того, что упал с лестницы. Когда я вернулась из Сан-Франциско, все продолжилось как раньше. Кстати говоря, мы спим вместе. Тоска…

Мы свернули с набережной и поспешили к Национальному театру. Я показал ей свои часы. Спектакль вот-вот должен был начаться.

— Так как насчет твоего рассказа? Сволочь, ты нарочно тянул время. Когда мы можем еще раз встретиться?

Она на ходу судорожно рылась в сумочке, искала, может, билет, а может, бумагу с ручкой — не знаю.

— Ежедневник не при мне, — соврал я и, демонстрируя огорчение, похлопал по карманам куртки. — Позвони мне. Мы что-нибудь придумаем. — Я приобнял ее за плечи и невинно

поцеловал в обе щеки, после чего она сердито развернулась и направилась в быстро пустеющее фойе. — Спасибо за ланч! — крикнул я ей вдогонку.

* * *

Сирил позвонил мне на следующий вечер. Хотел узнать, пытался ли Стэн разведать про его роман с мамулей. Стэн, по-видимому, решил, что годы с мамулей весьма важны для понимания жизни художника, тем более потому, что, как он ни старался, почти ничего не выведал.

— Получит от меня «милую Фанни Адамс»[165], — буркнул Сирил голосом, исполненным праведного негодования. — И плевать, что этот недоумок имеет сказать о вашем покорном слуге. Я здесь и могу за себя постоять, а она — нет. — По его словам никто бы и не подумал, что он упрашивал написать его биографию. Он был в очень воинственном настроении. — Не желаю даже думать, что этот ублюдок своими вонючими руками прикоснется к священным воспоминаниям о ней. Я

[165] Примечания: 165

Фанни Адамс (1859–1867) — девочка, которую убил и расчленил сумасшедший клерк. Сейчас выражение «милая Фанни Адамс» означает «ничего вовсе».

ему сказал, что ее сын жив. Все вопросы касательно мамули пусть адресует тебе. Ты — истинный хранитель ее чести.

Сирил влажно закашлялся, харкнул и сплюнул — хотелось надеяться, что в платок. Последовала пауза — видимо, он разглядывал мокроту.

Когда Сирил, как заправский политик, демонстрирует величие души и использует слова «священный» и «честь», можно не сомневаться: он преследует какую-то не вполне благородную цель. И вскоре о ней заговорит. А пока что он, очевидно, ждал от меня благодарного отклика.

— Робин, ты еще здесь?

— Еще здесь, Сирил.

— Я уж подумал, ты помер. — Он хихикнул, в горле клокотала мокрота. Он снова закашлялся, снова харкнул, снова сплюнул, снова последовала пауза. — Так что он неминуемо с тобой свяжется. Но предупрежден — значит вооружен, да? — И тут он добрался до главного. — Во времена нашей Большой Любви я написал мамуле довольно много писем. В те времена люди писали письма. Никаких этих чертовых телефонов не было. А женщины, они обожают хранить такие вещи — всякие сувениры, любовные письма, засушенные цветочки и прочую дрянь. Мамуля, думаю, тоже

хранила. У тебя, Робин, их случайно нет? Этих писем? Ведь когда бедная мамуля преставилась, ты наверняка разбирал ее бумаги и все такое. Ты мои письма нашел? Если да, нельзя допустить, чтобы они попали в чужие руки. На твоем месте я бы их сжег. Или пришли мне, я с ними разберусь. В конце концов, это же мои письма, я их писал. Но в любом случае, ты же не допустишь, чтобы этот вонючий еврей их увидел, да?

Я не сказал ему, есть ли у меня его письма к мамуле. Сказал только, что не имею ни малейшего намерения беседовать о моей матери со Стэном Копсом.

В чем-то Сирил и мамуля идеально подходили друг другу. Сирил всегда полностью сосредоточен на себе, он требует от остальных исключительной преданности, полного погружения в *его* мир, *его* речи, *его* работу. В окончательный солипсизм он не впадает только потому, что ему нужны другие люди — обеспечивать ему комфорт, удовлетворять его нужды и капризы; в особенности ему нужны женщины: они квазимистическим образом предоставляют Вечную женственность, мощную колдовскую силу, источник вдохновения и творчества, которую он может почерпнуть через сексуальную связь. Можно возразить, как

наверняка делали некоторые критики, что на протяжении всей своей карьеры он отдавал дань этой концепции, что очевидно по тому, с какой любовью он изображает женское тело, особенно в своих «ню» — так, что к этому телу хочется прикоснуться. (Канадский искусствовед Антуан Леви-Лакло в статье для *La Vie Canadienne Culturelle*[166] о недавней выставке «Энтуисл, 1965–1975» в Монреале писал, что на многих картинах нужно повесить табличку *Ne pas toucher*[167].)

От мамули до того, как Сирил сразил ее наповал, а потом и завалил на спину за крикетным павильоном в Кронин-Холле, никто не требовал полной покорности. Там, на лужайке, когда ходившая вверх-вниз голова Сирила загораживала ей пробивавшееся сквозь листву солнце, а его горячее дыхание обжигало ей щеку, она испытала не только желанный оргазм, это было неожиданное откровение. Прежде она всегда полагала, что делает более или менее то, что хочет, и, насколько позволяли обстоятельства, более или менее распоряжалась своей судьбой. Мамуля не была склонна к философствованию и уж точно не

---

[166] Примечания: 166
Культурная жизнь Канады (*фр.*).

[167] Примечания: 167
Не трогать (*фр.*).

вступила бы в полемику с Исайей Берлином[168], но могла бы, как многие английские женщины ее поколения, сказать, что считает себя свободной. Теперь же она поняла, что истинная свобода в том, чтобы отказаться от себя, что реализовать себя нужно через жертву, что счастье в служении, и это единственный подлинный триумф воли: мамуля нашла своего *Führer*[169].

Собственно говоря, я почти не наблюдал их совместную жизнь. Полагаю, меня возмущало то, что Сирил каким-то образом узурпировал мое место — ведь раньше центром мамулиного внимания был я. Что было вполне естественно, даже для подростка, который при всем при этом боролся за собственную независимость. Но я не был Гамлетом, а эта парочка напоминала Гертруду и Клавдия только неуемными сексуальными аппетитами. В те годы Сирил мне скорее нравился — кажется, об этом я уже упоминал. А если я когда и видел в своем воображении, как

[168] Примечания: 168

Исайя Берлин (1909–1997) — английский философ, автор книг «Две концепции свободы» (1958) и «Четыре эссе о свободе» (1969).

[169] Примечания: 169

Вождь, фюрер (*нем.*).

проклятые пальцы гладят ее шею[170], я об этом позабыл, да и в то время наверняка постарался бы прогнать от себя эту картину. Что это мое отражение в зеркале, над моей обнаженной матерью, на некогда скандальном двойном портрете, который висит в Национальной портретной галерее, я теперь уже не так уверен, как прежде. Однако я могу с легкостью представить, что Стэн, пиши он мою биографию, мог бы, как я не раз намекал, без труда наложить на мою жизнь фрейдистскую схему. Правда куда проще. Я уехал учиться в университет, оттуда в Лондон, и пуповина уже была перерезана с соблюдением всех правил гигиены. В Дибблетуайт при мамуле и потом я приезжал только как гость, домом он мне никогда не был.

Письма проливают некоторый свет на эти запутанные отношения. (Да, разумеется, письма у меня.) Когда мамуля поселилась в Дибблетуайте, она довольно легко могла добраться автобусом через Рипон до Харрогейта. Ее родители, мои дедушка с бабушкой, которых я едва знал, закрыли свою закусочную, которая давала им средства к существованию, и жили себе поживали в небольшом домике за станцией. Сирил явно считал,

[170] Примечания: 170

Отсылка к словам Гамлета. У. Шекспир, «Гамлет». Акт III, сцена 4. Пер. М. Лозинского.

что ей полезно время от времени их навещать. Возможно, ее отсутствие предоставляло ему возможность изучать разнообразные проявления Вечной женственности в других податливых особях. В разлуке они обменивались письмами. Только Сирил знает, сохранились ли письма мамули к нему.

Ранние письма полны признаниями в любви. «Ты — величайшая радость моей жизни», например. «Сегодня утром Дружок так бесновался, что я достал из корзины с грязным твои трусики, нюхал их и тосковал по тебе». «Теперь, когда я знаю, что такое настоящее одиночество, может быть, я его сумею нарисовать». Если не считать школьных лет в Кронин-Холле, недолгого пребывания в Кембридже и службы за границей, в армии, Сирил редко покидал родные болота. Он был сельский житель, можно сказать, деревенщина. Мамулина городская изысканность, титул, который она получила, вступив в брак с адвокатом, имевшим рыцарское звание, ее благоприобретенный «аристократический» выговор — все это явно его возбуждало. «Твои каблуки, твои шелковые блузки, рыжая лиса, которую ты носишь на плечах, с глазками-бусинками, острой мордочкой и пышным хвостом, меня заводят.

Тебе достаточно сказать: „Сирил!“, и Дружок, вскочив, салютует тебе».

Он мог быть и жестоким, вскипал безо всякой причины, просто потому, что был не в настроении: «Вряд ли ты могла бы возбудить меня физически, не будь духовной составляющей. Начать с того, что грудь у тебя, на мой вкус, великовата. Немецкая шлюха в Гамбурге как-то раз научила меня, какой размер идеален: „Eine Handvoll und nicht mehr; was übrig ist ordinär“[171]. Пойди спроси своих приятелей-лингвистов, что это значит». «Картофельную запеканку с мясом я делаю лучше, чем ты. От твоей меня тошнит».

Когда мой дедушка умер и мамуля стала ездить в Харрогейт не когда было удобно Сирилу, а когда это было нужно моей несчастной бабушке, он стал злобствовать. «Что мне нужно, так это здоровая девица, здоровая и телом и духом, которая будет меня поддерживать и давать мне все то, чего ты, так эгоистично меня покидая, давать мне не можешь. Боже ты мой, твой отец ведь уже умер. Почему бы твоей матери с этим не смириться?» Но к тому времени он уже повстречал леди Синтию, младшую дочь баронета, предкам кото-

---

[171] Примечания: 171

Полная ладонь и не больше. Все, что больше, — банально (*нем.*).

рого пожаловал этот титул Генрих IV. В одном из писем мамуле он цитирует письмо леди Синтии к нему: «Я безумно волнуюсь, мечтаю, чтобы ты имел все, что ты хочешь и что тебе нужно. Меня это беспокоит куда больше, чем собственные нужды». Затем Сирил сообщает мамуле, что она сделала свой выбор: предпочла ему свою мать. Он желает ей всего хорошего. Этого письма хватило, чтобы мамуля немедленно вернулась в Дибблетуайт — как ее мать ни демонстрировала свое горе. Но в Дибблетуайте, разумеется, уже поселилась леди Синтия. И мамуле ничего не оставалось делать кроме как, в отчаянии заливаясь слезами, бежать в Лондон.

* * *

На мой автоответчик поступило сообщение от Стэна. Я уже давно и с благодарностью использовал возможность отслеживать звонки. И убежден, что после изобретения собственно телефона самым полезным нововведением в области телефонной связи стал автоответчик. Я никогда не снимаю трубку, не поняв, кто звонит. Поскольку от Сирила и от Саскии я узнал, что именно Стэну нужно, я предпочел не отвечать.

— Робин, дружище, как жизнь? Саския гово-

рит, ты прекрасно выглядишь. Стал спортом заниматься? — Пока что это были просто приятельские привет — как дела, обычный вежливый набор. Затем голос стал тише, доверительнее — мол, между нами. — Ты, конечно, знаешь, почему я здесь, в старой доброй… Последние штрихи в книге об Энтуисле — найти ответы на несколько вопросов, разгадать несколько загадок. Саския наверняка ввела тебя в курс дела. Из всех источников один ты остался неохваченным. — Он хихикнул. — Впрочем, я серьезно: может пригодиться твоя помощь — насчет тех лет, которые Энтуисл провел с твоей матерью. Понимаешь, об этом времени почти ничего нет. Старина, ты со многим можешь мне помочь. Позвони, хорошо? Давай встретимся. Поужинаем вместе. Я угощаю. — Он оставил свой номер телефона.

Второе сообщение было чуть покороче. Тон был уже раздраженный, резкий — тон человека, которого незаслуженно обижают.

— Робин, это снова Стэн. Время поджимает. У нас здесь осталось всего несколько дней. Мне очень нужно с тобой поговорить. Позвони мне, хорошо? — И он еще раз оставил свой номер.

Я позвонил на следующий день поздним утром — я был уверен, что в это время не застану обоих

— он будет занят своей исследовательской работой, она отправится приобщаться к культуре или на деловую встречу с местными клиентами и коллегами. На сей раз сообщение оставил я, на гостиничный автоответчик.

— Стэн, буду рад повстречаться с тобой и, конечно же, еще раз увидеться с всегда прекрасной Саскией. Но хочу заранее предупредить: я категорически отказываюсь обсуждать с тобой свою мать. Тебе в твоей книге придется обойтись без меня. Не хочу тебя расстраивать, но в своем решении я тверд.

Наши автоответчики продолжали общаться друг с другом.

— Это снова Стэн. Поверь, Робин, ты допускаешь большую ошибку. Без твоего вклада все, что у меня есть по этому периоду, — это мнение Энтуисла, а оно наверняка предвзятое, и комментарии лорда Питера Дермотта, сына Седрика Смит-Дермотта, за которым твоя мать была замужем, когда сбежала с Энтуислом. Помнишь его? Лорд Питер предоставил мне доступ к бумагам своего отца, и там мало лестного о мамуле. Кто еще? Ах, да, мать лорда Питера, леди Смит-Дермотт, которая некогда была супругой твоего директора в Кронин-Холле. Господи, как же вы, британцы, любите

игру «Займи стул». И наконец — леди Гарриет Блэкени. Это, если тебе любопытно, дочь леди Синтии, которая заняла место мамули. Документальных подтверждений немного — я о письмах, дневниках и мемуарах. Эти люди — враги, Робин. Разве ты не хочешь пойти в контратаку? Позвони мне. Мы отбываем завтра.

— Стэн, могу только повторить: я не буду говорить с тобой о своей матери. Совершенно ясно, что ты скребешь по сусекам. Что может знать Гарриет Блэкени? Кстати, а ты знал, что с Толстушки Гарриет списана Мимси Хогг в «Жирной красотке из Блумсбери» Дэна Тэлботта? Ну, счастливого пути.

Наши автоответчики продолжали разговор.

— Это Стэн. К твоему сведению, леди Блэкени была столь любезна, что показала мне неопубликованную рукопись ее матери, текст, предназначавшийся для женского журнала, кажется. «На скотном дворе. Тайные забавы йоркширской деревни». Леди Синтия не уделила много места леди Смит-Дермотт, дружок, но рассказывает довольно обидные вещи. Позволь мне хотя бы послать тебе то, что я написал об Энтуисле и твоей матери. Вдруг ты захочешь прокомментировать? Кто знает? Попытка не пытка.

— Можешь прислать этот отрывок. Действительно, кто знает? *Bon voyage*[172] и привет Саскии.

Как ни странно, годы, проведенные Энтуислом с леди Смит-Дермотт, с его Нэнси, были из самых плодовитых. Именно тогда он создал помимо других шедевров «Обнаженную с пестиком» (1952), «По дороге на станцию» (1954) и «Раздосадованных любовников» (1955). В те же годы он завершил работу над своим лучшим произведением, картиной в восьми частях, «Восьмой день. Разрушение» (1952–1962). К этим и другим его творениям мы вернемся в надлежащее время. Начало романа было довольно страстным, хоть и эгоистичным: ради плотских удовольствий Нэнси в любовной горячке бросила мужа и сына от предыдущего брака. С самого начала отношения были бурными. Со временем Нэнси стала «вздорной», «сердитой», «крикливой», «ревнивой», «злобной». О том, как развивались отношения, можно, видимо, судить по картине «Раздосадованные любовники» (см. илл. 27). Художник и Нэнси лежат бок о бок обнаженные на кровати, сбитые после недавних упражнений простыни

---

[172] Примечания: 172
Счастливого пути (*фр.*).

создают ощущение беспокойства. Окно открыто, видна вспышка молнии, озаряющая черные грозовые тучи, зловеще-красные занавески по обеим сторонам окна вызывают ассоциации с адом, намек на который подхватывает и либретто «Дон Жуана», валяющееся на полу. На ближайшем к нам листке мы можем разглядеть слова: «Chi l'anima mi lacera? Chi m'agita le viscere?» *(«Кто мучает мою душу? Кто терзает мое тело?») Скрипка с порванными струнами, придавившая этот листок к полу, символизирует разрушение гармонии. Эти «возлюбленные», похожие скорее на трупы, нежели на живых людей, лежат рядом, у каждого рука на чреслах другого — словно они, как Адам и Ева, стыдятся своей наготы. Оба смотрят в сторону, взгляды отсутствующие, каждый погружен в свои мысли.*

Сегодня, оглядываясь на годы, проведенные с Нэнси, Энтуисл говорит, что это был роман «волнующий», «будоражащий», «стимулирующий», «изматывающий». Он галантно берет на себя часть вины за их многочисленные ссоры, доходившие порой до скандалов, и за то, что они отдалялись друг от друга. И с горечью признает, что с ним жить нелегко.

Но те, кто знал их в домашнем общении, счи-

тают иначе. «Она довела его до безумия. Он уже не мог выносить ее жалобы, ее вечное нытье, ее ненависть к долинам и пустошам, которые он так любил». «Нэнси была законченной сукой. Не понимаю, как он столько лет ее терпел». «Он работал в мастерской до изнеможения, по пятнадцать-шестнадцать часов в день, только чтобы быть подальше от дома и от ее злого языка». «Что бы он ни делал, ей все не нравилось. Ей было наплевать, что он с нежностью и заботой относился к ее сыну Робину Синклеру, взял его под крыло, взял в дом».

Но в конце концов причиной разрыва стали не столько ее злобные выпады, сколько частые отлучки из Дибблетуайта: Нэнси якобы ездила ухаживать за престарелыми родителями в Харрогейт. Энтуислу нужна была любящая, преданная женщина, которая не только обеспечивала бы уют в доме, но и знала бы, как удовлетворять потребности гения. К счастью, когда художник был почти на грани отчаяния, в его жизни появилась леди Синтия…

Но мы забегаем вперед. Стоит прежде всего изложить все, что нам известно об урожденной Нэнси Стаффинс, появившейся на свет в 1912 году в семье Сисси и Билла Стаффинсов, в кро-

хотной спальне над закусочной, где торговали жареной рыбой с картошкой, на Стейшн-роуд в Харрогейте, графство Йоркшир; роды принимала повитуха, а трепещущий отец, можем мы предположить, обслуживал внизу посетителей. Какой жизненный опыт принесла в дом Сирила Энтуисла эта женщина, которая, будучи старше, наверняка подавила молодого человека так, как мать подавляет сына? Как она стала особенной женщиной в его жизни, как и почему прошлое этой особенной женщины нарушило покой Энтуисла?

Закусочная на Стейшн-роуд все еще стоит, только теперь это обшарпанное заведение с едой на вынос «Звезда Индии», которым владеет некто Рама Камат. Но, возможно, если принюхаться, кроме аромата индийских пряностей можно услышать еще и вонь жареной рыбы.

В таком духе Стэн разглагольствует дальше — как Фаэтон, жаждущий усмирить непослушных кляч. И продолжает жестоко, злобно, клеветнически и безо всяких на то оснований чернить репутацию женщины, которой он никогда не знал, довольствуясь непроверенными намеками и мелочными нападками. А там, где он даже их не может отыскать, он опирается на свое вялое во-

ображение. Мой дед, «можем мы предположить», раздавал кульки с рыбой и картошкой, в то время как наверху его жена Сисси, крича от боли, пыталась — прилежание было тазовое — разродиться моей матерью. Если мы принюхаемся вместе со Стэном — оборони Господь, — мы сможем уловить «вонь» еды вековой давности. Когда моя мать оставляла Сирила одного, она «якобы ездила ухаживать за престарелыми родителями». Искушенные читатели могут предположить, что на самом деле она втихаря трахалась с каким-то неизвестным.

Господь свидетель, мамуля не была ангелом, но она не заслужила, чтобы над ней издевались всякие стэны. Жена она, конечно, была не из лучших — покладистая, милая, ласковая, но прежде всего ей нужно было удовлетворять свои сексуальные потребности. Верность, во всяком случае после смерти моего отца, Герберта Синклера, не была в первых строках ее списка личных добродетелей. Как мать она точно не была среди лучших. Но я никогда не сомневался, что она старалась как могла, как никогда не сомневался, что она заботилась обо мне и любила меня на пределе своих возможностей. И, конечно же, она никогда меня не «бросала», не подкидывала корзинку со спеле-

нутым младенцем на церковное крыльцо. Когда Сирил, к ее удовольствию, впервые ей овладел, я уже готовился поступать в университет. И Сирил не брал меня под крыло, разве что давал ценные советы насчет того, как обращаться с противоположным полом, и в дом он меня не брал, хотя в Дибблетуайте меня всегда привечали. Думаю, в те годы я ему даже нравился. Он ничего не изображал из себя ради того, чтобы угодить мамуле. По-моему, ему было приятно узнавать во мне черты себя наивного, каким он был до войны.

Но больше всего в рассказе Стэна меня огорчает то, как он описывает отношения между Сирилом и мамулей. Скажу просто: она его обожала. Во всем его защищала. Невозможно знать — и уж точно, Стэн не мог знать — интимных подробностей столь страстного романа, но что бы мамуля ни делала, она никогда не шла против Сирила. Бывало, прикусит губу и терпит. Уж ему-то она была верна целиком и полностью. Она никогда не жаловалась, никогда не ныла. Принимала его распоряжения, склоняла голову и согласно улыбалась. Меня порой бесило то, с какой готовностью она ему подчиняется.

— Мамуля, он что, Господь Всемогущий?

— В каком-то смысле да, Робин. Он творец — как

Бог, среди людей он гений. Мне повезло, что он меня любит.

Был ли Сирил способен любить? Способен ли сейчас? Или то, что он выдает за любовь, это просто потребность?

Я написал Стэну имейл, сообщил, что рукопись возвращаю. Добавил, что послал копию своим адвокатам (на самом деле не послал), и посоветовал ему оставить намерения клеветать на мою мать в печати. Стэн, скорее всего, не будет мне отвечать. Кому, кроме сына, есть дело до чести Нэнси Стаффинс? Возможно, Стэн себя обезопасил. Кто из оставшихся в живых, станет его опровергать? Сколько я ни негодуй, какие доказательства я могу предоставить суду? Понятно, что никаких. Однако издатели не заинтересованы в судебных разбирательствах. В лучшем случае моя угроза заставит Стэна ограничиться только теми высказываниями, которые он может подтвердить, не опираясь на показания свидетелей. В худшем — к большому огорчению Стэна, мой иск может надолго задержать выход книги в свет. Возможно, мои угрозы сподвигнут его переписать текст.

* * *

Тимоти меня не обнадежил:

— Старина, вряд ли что сможешь сделать. Ни здесь, в Англии, ни в Нью-Йорке, где, как ты говоришь, сначала выйдет книга, нельзя подавать иск об оскорблении чести и достоинства (в данном случае — о клевете) от имени умершего человека, в данном случае от твоей почившей матери.

— Но многое из того, что он пишет, ложь. Я могу дать показания.

— Забудь об этом. У нас, как нам твердят *ad nauseam*[173], свободная страна. Непременно нападай на него в прессе. Но в таком случае убедись заранее, что он не подаст на тебя в суд за клевету.

Мы с Тимоти сидели — дело было после полудня — за кружкой пива в «Красном льве», американском заведении, но сегодня нам было удобно там встретиться — он находился буквально в нескольких метрах от Чарльз-стрит, где Тимоти должен был встретиться с клиентом в «Честерфилде», а мне предстояло выступать в Союзе говорящих на английском языке перед группой

[173] Примечания: 173
Здесь: до отвращения (*лат.*).

из Содружества.

— Я бы мог поведать такую повесть[174], — сказал Тимоти, который, как и я, некогда занимался в нашем университете английской литературой. — Я совершенно случайно встретил твоего *bête noire*[175], этого твоего Стэна Копса, вскоре после того, как он и твой *à peu près*[176] отчим договорились насчет биографии.

— Тимоти, ты никогда не говорил мне, что вы знакомы.

Я постарался вложить в свои слова боль, разочарование и чуточку злости. Но испытывал я раздражение.

— Как-то это никогда не казалось важным или уместным. Он же не мой клиент, и биографию он не твою пишет. Но если ты готов, то моя история заслуживает того, чтобы ее рассказать за ужином, пусть и в узком кругу заинтересованных лиц, а именно — в твоем обществе.

— Значит, давай поужинаем вместе, — сказал

---

[174] Примечания: 174

Слова Призрака. У. Шекспир, «Гамлет». Акт I, сцена 5. Пер. М. Лозинского.

[175] Примечания: 175

Здесь: предмет особой ненависти (*фр.*).

[176] Примечания: 176

Почти (*фр.*).

я. — Я тебе позвоню.

* * *

Это была история об унижении. Тимоти встретился со Стэном на дневном поезде Париж — Авиньон. Путешествие длится чуть больше двух с половиной часов, очень удобно — не слишком долго и не слишком быстро, можно вздремнуть или заменить сон его эквивалентом, чтением литературного приложения к «Таймс». Или же у путешественника, если он к тому расположен, есть время погрузиться в свои мысли. На это Тимоти и рассчитывал, когда покупал билет. Все билеты с местами были раскуплены, ему достался один из последних. Оно и понятно — 1 августа, день, когда во Франции начинаются *les vacances*[177]. Через столик от него, у окна, на сиденье *«à deux»*[178], расположился невысокий энергичный, «смахивавший на обезьяну» человек. Он напомнил Тимоти черно-белую обезьяну-колобуса — он таких видел, когда однажды ездил отдыхать в Кению. Я понимал, что он имеет

---

[177] Примечания: 177
Отпуска (*фр.*).

[178] Примечания: 178
На двоих (*фр.*).

в виду. Густая борода Стэна и вся прочая растительность на лице с годами стали совершенно седыми, а волосы на голове остались такими же черными. Нацепите на колобуса очки с толстыми стеклами, добавьте морщинок на лицо — там, где кожа еще видна, пусть пухлые алые губы будут приоткрыты и обнажат зубы, как у Батской ткачихи[179], и — вот он, Стэн собственной персоной. По всему столику были разложены его брошюры, карты и путеводители.

— *Parlez-vous anglais, monsieur?*[180] — спросил колобус с кошмарным акцентом. Тимоти, свободно говорящий по-французски, подумал было ответить шквалом французских фраз, но, вздохнув, признал, что он англичанин. — Замечательно! — воскликнул Стэн и протянул руку, которую Тимоти вежливо пожал.

Вскоре выяснилось, что они оба оправляются в Сан-Бонне-дю-Гар, а когда Стэн сказал, что на вокзале его встречает машина, Тимоти воодушевился и проявил лингвистическую смекалку:

— А не могу ли я к вам вписаться?

---

[179] Примечания: 179

Батская ткачиха — персонаж «Кентерберийских рассказов» Джефри Чосера (ок. 1340–1400).

[180] Примечания: 180

Говорите ли вы по-английски, мсье? (*фр.*)

Разумеется, рассказал мне Тимоти, как только он стал должником Стэна («Да без проблем!»), он был обречен до конца поездки слушать соловьиные трели Стэна.

Стэн впервые оказался в Провансе. И рассчитывал пробыть там неделю. Назавтра он возвращался в Авиньон — встретить жену, Саскию, которая ехала на машине из Парижа, и они вдвоем собирались поездить по округе. Сегодня же ему предстояло лично встретиться с человеком, чью биографию он собирался писать. Знает ли Тимоти что-нибудь о Мас-дю-Кутр-Курбе?

— Простите?

— Вот, я специально записал. Мас-дю-Кутр-Курбе.

— А, понятно. Местные называют это просто Мас-Бьенсан.

— Почему?

— Дело в том, что он принадлежит Клер Бьенсан, вашей хозяйке.

Это действительно была ферма Клер, полученная по наследству, поэтому и носила родовое имя. Но Клер теперь одиннадцать месяцев в году проводила с Сирилом в Йоркшире и знаменитую ферму сдавала на неделю или на месяц туристам, а четыре акра земли сдавала местным

виноградарям и считала, что чем сексуальнее название, тем больше оно привлечет клиентов. Сирил к тому времени был богат как Крез, но Клер — француженка и дочь фермера — считала, что грех держать дом пустым почти круглый год, когда он может приносить честный франк-другой (теперь, конечно, евро, но старые присказки так живучи). Она обожает этот дом и за долгие годы превратила его из простого удобного жилища, каким он был в ее детстве, в туристическую мечту о Провансе. Сирил каждый август, когда надо туда ехать, ворчит, но, оказавшись там, бывает вполне счастлив. Ему нравится приглашать местных девушек поплавать в бассейне — их фигурки в бикини будят сладостные воспоминания. Картины, что висят в Мас-Бьенсане, не похожи ни на какие другие его работы: там яркие, почти тернеровские пятна цвета, в них он неожиданно близок к абстракционизму.

Тимоти познакомился с Сирилом и Клер независимо от меня. Он многие годы проводил лето в Сан-Бонне-дю-Гар, снимал вместе со своим другом (австралийцем, известным мне под именем Сэмми) маленький залитый солнцем дом рядом

с деревенской *épicerie*[181]. Я никогда не понимал их отношений. Если они и были любовниками, получается, что им было удобно жить и стариться на противоположных концах земного шара и втискивать год отношений в месяц. Быть может, им нравилась такая интенсивность. Короче, в деревне собирается небольшое общество англоговорящих: Сирил, Тимоти, Сэмми и миниатюрный кривоногий и всегда бодрый Бэзил Мадж, некогда знаменитый жокей, ливерпулец — он теперь каждый август в основном сидит в тенечке и наговаривает воспоминания на диктофон. Все мужчины отлично ладят — как обычно бывает за границей с совершенно несхожими людьми. Я сам некогда провел с ними приятнейший вечер в деревенском ресторанчике, где с наслаждением напился.

Стэн в поезде брызжил энтузиазмом. Он показывал Тимоти брошюры, карты, маршруты, списки непременных достопримечательностей. Он задавал вопросы, но не дожидался ответов. С воодушевлением говорил о папском дворце в Авиньоне, о еженедельном рынке специй в Юзесе, о Пон-дю-Гаре, о Ниме и Камарге. Он с

---

[181] Примечания: 181
Бакалейная лавка (*фр.*).

осведомленностью рассуждал о местных винах и оливковых рощах. В Сан-Бонне-дю-Гар ведь есть *moulin à huile*[182], так ведь? Но они с Саскией планировали и свернуть с расхожих путей, посмотреть настоящий Прованс. Это был Стэн на пике своих сил, энергичный, счастливый, демонстрирующий свое мастерство исследователя даже на примере недельного путешествия.

Тогда он еще не познакомился с Сирилом Энтуислом, и в него еще не стреляли.

Тимоти рассказал, что больше всего Стэна волновал предстоящий визит в Мас-Бьенсан. Он жалел, что Саскии с ним не будет, но из приглашения Сирила следовало, что его ждут одного. Они с Саскией решили не придавать этому значения, пусть будет как будет. Наверняка представятся и другие возможности. Работа над книгой даже не началась. А пока что ему предстояло увидеть настоящий прованский дом, со всеми его причудами и удобствами, начать с него знакомство с Провансом. Он явно провел изыскания о главных блюдах этого региона и с пылом говорил о *Anchoïade*, *Soupe au Pistou*, *Daube Provençale*, *Le*

[182] Примечания: 182
Маслобойня (*фр.*).

Gratin d'Abricots aux Amandes[183]. Тимоти утверждал, что к этому моменту он начал без труда понимать произношение Стэна и забеспокоился, не повлияет ли это на его безупречный акцент. Но еще он сказал, что Стэн так описывал хрустящий деревенский хлеб, обмокнутый в ароматное оливковое масло, местный сыр, крошащийся от одного прикосновения вилки, бокал лирака или тавеля, рубиново поблескивающий на солнце, что его воодушевление передалось и Тимоти. И только потом Стэн сказал, что предвкушает встречу с героем его следующей книги. Визит предполагался короткий, только на одну ночь — «времени хватит на совместный ланч и ужин сегодня и, быть может, кофе с круассаном утром», но он надеялся, что к его отъезду уже будет заложен фундамент не только сотрудничества, но и дружбы.

Тимоти и Стэн вышли на платформе в Авиньоне. Стэн тащил большой чемодан на колесиках и набитую дорожную сумку, плечо подгибалось под лямкой гигантского рюкзака. За платформой шли встречи и приветствия, смех,

---

[183] Примечания: 183

Энчилада, суп «Писту», тушеное мясо по-провансальски, гратен с абрикосами и миндалем (фр.).

слезы, радостные крики. Тимоти огляделся. И увидел мрачного типа, заросшего щетиной — один в один уже растолстевший Марлон Брандо, но с гитлеровскими усиками. Одной рукой мужчина держал плакат, другой чесал яйца. На плакате было написано:

Проф. Корпус
Мас-Бьенсан

— Думаю, это вас, — сказал Тимоти.

— *Je m'apelle Professeur Kops*[184], — сообщил Стэн держателю плаката.

— *Hein?*[185]

Тимоти объяснил что к чему.

— *Ah, bien sûr. Remoulins Taxi à votre service*[186]. — И он быстро заговорил на местном наречии.

— Вы поняли? — спросил Тимоти.

— Слишком быстро. — Стэн пал духом.

— Он сказал, чтобы мы подождали здесь, он сейчас вернется. Ему надо забрать корзину, *quelque*

---

[184] Примечания: 184
Меня зовут профессор Копс (*фр.*).

[185] Примечания: 185
Что? (*фр.*)

[186] Примечания: 186
Да, конечно. Такси к вашим услугам (*фр.*).

chose pour Madame[187]. Видимо, доставили на том же поезде. Да, и еще сказал, что мы можем называть его Марселем.

— Это я разобрал. — Стэн аккуратно сложил багаж.

Марсель, как описывал Тимоти, удалился, вихляя задом так, словно боялся выронить засунутую туда зубную щетку.

Такси оказалось стареньким синим «рено», ржавым и побитым. *«Quelque chose pour Madame»* — металлическим контейнером-холодильником с крышкой, перехваченной тремя широкими кожаными ремнями. Марсель косолапо шаркал, пыхтел и ругался, таща этот контейнер, упиравшийся в его пузо. С виду контейнер был тяжелый. Тимоти и Стэн вышли следом за ним из здания вокзала на яркое послеполуденное солнце. Стэн пытался справиться со своим багажом. Тимоти хотел было сказать ему, что есть свободные тележки, но что-то его остановило. Сам он путешествовал налегке, с небольшой нейлоновой сумкой, но хотя обычно он — воплощение вежливости, помочь Стэну он не стремился. Такие Стэн вызывает в людях чувства.

---

[187] Примечания: 187
Кое-что для мадам (*фр.*).

Марсель поставил свою ношу рядом с «рено», потер поясницу, выгнувшись назад, потянулся и издал горестный вздох. К этому времени Тимоти и Стэн его нагнали. Стэн брякнул наземь свои вещи. Он совсем выбился из сил, обливался потом. Пот струился ручьями по его лицу, по бороде, откуда капли падали на грудь. Соленая жидкость заливала ему глаза, отчего он непрерывно моргал. Его некогда щегольский бежевый пиджак пропотел насквозь, плечо, в которое впивалась лямка рюкзака замялось, под мышками и посреди спины расплылись темные пятна пота. Рубашка была совершенно мокрая.

— Довольно тепло, не правда ли? — невозмутимо сказал Тимоти.

— Я в восторге! — неожиданно добродушно воскликнул Стэн. — Я об английской сдержанности. Я просто плавлюсь.

Марсель оглядел багажник «рено», оглядел контейнер, снова почесал яйца, затем затылок.

— *Merde, alors!*[188] — сказал он.

И открыл замызганный багажник. Он был весь забит: запасное колесо, канистра с бензином, инструменты, жестяная банка с томатной пастой,

---

[188] Примечания: 188
Вот дерьмо! (*фр.*)

мешок с пустыми пивными бутылками, вонючие промасленные тряпки и россыпь порнографических фотографий, все вперемешку. Он снова покачал головой и закрыл багажник.

Машина тем временем так и стояла на солнцепеке, запертая, с закрытыми окнами — этакая раскаленная печурка. Марсель пожал плечами, отпер свою дверцу, открыл заднюю, поднял контейнер и запихнул его на сиденье. Затем открыл вторую заднюю дверцу, елейно улыбнулся и пригласительно взмахнул рукой — так швейцар в провинциальном борделе приглашает завсегдатая.

— *M'sieur le professeur!*[189]

Стэн снял пиджак и втиснулся в раскаленный салон, прижавшись к контейнеру. Марсель водрузил ему на колени рюкзак и сумки и закрыл дверь.

— *M'sieur*! — обратился он к Тимоти и распахнул перед ним переднюю дверцу.

Тимоти, прежде чем сесть, опустил стекло. Он рассказывал, что внутри воняло грязными носками (а может, вонючим сыром) и чесноком. Оба передних сиденья были отодвинуты назад по

---

[189] Примечания: 189
Господин профессор! (*фр.*)

максимуму, Марселя — чтобы он мог вместить свою тушу, а второе, быть может, для симметрии; Стэн сидел, скрючившись, за Тимоти, подтянув колени, и сумки почти упирались ему в подбородок.

— *Enfin*, — сказал Марсель. — *Allez-y, hein?*[190]

За спиной Тимоти елозил Стэн, пытаясь открыть свое окно.

— *La fenêtre?*[191] — сумел выговорить он.

Марсель пожал плечами, махнул рукой.

— *Elle est complètement foutue, cassée, vous comprenez? Une espèce de merde, pour ainsi dire. Rien d'importance*[192].

Он завел мотор и выехал с парковки, продолжая что-то быстро говорить.

— Вы все поняли? — спросил Тимоти.

— Окно не работает, да? — Стэн тяжело дышал, как спринтер в конце дистанции.

— Да. Но он говорит, волноваться не о чем. Как только мы выедем на дорогу, свежего воздуха

---

[190] Примечания: 190
Наконец-то. Ну что, поехали? (*фр.*)

[191] Примечания: 191
Окно? (*фр.*)

[192] Примечания: 192
Оно совершенно сломано, разбито, понимаете? Полное дерьмо, так сказать. Это неважно (*фр.*).

будет достаточно. Да и до Сан-Бонне-дю-Гар всего двадцать километров.

— Я умираю от жажды.

— Если хотите, могу попросить его где-нибудь остановиться.

— Господи, только не это! Давайте уж доедем до места.

Марсель взял на себя роль гида, показывал, пока они тряслись по дороге, красоты Гара, делая паузы, чтобы Тимоти мог перевести.

— Посмотрите на вершину, — перевел Тимоти, когда они наконец добрались до мощеных улочек Сан-Бонне-дю-Гар. — Там стоит великолепная часовня этой древней деревушки. Обратите внимание, как умело архитекторы применили методы строительства римского акведука. Это отлично видно на восточных колоннах благодаря кирпичной крошке, которую римляне использовали, чтобы сделать сочленения водонепроницаемыми. Великолепно, профессор Корпус, правда?

— Скажите ему, отлично, — процедил сквозь зубы Стэн, сидевший с закрытыми глазами.

— Сейчас мы ненадолго свернем с маршрута, чтобы вы могли рассмотреть все поближе. А пока что обратите внимание на чудесный фонтан,

здесь, на обочине, возведенный в 1806 году. Видите, какой декор? И бюст Наполеона Первого!

Очки Стэна совершенно запотели. Из-за пота под стеклами казалось, что он плачет. Возможно, он и плакал.

— Всего в двух километрах отсюда, если напрямик, как птица летит, находится знаменитый Пон-дю-Гар, акведук, построенный римлянами в первом веке. Если джентльмены желают, можем сделать небольшой крюк и вот уже мы там.

Стэн только застонал в ответ. Тимоти объяснил, что профессор очень устал от долгого путешествия из Америки и хочет поскорее добраться до места.

— *Comme vous voulez, Messieurs*, — проворчал Марсель и ни с того ни с сего нажал на клаксон. — *Cela m'est égal*[193].

«Рено» резко, со скрежетом остановился во дворе Мас-Бьенсан, и мотор стих.

— *Merde!*[194] — выпалил Марсель.

Дом был большой и довольно красивый, простая центральная часть была XVII века, в XVIII и

---

[193] Примечания: 193
Как хотите, мсье. Мне все равно (*фр.*).

[194] Примечания: 194
Дерьмо! (*фр.*)

в XIX веке было пристроено еще несколько помещений, каждое безо всякого соотношения друг с другом или с оригиналом, разве что использовался все тот же местный камень, но в целом все получилось на удивление гармонично. Все окна фасада были закрыты ставнями — от палящего солнца. Откуда-то сбоку, из-за аккуратно подстриженной изгороди, слышалось, как кто-то ныряет в воду — там находился бассейн, который Клер велела выкопать лет пять-шесть назад. Тимоти и Марсель тут же выскочили из машины. Стэну пришлось ждать, пока Марсель откроет его дверцу и снимет у него с колен сумки. Выбравшись, он стоял, пошатываясь, ошалевший, мокрый — будто это он искупался в бассейне.

Входная дверь уже была открыта, и из прохлады дома выбежал низенький кривоногий старичок в темных очках и бейсболке, широко улыбаясь и сверкая вставными зубами.

— Эй-эге-гей, это же наш Тим! А мы тебя завтра ждали.

Он протянул руку — Тимоти ее с радостью пожал, а другой рукой потрепал старичка по затылку.

— Эй-эге-гей, Бэзил! Рад тебя видеть. На самом деле завтра приезжает Сэмми. Он только что

провел месяц в Ситжесе, счастливчик, якобы в поисках своих каталонских предков. Так что я должен купить еду и напитки, проветрить дом и вообще подготовиться к прибытию Его Величества.

Из дома вышла Клер и поспешила навстречу приехавшим, за ней на почтительном расстоянии следовала Клотильда — она вела хозяйство Энтуислов, когда они приезжали, и жила со своим веснушчатым супругом Эмилем во флигеле метрах в ста от большого дома, а также приглядывала за всем, когда они были в отъезде. Клер тоже сразу кинулась к Тимоти.

— Тимоти, *mon cher! Quelle surprise totalement heureuse!*[195] — Они обнялись, а потом, словно одного объятья было мало, обнялись еще раз. — Ты останешься на ланч?

Тимоти улыбнулся, кивнул и повернулся к Клотильде.

— *Ah, la plus belle Clothilde. Sois tranquille mon pauvre coer!*[196]

И Клотильда, пожилая дама с и без того румяными щеками, совсем зарделась.

---

[195] Примечания: 195
Мой дорогой! Какой приятный сюрприз! (*фр.*}

[196] Примечания: 196
Ах, прекрасная Клотильда! Не волнуй мое бедное сердце! (*фр.*}

Марсель успел вынуть из «рено» и контейнер-холодильник, и багаж Стэна, сложил его аккуратно в кучу. Теперь он высился подле всего этого, вскинув руки и сложив пальцы словно для благословения.

Все это время Стэн стоял, покачиваясь и истекая потом. Тимоти вдруг вспомнил о правилах вежливости.

— Мадам, позвольте мне представить вам вашего гостя, профессора Стэна Копса.

Стэн, который к тому моменту буквально и шага не мог сделать, застыл на месте, но нудно произнес слова — не иначе как долго репетировал и надеялся произнести с легкостью.

— *Enchanté, Madam, de faire connaissance*[197].

— А это наш старинный друг Бэзил Мадж, он, возможно, вам известен как трижды победитель «Тройной короны», великолепный жокей, друг многих царственных особ и так далее. Бэзил, *mon vieux*[198].

— Весьма польщен, — вяло откликнулся Стэн.

— Эй-эге-гей, Стэн!

— А это — моя старинная подруга Клотильда.

---

[197] Примечания: 197
Мадам, счастлив с вами познакомиться (*фр.*).

[198] Примечания: 198
Старичок (*фр.*).

Клотильда неуклюже сделала книксен.

— *Enchanté, je vous assure*[199], — деревянным голосом сказал Стэн, обливаясь потом.

И тут произошло одновременно вот что. Во-первых, из-за изгороди появился Сирил весь в белом и в белой соломенной шляпе, следом за очень юной загорелой особой в бикини. Он погладил, а затем и пошлепал ее соблазнительный зад.

— *Ah, quelle honte!* — довольно хихикнула она. — *J'ai perdu, si non mon honneur, alors mon innocence. Gran'père, gran'père, comme vous êtes méchant!*[200]

Во-вторых, к Стэну подошел Марсель и буркнул что-то, чего Стэн не понял.

— Он ждет оплаты, — сказал Тимоти, вернувшись к роли переводчика.

— Но… — забормотал Стэн, — я думал, что я гость…

— Марсель говорит, что возьмет с вас только за дорогу от Авиньона сюда, обычную сумму, еще — за меня как за дополнительного пассажира, и за контейнер, который ему пришлось получить,

---

[199] Примечания: 199

Очень приятно, уверяю вас (*фр.*).

[200] Примечания: 200

Как вам не стыдно! Я потеряла если не честь, то невинность. Дедуля, дедуля, вы шалун! (*фр.*)

донести и привезти. А за бесценный рассказ об окрестностях, который вы прервали, сославшись на усталость, он не возьмет с вас ничего. Вы не можете не согласиться, что он поступает по справедливости.

— Сколько? — спросил Стэн в ужасе.

— Он выписал счет. Вот, держите.

— Ради бога, не мелочитесь! — крикнул Сирил. — Заплатите несчастному пидору! Он рабочий человек. Не ради же своего удовольствия он вас катал.

Стэн, испуганный и смущенный, все заплатил. Но тут хотя бы Клер обратила внимание на то, в каком он состоянии.

— Не хотите ли поплавать перед ланчем? Принять ванну, душ? Вы наверняка хотите переодеться.

— Да, спасибо, — сказал Стэн и поплелся к дому, широко расставляя ноги — походкой человека, который только что обмочился. Он был так очевидно несчастен, что Бэзил и Тимоти молча подхватили его багаж и понесли следом за ним. Клотильда и Марсель тем временем взяли вдвоем контейнер и потащили его в дом.

— И подайте что-нибудь пожрать! — крикнул им вслед Сирил. — Я умираю с голоду.

— Что за кошмарный человек! — сказала Клер. — Ты даже не поздоровался с этим несчастным педрилой.

— Что за выражения? — хихикнул Сирил. — Боюсь даже подумать, в каких кругах ты вращаешься.

Ланч подали на мощеной террасе рядом с портиком или шпалерой, увитой виноградом. Получилась прохладная беседка с видом на виноградники и поля, переливавшиеся всеми красками в ярких лучах солнца. К тому времени, когда Стэн, помывшись и переодевшись, добрался туда, идя на голоса и смех и на французскую речь, все уже сидели за старинным крестьянским столом, длинным и узким, выскобленным за долгие годы почти до белизны. Клотильда, судя по всему, садилась за стол с семьей и гостями. Небритый тип в полосатой тельняшке, с красным засаленным платочком на шее, чье лицо из-за припухших век выглядело насмешливым, оказался Клотильдиным Эмилем. Нимфа в бикини добавила к своему костюму мужскую рубашку и сидела рядом с Сирилом. Марселя, чья машина отказывалась заводиться и теперь ожидала приезда механика из Ремулена, очевидно, тоже пригласили на ланч. Перед каждым стояла миска

с какой-то темно-красной жидкостью, на поверхности которой плавало по шматку сметаны.

Когда появился Стэн, разговоры и смех стихли.

— Вот наконец и вы, профессор Копс. Надеюсь, вам уже лучше? — спросила Клер.

— Мадам, прошу вас, зовите меня просто Стэном. Не надо формальностей. Я ведь надеюсь с вами познакомиться поближе. — Он огляделся. — Здесь восхитительно!

— Садитесь, — сказал Сирил. — Сюда, во главу стола — это у нас место для почетных гостей.

Поскольку по одну руку от него сидел Эмиль, а по другую Марсель, Стэн, должно быть, сообразил, что он сидит в конце стола — дальше соли, как говорится.

Бэзил Мадж первым потянулся за ложкой.

— Это что у нас такое?

— Холодный свекольный суп, — ответила Клер.

— Борщ, — сказал Стэн, выказав тем самым привычку всех учить, которая была у него в крови.

— Погоди-ка, Бэзил, — сказал Сирил. — Может быть, наш гость захочет произнести какую-нибудь еврейскую молитву перед едой.

Стэн опешил.

— Я… Нет, я… Молитву — нет… Я не религи-

озен. — Те части его лица, которые виднелись среди буйной растительности, побагровели.

— Разуверившийся еврей, да? — весело продолжал Сирил. — Ну, тогда, может, мы что-нибудь христианское изобразим. Бэзил, ты как?

— Отвали, подлюга!

— Тимоти?

— Прекрати немедленно, — резко одернула его Клер. — Ты всех смущаешь.

— O tempora! O mores![201] — провозгласил Сирил громко и торжественно, воздел руки вверх, устремил глаза на навес над головой. Первой расхохоталась нимфа, затем все остальные, даже Стэн засмеялся. Обстановка разрядилась.

Все принялись за еду, стучали ложками о миски, громко прихлебывали.

— *Pas mal, ça*, — сказала Клотильда мужу, — *ce potage juif*[202].

Он уже доел свою порцию и облизывал ложку. И теперь мучился — как бы не согласиться с женой и не обидеть хозяев.

---

[201] Примечания: 201
О времена! О нравы! (*лат.*)

[202] Примечания: 202
Он совсем неплох, этот еврейский суп (*фр.*).

— *C’est frais, au moins*[203], — мрачно ответил он и закурил «Голуаз».

Стэн понял из этого разговора достаточно и решил внести уточнение:

— *Ce n’est pas un potage juif, Madame. C’est un potage russe ou polonais*[204].

Клотильда непонимающе уставилась на него.

— *Qu’est-ce qu’il a dit?* — спросила она Эмиля. — *As-tu compris?*[205]

Эмиль лишь пожал плечами.

— Неважно, — сказал Стэн.

Клер и Клотильда собрали миски и понесли их на кухню. Сирил решил, что настал удобный момент побеседовать со своим биографом.

— Нет никакого смысла разговаривать о книге теперь, во время этого вашего визита. Завтра еще до полудня вы уедете. Марсель вряд ли сможет отвезти вас в Авиньон. Придется решать этот вопрос иначе. Есть еще автобус. У Клер должно быть расписание.

— Автобус меня вполне устроит.

---

[203] Примечания: 203
По крайней мере, свежий (*фр.*).

[204] Примечания: 204
Это не еврейский суп, мадам. Это русский или польский суп (*фр.*).

[205] Примечания: 205
Что он такое сказал? Ты понял? (*фр.*)

— Ну, надеюсь, вы не рассчитывали, что я вас отвезу?

— Нет, что вы, конечно, нет.

— Значит, увидимся, когда я вернусь в Дибблетуайт. Вы можете остановиться в «Крысе и морковке». Хозяин — мой друг. Он о вас позаботится.

— Собственно говоря, я освобожусь только к весеннему семестру. У меня тогда будет творческий отпуск. Вряд ли я окажусь в Англии раньше января.

— Это прописано в нашем соглашении?

— Да, там все отражено.

— Проклятые юристы. На кого они работают, черт его знает.

— Вообще-то, — мирно сказал Стэн, — меня представляет мой агент, по совместительству — моя жена.

— Да ну? Семейный бизнес? — И Сирил потер большой палец о средний и указательный.

— Но мы можем поддерживать связь. Есть электронная почта, есть факс, есть, наконец, телефон.

Эмиль кинул замусоленный, еще дымящийся окурок на блюдечко перед ним. Ветерок понес дым прямо Стэну в нос. Он отклонился, но дым

его преследовал. Он помахал рукой.

Эмиль усмехнулся, глянул насмешливо из-под припухлых век.

— *La fumée vous dérange, M'sieur?*[206]

— Все в порядке, — проблеял Стэн.

Тем временем Клер и Клотильда расставили чистые тарелки. А потом стали вносить блюда. Появились порезанная хала, дюжина бейглов, полдюжины булочек с луком, масленка, разнообразная копченая рыба, в том числе копченый лосось, селедка и в винном, и в сметанном соусе, форшмак, рубленые яйца с луком, говяжья солонина, кнедлики из мацы, маринованные огурцы и кусок халвы с шоколадом. Теперь стало понятно, что было в холодильнике, который сопровождал Тимоти и Стэна из Авиньона.

— Тут у нас еврейская еда, — сказал Сирил. — Все из лондонского Ист-Энда, все кошерное. Поскольку мы понятия не имели, что Стэну нельзя есть, мы подали все, что ему *можно* есть. Что касается напитков, то местное вино точно не кошерное, Бабетта поплясала на винограде своими поросячьими ножками, *avec ses petit orteils du porcelet*. — Тут он пробежался пальцами по руке

---

[206] Примечания: 206
Вам мешает дым, мсье? (*фр.*)

девушки в бикини, отчего та захихикала. — Так что вот сельтерская, вот кошерная диетическая кока, вот холодный чай. Ну, приступим. Давайте денек побудем евреями.

Стэн чуть было под стол не нырнул. Теперь я понимаю его замечание по поводу еды из кулинарии, которую подавали у Джерома в Коннектикуте. Тимоти тут же смекнул, что Сирил хотел оскорбить Стэна, да и остальные тоже. Все было слишком явно. Как если бы Сирил пригласил на ланч известного афроамериканца, признанного во всем мире, и предложил бы ему, якобы чтобы не попасть впросак, капусту и арбуз.

Разумеется, будь у него в гостях афроамериканец, Сирил, вечный защитник угнетенных, так бы не поступил. Что Стэну оставалось делать? Он мог встать, заявить, что немедленно покидает Францию (во всяком случае, Мас-Бьенсан), и в гневе удалиться; он мог показать, как взбешен, как потрясен неприкрытым антисемитизмом, антисемитизмом, который даже не стараются приглушить благодушием; он мог бы сказать — опять же уходя, — что его юристы найдут возможность разорвать соглашение, в котором он больше не желает участвовать. Он ничего этого не сделал, он, бедняга, оказался загнан в угол.

Ну как он мог уйти? Марсель точно не повез бы его в Авиньон. Стэн опять зависел бы от этих мерзких людей, без них ему было транспорт не найти, более того, ему пришлось бы просить их о помощи. Либо так, либо — он должен был подхватить весь свой багаж и волочить его на дикой жаре — как ребенок, сбежавший из дому — по пыльной дороге.

Естественно, чтобы все это проделать с куражом, нужно обладать внутренним достоинством, силой духа. Подозреваю, несчастный Стэн боялся, что будет выглядеть комично. Что ж, вполне вероятно. К тому же требовалось немало смелости вот так взять и встать — а он был среди чужих людей, в чужой стране, с рождения посторонний, всю жизнь мечтавший, чтобы его приняли в свой круг, наконец — он же гость в доме великого человека, намерения которого (ну, была же такая вероятность) он мог неправильно истолковать, — и, как и положено нервическому нью-йоркскому еврею — а они так бы его и восприняли — устроить «сцену» для не-евреев. В этом случае Стэн, Стэн, еще не получивший пули, не был Абдиилом[207], не был он серафимом.

---

[207] Примечания: 207

Серафим Абдиил в поэме Джона Мильтона «Потерянный рай» — единственный, кто смело выступает против Люцифера.

Для Тимоти этот безобразный эпизод имел и другой смысл. Он поймал взгляд Стэна, но тот, заметив это, тут же отвел глаза. Эта трапеза еще более мерзко усугубила неловкость положения Стэна: в поезде он так долго распространялся о том, как он жаждет попробовать в Мас-Бьенсане вкуснейшей прованской еды. Он наверняка воображал, как все будут хихикать за его спиной, когда Тимоти об этом расскажет.

На защиту Стэна встала Клер.

— Ты обидел нашего гостя, — скороговоркой сказала она Сирилу по-французски, и здесь мы должны полагаться на всегда безукоризненный перевод Тимоти. — В моем доме это не позволяется, дрочила старый! Немедленно извинись перед этим несчастным болваном!

Воцарилась тишина. Клотильда, Эмиль, Марсель и нимфа в бикини завороженно взирали на происходящее. Эмиль уронил сигарету изо рта, она зашипела в стакане с апельсиновым соком. Этим четверым выпала честь наблюдать за развитием подлинной драмы. Тимоти говорит, что не мог глаз поднять на Стэна, поэтому усиленно протирал салфеткой солнечные очки. Стэн, возможно, не разобрал французской речи, но по тону, интонации и жестам Клер понял достаточно.

Сирил осклабился на жену — как наглый подросток, которого одернул взрослый, но когда увидел ее поджатые губы и нахмуренные брови, вдруг посерьезнел и откашлялся.

— Слушайте, старина, — сказал он Стэну, — давайте без обид, а? Я думал, вам будет приятно.

И так он легко, без усилий в последний раз за эту унизительную трапезу унизил Стэна.

— Никаких обид, — сказал Стэн, раздвинув толстые губы в подобии улыбки. — Совершенно никаких.

Чего Сирил добивался? Частично — тешил свой привычный антисемитизм. Этот мир, он такой забавный, в нем и евреи есть. Сирил, пусть и либерал, отлично знал, что он — белый, он — англичанин, а Стэн — жалкий жид. Кроме того, он наверняка устанавливал отношения между биографом и героем биографии. Музыку заказывает он.

Можно было предположить, что Сирил на первой встрече со своим биографом, рассчитывая завоевать его расположение, захочет показать себя в лучшем свете. Не тут-то было. Сирил хотел подчинить себе биографа. Добившись этого, он мог держать под контролем материалы, из которых со временем должна была вырасти био-

графия, создавать свой собственный портрет, как поэт Спенсер создал Рыцаря Красного Креста[208].

Должен сказать, что, слушая рассказ Тимоти, я начал сожалеть о своей роли в этой катастрофической истории. Сводя Сирила и Стэна, я рассчитывал навредить Сирилу, Стэн должен был быть лишь инструментом, с помощью которого я хотел оконфузить Сирила. Писал Стэн скучно, его стиль был, к счастью, неповторим — и этим стилем ему предстояло изложить историю жизни Сирила. В те времена мне это казалось упоительной шуткой. Такой я тогда был мерзкий. Но Сирил, похоже, затеял очередную игру и по ходу придумывал правила. Или скажем иначе: он ставил модель в ту позу, которая нужна была ему именно для этой картины, сознательно или нет игнорируя тот существенный факт, что модель — живое существо, что у нее есть жизнь, независимая от того, что изображено на холсте. И пока Стэн Копс считал, что он создает Сирила Энтуисла, Сирил создавал Стэна. И был вне конкуренции.

После ланча с еврейским угощением Тимоти ушел с Сирилом, Бэзилом и Эмилем играть в

---

[208] Примечания: 208

Один из героев поэмы Эдмунда Спенсера (1552–1599) «Королева фей».

boules[209]. Стэн пошел к себе в комнату за ноутбуком, хотел, объяснил он, сделать несколько предварительных заметок о Мас-Бьенсане. Начинало смеркаться. В долгих прованских сумерках, где прохладный воздух пах сиренью, Тимоти попрощался и зашагал в деревню. Подойдя к воротам фермы, он увидел неподалеку фигуру, в наступавшей темноте уже почти силуэт на скамейке под яблоней. Это был Стэн. Он сидел, ссутулившись, обхватив голову руками, и раскачивался взад-вперед. Тимоти, который было собрался крикнуть что-нибудь на прощание, развернулся и, насколько мог незаметно, удалился.

* * *

Стэн появился на пороге моей квартиры в Болтон-Гарденз в девять вечера, без предупреждения. Я полагал, что он давно уже вернулся в Нью-Йорк: я отказался помогать ему искать «правду» относительно мамули, и причин менять планы у него не было. Однако вот он стоял передо мной, улыбался щербатым ртом, узел галстука у него был почему-то ослаблен и болтался где-то сбоку, воротничок расстегнут.

---

[209] Примечания: 209
Игра в шары, буль (*фр.*).

— Привет, приятель, ну что, в дом-то пустишь? — Он отрыгнул пивной пеной. — О-опаньки, звии-няйте! — и протянул мне руку.

Разумеется, я ее пожал. На рукопожатие не отвечают только те, кто совсем уж взбешен, или законченные грубияны, и то инстинкт приходится побороть. Как мне ни было противно, но от рукопожатия он перешел к объятиям, стиснул меня, прижал мои руки к бокам, затем отпустил и прошмыгнул мимо меня в холл. Я закрыл входную дверь и указал на дверь своей квартиры.

— Мило, — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Ты один?

— Поздновато спрашиваешь. А если бы был не один? — Я, разумеется, был один, что и предпочитаю в последнее время.

Он прошел в «салон», как называет это помещение моя уборщица, и плюхнулся на диван.

— У тебя случайно не найдется бурбона?

Он еще не был совсем пьян, но очевидно к этому стремился.

— Ты ел что-нибудь?

— Конечно, сосиски с пюре, в «Спаньярдз-Инн», за ланчем. Пиво великолепное.

— У меня мало что есть, но яичницу и тосты сообразить могу. Хочешь?

— В мамулю играешь? — Он хитро посмотрел на меня и развалился на диване, поглядывая из-под полуприкрытых век.

— Если ты пришел расспрашивать меня про маму, уходи сейчас же.

— Об этом — молчок! — сказал он и по-девчачьи хихикнул. — Ладно, давай свою яичницу. Но сначала бурбона. Со льдом. Есть?

У меня действительно была бутылка «Боевого петуха», подарок моего американского издателя. Я налил ему виски, пожарил яичницу и тост. Когда я ставил еду на кухонный стол, он подливал себе следующую порцию. У меня было не слишком тепло, но на лбу у него выступил пот. Стэн, в ту пору, когда я его знал, много не пил. Однако он сидел передо мной и запивал каждый проглоченный кусок бурбоном. Затем он вернулся в салон, на диван: в одной руке стакан, в другой бутылка бурбона.

— Ты-то что не пьешь? Давай, поддержи компанию. — Он плеснул себе еще и протянул бутылку мне.

Я взял ее и поставил на стол.

— Не люблю бурбон.

— Ну, пей что хочешь, — великодушно разрешил он, махнул рукой в сторону шкафчика с

напитками и расплескал виски из стакана. — Опаньки!

— Я думал, ты уже в Нью-Йорке.

— Послал Саскию вперед. Хотел немного побыть один, — весело сообщил он. — Нужно иногда немного времени для себя. Вечно вместе — это со временем может немного осточертеть. — Тут лицо у него вытянулось, он чуть не всхлипнул. — Боже мой, Робин, ты единственный мой друг, единственный!

У несчастного ублюдка вообще не было друзей.

Он потянулся за бутылкой, снова себе налил. Уже безо льда.

— Стэн, может, кофе?

Он уставился на меня — глаза за толстыми стеклами казались неестественно большими — и попытался презрительно усмехнуться.

— Предпочитаешь бодрствующего пьяницу спящему, да?

— Я бы выпил чашечку. Я все-таки сварю.

Как бы выставить его, пока он еще держался на ногах? Говорить, что уже поздно, было еще рано.

Я вернулся с подносом, где кроме всего прочего было и шоколадное печенье — такой я заботливый хозяин, а он уже пил из горла.

Он взглянул на этикетку.

— «Боевой петух»? Ты что, издеваешься?

Я поставил перед ним чашку, налил кофе.

— Вот, попробуй.

— Отправил ее назад к этому гребаному Джерому, «гребаный» — это и причастие, и вездесущее прилагательное. Выбирать не надо. — Он закрыл ладонями глаза, сложив их так, что они вместе со ртом составили треугольник. — Господи Иисусе! Этот гребаный Джером всегда получал что хотел, ну, и моя жена — не исключение. Да пошла она, сука! Пусть как хотят.

— Стэн, не делись ничем, о чем завтра пожалеешь.

— Я их застукал, Джером на ней — так юнцы отжимаются, у нее глаза в тумане, она повизгивает в экстазе. Я его просто сбросил с этой шлюхи. Он вымелся из комнаты — сам уже визжал. — Он с омерзительным скрипом рассмеялся. — Спрятался в шкафу, гол как сокол, жалкий трус. Я ее здорово отдубасил. Синяк под глазом не просто синий был, а всех цветов радуги с преобладанием темно-желтого и сизого. Послал ее ко всем чертям, суку эту. Надо было там и оставить. — Стэн швырнул очки на стол, потер кулаками глаза — так делают маленькие дети, чтобы не заплакать. — Она, конечно, приползла обратно.

Сказала, что ей нужно трахаться, а я не хочу. Сказала, мы просто трахались, больше ничего. Она решила, что это — оправдание. Измена как лекарство. Да здравствует совокупление! «Давай все забудем», — сказала она. Ну давай, почему бы и нет?

Стэн к кофе не притронулся, взял бутылку, сделал еще глоток.

— Это я делал вид, что не хочу, — продолжал он. — На самом деле у меня больше не встает, с тех самых пор, как я сыграл в героя и схлопотал пулю. Мой верный *штуппер*[210] больше не может *штун*[211]. Так-то вот. «Боевой петух», это ж надо же! — Тут наконец его прорвало, и он разрыдался.

Я не знал, что делать. Был порыв подойти и утешать, но хотелось и отодвинуться с отвращением подальше, оставить все как есть. Я замер, ждал, пока он уймется. Бедняжка Саския не столько была причиной его отчаяния, сколько усугубила его. Он, жалкий человек, в своей слабости накинулся на ту, которая была его физически слабее. А она, преданная душа, отрицала, что он над ней

---

[210] Примечания: 210
Здесь: член (*идиш*).

[211] Примечания: 211
Совокупляться (*идиш*).

надругался. Она скрывала этот позор, даже приписала Стэну чуточку галантности. Я чувствовал, что равновесие нарушается, отвращение к нему пересиливало сочувствие.

Наконец рыдания стихли. Он надел очки и глотнул еще бурбона. Он опустошил бутылку уже больше чем наполовину.

Он шмыгнул носом.

— В физическом смысле с ним все в порядке, это все психология. Старый петух отказывается идти в бой. Имп… Импл… Импор… Просто не встает. Для терапии я слишком стар. Понадобится еще лет двадцать, чтобы с этим справиться.

— Стэн, стоило ли все это мне рассказывать?

— Ты же мой друг, Робин.

— И тем не менее…

— Почему она досталась Джерому? — всхлипнул он. Говорил он уже медленно и не очень членораздельно. — Я все еще хочу ее, хочу эту шлюху. — Он вскинул руки и обратился к потолку: — Саския, любовь моя, о Ссасския!

— Теперь есть таблетки от импотенции. Говорят, действуют безотказно.

Он фыркнул.

— Еще одна шуточка Бога. Пробовал я их. У меня от них понос, голова трещит и сиськи болтаются

как у бабы, больше ни хрена. Ну, и жжет черт-те как, когда мочусь. По десять с лишним долларов за раз — оно того не стоит.

Он раскинулся на диване.

— Я так устал, Робин. Глаза закрываются, надо мне… — И он тут же захрапел.

Я взял бутылку, завинтил крышку, убрал в шкафчик. Что теперь? Я обернулся посмотреть на него, а он как раз резко дернулся, его вырвало — вонючая жижа залила его самого, диван, печенье, — и тут же захрапел дальше. По-моему, он был счастлив.

6

Книга «Сирил Энтуисл. Жизнь в цвете» вышла по обе стороны Атлантики, как раз когда все начинали покупать подарки к Рождеству, стоила 35 фунтов в Англии и 50 долларов в Соединенных Штатах. Цена сама по себе должна была свидетельствовать о важности издания. В Америке у Стэна брал интервью Морти Уолитцер из передачи Пи-би-эс «Город вечером», а это явный признак не только того, с какой серьезностью отнеслись к этой биографии по ту сторону океана, а также того, какие люди были чем-то Саскии обязаны; здесь, в Великобритании, Сирил появился на бибисишной программе «Книги и личности» — а это ясно указывало на недостаток серьезного внимания, которого, по мнению местных *cognoscenti*[212], биография заслуживала, — и отказался беседовать о книге, снова и снова возвращая бедного Пирса Таунсенда к разговору о том, как туго приходится «ХАМАС» и «Исламскому джихаду». «Как мы можем говорить об этом малостоящем жизнеописании, когда в Палестине

[212] Примечания: 212
Знатоки (*ит.*).

мужчины и женщины гибнут ради свободы?»

Франклин Пангборн, старейший из американских искусствоведов, автор давно распроданной монографии «Блумсбери и пределы искусства», а ныне директор Музея изящных искусств в Ошкоше, написал рецензию для «Нью-Йорк таймс». Он цитировал Роберта Скидельски, который назвал биографию «заметками соглядатая, снабженными примечаниями». Пангборн был более милостив: похвалил отдельные удачи в работе Стэна: «Чувствуется, что автора искренне влекут участники основных эротических картин»; «Копс ярко живописует йоркширский Дейлс, каким он представляется в воображении английского среднего класса, и подчеркивает его особую значимость для дихотомии север — юг в английском искусстве», но также указывает на «роковую страсть» автора упорно описывать своего героя в примитивных фрейдистских терминах. «Эдип, вынужден отметить я, это лекало, которое Копс накладывает на героев всех написанных им биографий, что, полагаю, вполне допустимо, когда герой, как Хогарт или Копли, уже не может возразить, но гибельно, когда он жив». Пангборн пенял Стэну: наблюдения соглядатая — даже если все так и было — за тем, что происходило в спальне

Энтуисла, никак не помогают нам лучше понять художника и его творчество. «Для какого читателя Копс пишет? — изумлялся Пангборн. — Какому серьезному студенту-искусствоведу интересно, что за позы предпочитал Энтуисл в сексе? Неужели так трудно нащупать грань, за которой хорошо бы быть поскромнее?»

Пангборн задал тон (или — великодушнее — подал пример тона), который переняли большинство американских рецензентов. Ирвинг Карпф, профессор истории искусств Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, в статье для «Нью-Йорк ревью оф букс» процитировал Филипа Гедаллу: «Биография, как и охота на крупного зверя, известный вид спорта и бывает так же несправедлива, как и спорт». Карпф скомпоновал рецензию на книгу с рецензией на выставку работ английских художников военного времени «В атаку!» в Центре британского искусства в Йейле. Он даже взял на себя труд позвонить Сирилу в Йоркшир, узнать его мнение о биографии. «Черт меня подери! — вроде бы сказал Сирил. — Не читал я эту хрень. Так она что, вышла?»

На этот приведенный в статье ответ тут же последовал отклик Стэна, первый из многих: он цитировал пункты и подпункты соглаше-

ния, заключенного им с Сирилом Энтуислом и издателями. Он заверил читателей книжного обозрения, что Сирил не только получил экземпляр с окончательным вариантом, но и оставил свои замечания, которые биограф принял к сведению. «Сирил Энтуисл и я достигли полного взаимопонимания во время работы над этой биографией. Художник никогда не навязывал свое мнение относительно того, как я трактую его жизнь, никогда не навязывал свое видение событий, однако активно участвовал в создании целого. Я готов предоставить его записанные на пленку или данные в письменном виде ответы касательно окончательного варианта текста. Я не ставлю под сомнение точность изложенного профессором Карпфом, но понять этого не могу. Сирил Энтуисл является, вне всякого сомнения, величайшим английским художником прошлого века, но, увы, он не молодеет. Возможно, его комментарий — следствие забывчивости».

Конечно, вряд ли многие из читателей обратили внимание на опровержение Стэна. Несправедливо? Что ж, это, может, и банально, но по-прежнему верно: жизнь несправедлива.

В Англии отклики были такие же вялые, как и в Америке. Интересно отметить схожесть схемы.

По обе стороны Атлантики рецензент начинает с цитаты, которая задает тон всей статье. Чарлз Буллоу в «Санди тайме» обратился к Вирджинии Вулф: «Пусть биограф запишет точно, целиком и полностью, известные факты без комментариев, ну а уж потом пусть опишет жизнь как вымысел». Далее в статье давалось понять, что в книге «Сирил Энтуисл. Жизнь в цвете» вымысла куда больше, чем фактов. Артур Тичборн начал с Ортеги-и-Гассета: биография — это «система, где противоречия в человеческой жизни объединены». Магнус Финч-Лайонс в «Лондон ревью оф букс» копнул чуть глубже. Он процитировал письмо Райнера Марии Рильке герцогине Ауреллии Галларати Скотти: «У некоторых людей их духовное место рождения совпадает с тем, которое упомянуто в их паспорте, и такое совпадение с внешними обстоятельствами должно дарить неслыханную радость». Аргументы Финч-Лайонса подводили, разумеется, к тому, что немногие подробности жизни Энтуисла, упомянутые в биографии Стэна, соответствовали фактическому человеку, но никак уж не его духовной сущности, что бы это ни значило.

Выдать окончательное суждение о «писателе, который мало понимает в искусстве, а уж хорошо

писать и вовсе не умеет», предоставили Тобиасу Партриджу, редактору почтенного «Арт энд Калчер квотерли», отрецензировавшему биографию в «Таймс литерари саплмент». Партридж начал с Оскара Уайльда. «Нынче у каждого великого человека есть ученики, а биографию его обычно пишет Иуда». От всех остальных критиков — «шакалов-наймитов», как назвал их Стэн в очередном возмущенном письме к редактору, — Партридж отличался оскорбительно-насмешливым тоном.

> Копс применяет к Энтуислу весь фрейдистский арсенал — ему явно невдомек, что гипотеза об Эдипе кошмарного венского доктора давно уже опровергнута. Тяга Энтуисла к стольким женщинам, многие из которых были старше него, подается нам — не сомневаюсь, что Копс при этом совершенно невозмутим, — «безусловно, как тяга к матери и к лону, из которого он появился на свет». Поскольку он не мог в буквальном смысле убить своего отца, он убивал его в выдуманных историях о его смерти то ли в Первую мировую, то ли вскоре после (если он хотел подчеркнуть свое происхождение), пред-

ставляя его офицером и джентльменом или же (если хотел считаться выходцем из рабочего класса, с трудом разорвавшим связывавшие с ним путы) как плебея и чудовище.

И в этот момент Копс, ликуя так, словно сумел превзойти Робин Гуда, с помпой представляет своего кандидата, однорукого пианиста из Сан-Франциско, умершего в 1957 году. Не желая касаться деликатного вопроса об отце Энтуисла — и, осмелюсь сказать, мы не промахнемся, если с уважением отнесемся к очевидному желанию живого художника сохранять касательно этого приватность, — я сам могу уверить читателя, что предположение Копса неверно. Рецензенту не потребовалось особых усилий в области «исследований» (этому слову автор придает почти сакральное значение), чтобы выяснить: Энтуисл, который играл на пианино в каком-то сомнительном баре в Сан-Франциско, родился в Ланкашире, а не в Йоркшире, и что звали его Джордж, а не Джайлз.

Далее Партридж рассказывает, что знает Энтуисла более сорока лет и что хоть и не решился бы назвать их отношения дружбой, поскольку они слишком часто расходились в мнении по профессиональным вопросам, однако он с огромным уважением относится к его таланту. Энтуисла, пожалуй, нельзя вписать в схему линейного развития английского искусства XX века, но истоки его творчества — оттуда; он буен, уникален, эксцентричен, однако безусловно принадлежит этому времени и месту. Копс, утверждал Партридж, явно глух к созвучиям души этого удивительного художника. Далее Партридж писал, что не смог узнать «в этой огорчительной биографии» ни Энтуисла, ни его работ.

Рецензия Партриджа вызвала поток писем, которые редактор публиковал шесть недель, но затем прекратил. Во многих письмах имелись добавления к едким замечаниям Партриджа. На большинство из них Стэн отвечал, пытаясь хоть как-то защититься от обрушившейся на него критики. Однако он был вынужден признать, что Партридж прав касательно сан-францисского Энтуисла, он сделал «непростительное» допущение, что Дж. Энтуисл — это Джайлз. Исправления внесут в следующее издание, если таковое будет.

Было ясно, что книга Стэна скоро отправится на столы нераспроданных остатков, мертворожденное дитя, не так зачатое, не так выношенное. По иронии судьбы в ней было слишком много об искусстве, поэтому она не представляла интереса для тех, кого могла заинтересовать книга, написанная человеком, в которого стреляли в порнопритоне, о человеке, признанном блядуном мирового уровня. В крупных книжных сетях ее уже предлагали с пятидесятипроцентной скидкой. Пытаясь как-то окупить вложенные деньги, английский издатель Стэна уговорил старого однокашника по Харроу, имевшего влияние на Би-би-си, свести Стэна и Сирила в получившей множество премий литературной программе «Сверстано», которую вел светский лев Алистер Рэли. Это был чудовищный провал, биографию там заклеймили окончательно, а автор натерпелся унижений. Сирил к тому времени уже решил отречься от Стэна.

Все происходило в обычных декорациях программы: залитый теплым светом уголок некой воображаемой, но богатой библиотеки, с полками, заставленными старинными книгами в прекрасном состоянии. Алистер Рэли и его гости сидели в глубоких кожаных креслах, перед ними

— изящный низенький столик эпохи королевы Анны, на сверкающем серебряном подносе хрустальный графин с тремя бокалами и, разумеется, книга «Сирил Энтуисл. Жизнь в цвете».

Камера пошла от Рэли — тот поприветствовал гостей — сначала к Сирилу: он сидел, гордо расправив плечи, одетый, как подобает сельскому джентльмену, в твидовый костюм и клетчатую рубашку с расстегнутым воротом. Камера помедлила на его дрожащих и трясущихся руках и двинулась дальше, к лицу — в старости оно стало благородным и монументальным, но словно застывшим. Камера перешла к Стэну, цирковой обезьянке Тимоти, хотя обезьянка была наряжена в сшитый на заказ серый двубортный костюм с галстуком из плотного алого шелка. Кресло, в котором он сидел ссутулившись — пытаясь, видимо, так изобразить непринужденность, поглотило его, однако по лукаво-елейному выражению его лица было понятно, что он нервничает.

Контраст между этими двумя людьми был разительный. Каждый, похоже, решил не замечать присутствия другого. Я смотрел передачу в телевизионной комнате на цокольном этаже клуба «Реформ», со стаканом «Макточиса» в руке. И словно слышал запах враждебности — он

будто пропитал атмосферу уютной библиотеки. Однако Рэли — опытный интервьюер. Он задал Стэну несколько невинных вопросов, на которые тот начал отвечать, дал ему возможность сказать несколько хорошо отрепетированных слов о том, как он счастлив и горд, что ему выпала честь работать над биографией этого великого художника. Пока Стэн разглагольствовал, камера ненадолго обратилась к Сирилу — показать его реакцию. И поймала человека, разглядывающего потолок с таким видом, будто он сидит в церкви и ему нестерпимо хочется помочиться, но он не может встать, пока викарий не закончит проповедь. Публика в студии, заметив его гримасы, захихикала.

Рэли повернулся к Сирилу:

— А почему вы выбрали профессора Копса, мистер Энтуисл?

— Ладна тебе, Алистер. Ты мож'шь и лучше. Давай, с'берись.

Сирил, чувствовавший себя в телестудии как дома, подмигнул в камеру. Он говорил с густым йоркширским выговором, что сигнализировало: скандал неминуем.

— Хотите сказать, не вы его выбрали?

— Эт'го? Чтоб я, да такого тупого гнома?

Дум'ешь, я с'всем того?

Сначала аудитория в студии охнула, а потом разразилась смехом, перешедшим в хохот, когда Сирил приставил правый большой палец руки к носу, а левый — к правому мизинцу и помахал всей этой конструкцией несчастному Стэну.

Камера запечатлела лицо Стэна — такое лицо всем начинающим художникам можно было бы показывать в качестве примера сильного потрясения. Челюсть у Стэна упала, глаза вылезли из орбит, правой рукой он схватился за сердце, словно боялся, что оно выскочит из груди. Выражение лица падшей женщины на «Проснувшейся совести» Холмана Ханта, картине, с которой десятки лет назад Стэн начал набеги на жизнь английских художников, выражение столь непереносимое, что первый владелец просил художника смягчить его, так вот, это было ничто по сравнению с лицом Стэна.

Что до Рэли, то камера показывала нам человека, разрывавшегося от сознания того, что он теряет контроль над передачей, и в то же время понимавшего, что эта сцена обеспечит ему посмертную славу, что это — знаменательный момент в истории телевидения и, быть может, в истории искусства. Его можно было поставить

рядом с тем моментом в беспощадном интервью Мартина Башира с принцессой Дианой в 1995 году. Он осторожно попробовал продолжить:

— А если не профессор Копс, то кто?

— Сопляк, что написал про Освальда Мосли[213] и Эньюрина Бивена[214], парень из Йоркшира, Фредерик Купер, так? Короче, он самый. Фред Копс/ Фред Купер. Ошибиться легко. Кто-то скажет, я сам виноват. Я что, знал? Ну да ладно. Меня и корите.

— Так вы изначально хотели пригласить Фредерика Купера писать вашу биографию?

— Ага. — Сирил снова подмигнул на камеру, и зрители снова засмеялись. — Купер — имя-то получше, чем Копс.

Стэн больше был не в силах сдерживаться. Он вскочил.

— Лжец! Лжец! Лжец! — заверещал он.

Судя по растопыренным скрюченным пальцам, он готов был вцепиться Сирилу в глотку. Но Рэли тоже поднялся и встал между ними.

— Джентльмены, джентльмены!

---

[213] Примечания: 213

Освальд Мосли (1896–1980) — британский политик, основатель Британского союза фашистов.

[214] Примечания: 214

Эньюрин Бивен (1897–1960) — британский политик-лейборист.

— У меня сохранилась переписка! — вопил Стэн. — Есть аудиопленки! Блокноты с моими записями! Он, блядь, лжец!

Тайнен[215], по легенде, грязно выругался несколько десятилетий назад, с тех пор ругаться на английском телевидении стало делом обычным, но никто раньше не ругался на программе «Сверстано» — кроме тех случаев, когда гость цитировал свое или чужое творение. Так что это было не столько *infra dig*[216], сколько неожиданно.

— Ооо-ох, — пронеслось по залу.

— Надеюсь, мы способны вести цивилизованный разговор, — примирительно сказал Рэли.

Сирил так и сидел с невинной улыбкой на лице.

Наверное, эта улыбка Стэна и доконала.

— Он лжец, подлый лжец! — кричал он. — Чего вы добиваетесь, Энтуисл? Что вы против меня имеете, скажите Христа ради!

— Профессор Копс, я… — начал Рэли.

---

[215] Примечания: 215

Кеннет Тайнен (1927–1980) — английский театральный критик, борец с цензурой, известный свободой нравов. Считается, что он первым произнес на английском телевидении слово *fuck*.

[216] Примечания: 216

Сокращенное от *infra dignitatem*, ниже достоинства (*лат.*).

— *Христа* ради, профессор Копс? Что вы имеете в виду? — почти ласково спросил Сирил.

— Идите вы все к черту!

Стэн на самом деле топнул ногой — об этом мы обычно читаем, но никак не рассчитываем увидеть воочию. Затем он круто развернулся и выбежал из студии.

Скандал. Затемнение. Двенадцать минут, отведенные на Сирила и Стэна, сократились до четырех. Алистер Рэли плавно перешел к следующему гостю, представив Тарика Шанаба, автора «Крикл-вуд, дом 9», романа о мигрантах, уже считавшегося серьезным претендентом на «Букера»; писатель получил на свою трепотню на восемь минут больше. Что ж, повезло.

* * *

Саския позвонила мне на следующий день из отеля. Она была в Лондоне со Стэном, он приехал ради интервью на Би-би-си, но в студию ее с собой не взял. Он считает, что от нее одни беды, сказала она. Что она приносит ему несчастье. По голосу чувствовалось, что она вот-вот заплачет. Он велел ей смотреть выступление по телевизору, в номере.

— Робин, ты видел?

— Он рядом?

— Нет.

— Да, видел. Это был перебор. Энтуисл, когда захочет, ведет себя как сволочь. Но Стэн зря так распсиховался. Попался в ловушку. И выставил себя дураком.

— Господи, ты на чьей стороне-то?

— Это я порекомендовал Стэна Энтуислу. Ты об этом знала?

— Вот молодец! Наконец решил рассказать!

— Очевидно, это была ошибка.

— Я его предупреждала. Сказала: «Ты никогда еще не писал о живых людях. Это требует других навыков, у тебя не будет времени ими овладеть». Это было еще до того, как я узнала, каким мерзавцем может быть Энтуисл. Но ты же знаешь Стэна. Он стал корчить из себя маститого ученого, мол, опытному исследователю все по плечу. Пара пустяков. И все такое. Конечно, главным искушением были деньги. Наконец-то хороший куш. Но на самом деле все было не для денег ради денег. В его сознании, сознании неуверенного в себе мальчика, деньги значили одно — успех! «Смотри, папа! Ты ведь и не думал, что я пробьюсь, да?» Он так и не сумел это преодолеть. Какая горькая ирония: преданный последователь Фрейда, а сам

— воплощение расхожего клише из арсенала Адлера[217]: комплекс превосходства, маскирующий комплекс неполноценности. Он рычит как лев, но в глубине души считает себя червем.

Так что обсуждать договор было поручено мне. «Саския, загони этого гада в угол. Чтобы пошевелиться не мог. Смотреть может, а трогать — нет. Все права остаются за мной. Давай, Саския, действуй». И я действовала. Теперь, разумеется, я во всем и виновата. — Голос у нее задрожал. — Всё к чертям, всё…

— И где он сейчас?

— Господи, откуда я знаю! Наверное, где-нибудь над Атлантикой. Может, уже в аэропорту Кеннеди.

— Ты хочешь сказать, что он сбежал, бросив тебя здесь?

— Можно и так выразиться.

— Саския, нам надо поговорить. Не так, не по телефону. Где ты остановилась? Я за тобой заеду. Сходим поужинать.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Идея отличная! Скажи, где ты живешь.

---

[217] Примечания: 217

Альфред Адлер (1870–1937) — психолог и психиатр, создатель системы индивидуальной психологии. В начале карьеры примыкал к кружку Фрейда, но затем они рассорились.

Она сказала.

Саския была в темных очках, на щеке — синяк. Она все время пыталась от меня отвернуться.

— Он снова тебя бил? Вот подонок!

— Все не так страшно, как кажется. У меня синяки от любого прикосновения. А у него силы уже не те. Ну, после ранения. Правда, до этого он меня не бил.

Саския расплакалась. Я обнял ее, она, всхлипывая, прижалась ко мне.

Мы были в ее номере в «Годолфине» на Понтстрит. Когда она немного успокоилась, я подвел ее к креслу, она села — крохотная фигурка, пытающаяся исчезнуть. Я снял с нее темные очки, она снова попыталась отвернуться. Я взял ее за подбородок и заставил посмотреть на меня. Ее левый глаз почти не открывался, веки и щеки бледные, опухшие.

— Не смотри на меня.

— Почему? Я люблю тебя, Саския.

Я в этом не силен. Я не пишу сентиментальных сцен, в своих романах я их избегаю. Но когда мы оказываемся в реальной жизни, в обстоятельствах, заставляющих нас думать, что мы герои романтической пьесы, или фильма, или романа, я подозреваю, мы начинаем подавать соответству-

ющие реплики. И не то чтобы мы неискренни. Просто наши реплики написаны за нас.

Мы заказали ужин в номер. Выходить куда-нибудь было незачем.

— Саския, ты должна с ним расстаться, и ты это прекрасно понимаешь.

— Понимаю.

— Это надо сделать немедленно.

— Все не так просто. Я перед ним в долгу. Разве он может простить меня за Джерома? Не может. И я не жду этого. Мы женаты почти тридцать лет, Робин. Он рассказывал мне обо всем — о своих страхах, о надеждах. О самом сокровенном. Раскрывался передо мной до конца. Знаешь, чего он боится больше всего? Разоблачения. Что в один прекрасный день мир поймет, что он не великий ученый, каким его считают, а подделка. И какими бы почестями его ни награждали, этот день близится. Теперь он думает, что этот день настал. Вот сейчас. Мир смеется над ним. Он хочет смерти. Как скоро его коллеги узнают, что сказал Энтуисл? У него такая тонкая кожа, она рвется в клочья. Он истекает кровью. Поверь, он не перенесет такого позора.

Он был когда-то как обезьяна, помешан на сексе: наверное, я избаловалась. А потом это

ранение, и для него все закончилось — больше никакого секса. Опять позор. Джером, бедняга, только удовлетворял мою нужду. Это был не роман, а просто секс. Да, но я не имела права, никакого права. Господи, ведь я же не животное. Поэтому он меня и бил. Робин, ты понимаешь, в чем дело? Брат украл у него не только любовь родителей, он и жену украл.

— Все равно ты должна с ним расстаться, — сказал я.

— Он страдает. У него глубокая депрессия. Я должна помочь ему это пережить.

— Хорошо, но обещай, что потом ты с ним расстанешься.

— И что тогда? Я не хочу оставаться одна. Дело ведь в том, что в моем возрасте я малопривлекательный товар.

— Саския, для меня — привлекательный. *Прошу тебя.* Давай не упустим это. Баркис не прочь[218].

Саския, я хотел лишь ее, причем не только в сексуальном смысле, хотя и в нем, конечно, тоже. Главное — я хотел провести остаток жизни с ней. Я любил ее. Так уж получилось. Я стал сенти-

---

[218] Примечания: 218

В романе Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» поклонник няни главного героя при всех обстоятельствах неизменно повторяет эту фразу, предлагая ей таким образом руку и сердце.

ментален и, что еще хуже, не стыдился этого. У меня было такое чувство, будто мы с Саскией всю жизнь танцевали какой-то величавый танец, например, сарабанду, меняли партнеров, когда танец этого требовал, но только для того, чтобы соединиться на последней, самой торжественной части.

Той ночью мы спали вместе, в буквальном смысле. Мы просто спали вместе, в невинных объятьях. Утром мы занимались любовью, но тоже невинно, без буйства, как полагается людям нашего возраста.

— Ты должна с ним расстаться.

Это стало моей мантрой.

— Обязательно расстанусь, дорогой. Обещаю. Но сначала мне нужно к нему поехать.

Я проводил ее в Хитроу и нехотя оставил там.

* * *

Когда это было? В 1944 году? В 1945-м? Мы тогда жили в Харрогейте, значит, война еще не кончилась. Подполковник сгинул где-то над Руром, и бедной мамуле снова понадобился муж. Я же был отчаянно влюблен в Валери Тауз. Она была дочкой нашей кухарки Эви, носила короткий рыжий вязаный сарафан, и когда прыгала через

скакалку, были видны ее небесно-голубые фланелевые панталоны. О, эти панталоны! Весь класс сидел на полу вокруг мисс Манди, и она читала нам вслух. «Ветер в ивах» или сказки Киплинга, что-то в таком духе. Я сидел позади Валери Тауз. В тот раз я позволил своим пальцам прогуляться от моих коленок до краешка ее вязаного сарафана. Потихоньку я подсунул пальцы под подол. Восторг и страх — я нащупал ткань ее панталон. Экстаз! Мое маленькое извращение никто не заметил, даже Валери.

Она играла со мной всегда, когда Эви приводила ее с собой, вполне радостно, но мной она особо не интересовалась. А интересовалась Майклом Кингом, главным хулиганом класса, Король Майкл — он требовал, чтобы мы так его называли. Как-то я предложил ей показать друг другу наши штучки, но она сказала, что уже видела штучку Короля Майкла и у девочек штучки поаккуратнее.

Однажды Валери нашла в саду раненую птицу, птенца малиновки со сломанной ногой. Она наложила ему шину из спичек, поила водой из пипетки, кормила червяками, которых собрала на навозной куче. Приходила к птенчику каждый день. Вопреки всему птенец выжил. Она сплела ему из веток чудесное гнездо — почти как насто-

ящее, и укрепила его на ручке газонокосилки.

Как-то раз мы поссорились. Уже не помню, из-за чего. Я стоял на заднем крыльце, в руке у меня был кусок угля, который я принес с кухни. До гнезда было несколько метров. Я никогда не отличался особой меткостью. Валери неслась к гнезду. Я кинул кусок угля. И попал в птенца. Я его убил. Валери схватила трупик, выронила его из рук и убежала в слезах.

Был ли я виноват, спрашиваю я себя. Хотел ли я убить птенца? Нет, конечно. Я хотел хоть как-то досадить Валери, которая досадила мне. Да, я целился в птицу. Но шансы попасть в нее, как я прекрасно понимал, были практически равны нулю. Безусловно, удалось мне это только благодаря вмешательству какого-то злокозненного божества. Но все-таки, целился в птицу. Что мы скажем о невозмутимом игроке в гольф, который попадает в лунку с одного удара? Что это удача? Он же целился в лунку.

Я задаю эти вопросы, потому что пытаюсь понять, что произошло на восемнадцатом этаже дома на Сентрал-парк-Вест в Нью-Йорке. Там был не кусок угля и не мячик для гольфа, а маленькая статуэтка ацтекского бога, сувенир, который Стэн и Саския привезли из Мексики. Очень гладкая

штучка, почти шар, на вид и на ощупь — как из мрамора, светло-зеленая.

После того как Стэн застал Саскию в постели с Джеромом, после того как муж с женой помирились, они продали дом в Вестчестере и купили квартиру на углу Сентрал-парк-Вест и 70-й, с видом на парк. Именно в эту квартиру сбежал Стэн, когда его унизили в Лондоне, в эту квартиру вопреки здравому смыслу последовала за ним Саския, чтобы поддержать и утешить.

Этот дом — достопримечательность Манхэттена, один из самых больших и роскошных. Стены там толстые. Однако соседи Копсов рассказывали полиции, что ссора была слишком уж бурной, шум был слышен и в их квартире, гости, собравшиеся на ужин, были встревожены, бесценная ваза эпохи Мин на *étagère*[219] дрожала. Визги, крики, стук, грохот — такого обычно на углу Сентрал-парк-Вест и 70-й не услышишь.

И вот что я пытаюсь понять, вот о чем все время думаю — о том, понимал ли Стэн, что делает, когда схватил фигурку ацтекского бога. Она, наверное, легко легла в руку — размером она была с софтбольный мяч, удобного веса. Позже мы знали

---

[219] Примечания: 219
Этажерка (*фр.*).

— в результате коронерского расследования, — что Стэн последнее время пребывал в глубокой клинической депрессии. Он находился на медикаментозном лечении, его пытались взбодрить прозаком, однако свидетельства психологов показали, что, будучи глубоко, так сказать, *de profundis*[220] подавленным, он не принимал лекарства. Его отрадой была супруга, которая старалась помочь ему избавиться от демонов, но не сумела их победить.

Когда он схватил фигурку ацтекского бога, когда взвесил ее в руке, когда метнул ее что было силы через огромную гостиную в голову Саскии, рассчитывал ли он попасть в цель? Я не могу в это поверить. Не могу поверить, что даже в приступе безумия он желал ей зла. Он размозжил ей череп — так, как если бы стукнул пестиком по яйцу чибиса. Смерть была мгновенной.

Все, что мы знаем — это только предположения, попытка восстановить ход событий. Однако, по-видимому, поняв, что он сделал с Саскией, Стэн так взвыл, что соседи и их гости вздрогнули и забыли про десерт. Затем он распахнул окно гостиной и нырнул головой вниз на мостовую

---

[220] Примечания: 220
Из глубины (*лат.*).

восемнадцатью этажами ниже, пробив навес, защищавший прибывавших и убывавших жителей и гостей от погодных неурядиц и едва не сшиб швейцара, но форму ему все-таки забрызгал.

Но было ли у него намерение ее убить? Нет, не было, не могло быть. Он просто сорвался, только и всего.

* * *

Майрон Тейтельбаум позвонил мне из Нью-Йорка. Слышал ли я новости? Я слышал. После скандала на «Сверстано» журналисты следили за всем, что связано со Стэном. История о женоубийце, покончившем с собой, заполонила все газеты, и серьезные издания, и таблоиды по обе стороны Атлантики. В Нью-Йорке газета, чей заголовок на всю полосу некогда сообщил миру «ПРОФЕССОР ПОЛУЧИЛ ПУЛЮ В ПОРНОПРИТОНЕ», теперь объявила: «ГЕРОЙ-ПРОФЕССОР УБИЛ ЖЕНУ И СЕБЯ». В «Нью-Йорк таймс» ученый, ведший там постоянную колонку, рассуждал, сыграло ли роль требование публиковаться, которое университеты предъявляют без разбора всем своим научным сотрудникам, в этой «самой свежей и самой горестной трагедии в ученом мире».

В Великобритании эта история, разумеется,

имела резонанс прежде всего потому, что была связана с Сирилом. Журналисты жаждали интервью. Клер с успехом им всем давала отпор. Это известие глубоко тронуло ее мужа. «Вы, конечно же, не будете нарушать его покой, ему нужно время прийти в себя». В конце концов Сирил выступил с заявлением. «Печальный конец карьеры, которой, как мне говорили, многие завидовали. Нам не дано знать, какие мучения вынудили Стэна Копса совершить два столь ужасных поступка, и мы не осмелимся его судить. Мы с женой приносим искренние соболезнования родственникам». Сообщив это, Сирил и Клер на некоторое время исчезли из поля зрения, впрочем, мне Клер оставила сообщение на автоответчике, приглашала присоединиться к ним на выходные в Сан-Бонне-дю-Гар.

История тем временем продолжала занимать публику, хоть интерес и стихал. В «Таймс» Тандерер громогласно осуждал бездушных рецензентов, которые употребляют свою власть во зло, и привел небольшой исторический экскурс начиная с поэта Публия Стертиния, который бросился с Тарпейской скалы, когда Децидий Сакса позволил себе насмехаться над его стиха-

ми, затем перешел к Чаттертону[221], «чудесному юноше», «Адонису» и к «Английским бардам и шотландским обозревателям»[222], после чего резко перескочил к вопросу: «А что же насчет Стэна Копса? Рецензент обязан честно высказаться о книге, которую рецензирует. Но он не имеет права подвергать автора вивисекции. *Ad librum sed non ad hominem*[223]». Тандерер был не слишком силен в латыни.

Майрон, судя по голосу, искренне переживал. Он только что вернулся из часовни в Ривербэнке, где одновременно, на разных этажах, проходили поминальные службы по мужу и жене.

— Как будто переключаешься с одного телеканала на другой, лапонька. Полный кошмар, просто как пьеса Ортона[224]. Скорбящие бегали с третьего этажа на четвертый и обратно. Я сейчас

---

[221] Примечания: 221

Томас Чаттертон (1752–1770) — английский поэт. Не получив признания, отравился мышьяком.

[222] Примечания: 222

Сатира Дж. Г. Байрона, в которой поэт высмеивает редакторов «Эдинбургского обозрения».

[223] Примечания: 223

К книге, а не к человеку (*лат.*).

[224] Примечания: 224

Джо Ортон (1933–1967) — английский драматург, которого убил его сожитель.

не в форме, едва успевал дыхание перевести. Бедняга Джером, вот кого мне жалко. Ты же знаешь про Джерома и Саскию? Он не знал, о ком рыдать, то ли о брате на четвертом, то ли о любовнице на третьем. Речи говорил и там, и там. — Майрон ненадолго умолк. — Я говорил на четвертом. Как коллега и самый старый друг, да, дорогуша, ты не ослышался, «самый старый»: что ж, этот говнюк помер, как иначе? *De mortuis*[225] и все такое. Похороны его, ясно тебе? Ты уж меня строго не суди, я счел, что следует сказать несколько слов.

Джейк не появился. Ходят слухи, он не в силах вынести позора. Вот и прячется. Его родной папочка убийца и самоубийца! Как такое проканает в его рафинированной юридической конторе? К тому же Джейк так и не простил отца за то, что он бросил Хоуп, и винил Саскию за то, что та развалила семью. Кстати, о Хоуп: она тоже была, на четвертом. Может, я ошибаюсь, но она показалась мне чуточку слишком радостной — для такого-то события. Да, помнишь Филлис Рот, сестру Хоуп? Она тоже отметилась, в обоих залах. Боже ты мой, она разжирела как свинья, даже Хоуп такой толстой никогда не была, про-

[225] Примечания: 225
О мертвых (*лат.*).

сто необъятная тетка, стриженая как лесбуха, и седые усики пробиваются. Ты ведь знал, что она трахалась с обоими, и со Стэном, и с Саскией, да? Робин, должен тебе сказать, это утречко меня достало. Может, потому что это Ривербэнк. Ну, вот это все: прохлада, приглушенный свет, тихие голоса, темная одежда, красные глаза, бледные лица, везде скорбящие, гробы, ермолки, нанятые раввины, изрекающие жуткие банальности, а затем с облегчением переходящие на молитвы на иврите, которых никто не понимает. Может, это мне напомнило, что и я смертен. Я этого ублюдка никогда не любил, ты же знаешь. Но никогда не пожелал бы ему такого… Нет, только не так. — Майрон всхлипнул, сглотнул и закашлялся.

Ирония судьбы: вследствие смерти Стэна и его скандальной известности продажи книги «Сирил Энтуисл. Жизнь в цвете» выросли настолько, что в Америке готовят новый тираж, 200 тысяч экземпляров. Здесь, сообщил мне Тимоти, продажи тоже поднялись, возможно, будет второй тираж.

* * *

На следующий год, незадолго до стремительно надвигавшейся годовщины рождения Христа,

премьер-министр занес в протокол парламентских заседаний имена двадцати трех новых рыцарей и четырех пожизненных пэров. Несмотря на уверения партийного большинства в обратном, многие полагали, что по меньшей мере шестнадцать новых рыцарей и, возможно, трое из новых пэров — а присвоение им титулов было уже, считай, делом решенным — удостоились такой чести, возможно, не столько за вклад в развитие страны, сколько за вклад в казну правящей партии. *Plus ça change*[226], а? Четвертый новоиспеченный барон, человек, ни гроша не давший ни одной политической партии, единственный из всех, кто действительно обогатил британский народ, не только обычного, но и необычного человека (а также, как нынче требуется говорить, обычную и необычную женщину), был Сирил; он уже не тот радикал, который десятилетия назад дважды отказывался от рыцарского звания, а почтенный гражданин, знающий, чего стоит. Лорд Энтуисл из Дибблетуайта, черт подери!

---

[226] Примечания: 226

Чем больше все меняется (*фр.*). Начало поговорки *Plus ça change, plus c'est la même chose*, буквально: чем больше все меняется, тем больше остается прежним.

Повсюду на этом царственном острове[227] Сирил был известен как «личность», человек, чьи противоречивые высказывания медиамагнаты если и не уважали, но во всяком случае жаждали публиковать. Он сам был человек обычный, о чем свидетельствовал его (нарочитый) выговор, и самое прекрасное — он был отмечен печатью гения, и его сияние озаряло наши тусклые жизни. Правящая партия выбрала его не столько из почтения к его безусловным талантам, сколько прислушиваясь к мнению народа, полюбившего его телевыступления. Он стал неуязвимой фигурой, как Вера Линн[228] или Уилфред Пиклз[229], современником которых он был.

Клер написала мне, пригласила в палату лордов, где должно было происходить «присвоение звания». (Она, разумеется, имела в виду «представление». Но разве можно ожидать от француженки, что она будет разбираться в таких тонкостях.) Ему будет приятно, если я там буду,

---

[227] Примечания: 227

У. Шекспир, «Ричард II». Акт II, сцена 1. Перевод Мих. Донского.

[228] Примечания: 228

Вера Линн (р. 1917) — английская певица, награждена орденом Британской империи.

[229] Примечания: 229

Уилфед Пиклз (1904–1978) — английский актер и радиоведущий.

сказала она. Мне же прекрасно известно, что я ему как сын.

После смерти Саскии я избегал Сирила, винил его в своей утрате. Но даже я понимал: если Сирил и был виноват в том, что, во-первых, обратился к Стэну, а в-последних, что довел его до белого каления, не меньше виноват был и я, тот самый Макиавелли, из зловредности решивший свести их вместе. И все равно я его винил. Похоже, имел место непреодолимый разрыв между справедливостью и чувствами, между признанием моей ответственности за трагическую гибель Саскии и оправданием Сирила. К тому же причины любого события, будь возможность отследить их истоки, в конце концов привели бы в Эдем, а если не в Эдем, то к тому первичному бульону, в котором, как сейчас некоторые считают, зародилась жизнь на Земле.

Нужно, конечно, принять во внимание и цепи причин, руководивших Стэном, Саскией, Сирилом и мной. То, что сошлись воедино четыре эти линии, дает *folie à quatre*[230], что освобождает от ответственности всех, поскольку один, двое или трое из четверых не могут взять вину лишь на

[230] Примечания: 230
Безумие на четверых (*фр.*).

себя. Но это все — уход от очевидного. А очевидно то, что Сирил преднамеренно вывел Стэна из себя, вследствие чего Стэн — умышленно или нет — убил Саскию, свою жену.

С другой стороны, Клер мне в общем-то нравилась, а ей, думаю, нравился я. Она считала своим долгом не только потакать желаниям Сирила и следить за его здоровьем, при том, что эти две обязанности иногда были взаимоисключающими, но и удерживать его, если удавалось, от особенно грубых выходок. В отличие от мужа она не страдала мракобесием и с гордостью рассказывала о далеком предке-сефарде, ученике Спинозы и последователе Монтеня. Но она была околдована талантом Сирила и яростно оберегала его личное пространство и покой. Она очень расстраивалась тем, как его пожирает болезнь, которую она распознала и от которой он дерзко и глупо отмахивался.

За его плечами были восемьдесят с лишним лет. Эта бывшая сиделка, намного моложе мужа, была готова к тому, что сотворит с ним старость. Но в нем была энергия, не соответствовавшая возрасту, мужская мощь, от которой плавились ее чресла. Теперь он уже не мог скрыть дрожь в пальцах, гладивших ее грудь, не мог без ее помо-

щи выйти из «роллс-ройса». Клер хотела только, чтобы Сирил был счастлив, и она предполагала, что мое присутствие на его представлении пэрам этому поспособствует. Ну что ж. Ради нее я туда и отправился.

Наша группа поддержки была до обидного мала. Кроме меня присутствовали Клер и ее кузина Бетт, которую я видел однажды: у нее был успешный ресторан в Авиньоне, «Ла Гренуй Фарси», а из, скажем так, «допущенных в Сан-Бонне-дю-Гар» — Тимоти, охочий до всяких церемоний, и Бэзил Мадж, бывший жокей, который чуть было не стал сэром Бэзилом Маджем, но расположенное к нему правительство пало в тот самый день, когда он объявил, что уходит на покой. Мне стало немножко жаль Сирила. Неужели Клер смогла собрать лишь такую группку, даже не *coterie*[231], засвидетельствовать, как ее мужа избирают?

Действо началось. Церемониймейстер с черной булавой и герольдмейстер ордена Подвязки шли во главе процессии в палату, являвшую собой китчевое викторианское представление об архитектурной роскоши древних времен, где собралось множество лордов. За ними следовал

---

[231] Примечания: 231
Клика (*фр.*).

Сирил, Сирил в инвалидной коляске, которую слаженно катили вперед два поручителя. Я вопросительно посмотрел на Клер. Она кивнула, покачала головой: да, мол, она предупреждала меня, что ожидать. Только она не предупреждала.

Мы сзади наблюдали, как они приближаются к месту лорда-канцлера, все трое были в парламентских мантиях и диких парламентских головных уборах. Сирил должен был опуститься на колени перед лордом-канцлером и представить ему королевское предписание. Поскольку он был в инвалидной коляске, его от этой обязанности освободили, и лорд-канцлер сам встал со своего трона и забрал предписание. Герольдмейстер, еще бодрый мужчина, подскочил и протянул лорду-канцлеру жалованную грамоту Сирила. Чтец огласил содержание этих документов, и Сирил, скорее, «торжественно подтвердил», нежели дал клятву, принося присягу верности, а затем подписал свиток. Его не отправили на скамью, соответствующую его новому титулу, избавили от необходимости вставать с нее три раза, снимая всякий раз шляпу и кланяясь лорду-канцлеру. Лорд-канцлер сам снова встал с трона и пожал руку Сирилу. Какие приветственные слова он говорил, мы не расслышали. По палате

пронесся ропот одобрения.

Затем процессия двинулась в обратном направлении, к выходу. И только тут я как следует разглядел Сирила. Голова его постоянно клонилась влево. Тремор был очень заметен. Выглядел он старее Мафусаила и куда слабее. Ухудшение было резким. Вся моя неприязнь к нему испарилась. Как это жестоко, думал я, пожаловать пожизненный титул человеку, чья жизнь практически закончилась, человеку уже на краю могилы.

Но нам был подарен еще один знаменательный момент — мы увидели знакомого Сирила перед тем, как он исчез из нашего поля зрения. Он чихнул, и от крыла носа к углу рта потянулась желто-зеленая сопля. Он поднял руку и рукавом парадного одеяния утер нос. Затем посмотрел на нас, оскалился в усмешке, и его новая верхняя челюсть выпала — на нижнюю губу. Дрожащий большой палец, который он вскинул вверх в знак победы, теперь потянулся ко рту. И Сирил исчез из виду.

Не стоило огорчаться, что нас собралось так мало на торжественную церемонию в палате лордов. Клер всех нас поблагодарила и извинилась: ей придется немедленно нас покинуть, она

должна вместе с Сирилом ехать в Королевскую академию, где устраивали в его честь роскошный банкет, на котором ожидались принц Уэльский и премьер-министр. Думаю, и так понятно, что ни я, ни другие свидетели церемонии в палате лордов приглашены не были.

С другой стороны… Сегодня утром курьер доставил из Дибблетуайта тщательно упакованную посылку от лорда Энтуисла, к которой прилагалась записочка от леди Энтуисл. «Сирил подумал, ты захочешь это иметь. С любовью, Клер». «Это» оказалось великолепным карандашным рисунком — Саския, обнаженная, но обнаженная молодая Саския, Саския-красавица, какой она была много-много лет назад, когда я впервые увидел ее на лондонской вечеринке. Это был восхитительный набросок, сделанный в манере Энгра и в подражание ему, Саския в позе раздетой «Мадам д'Оссонвиль», но с выражением лица, лукаво намекавшим на чувственное наслаждение. Сирил подписал его. Я посмотрел на обратную сторону. Там он написал: «Мисс Саския Тарнопол, Челси, 1968, С. F.». Последние две буквы — сокращение от *Cyrrilus fecit*[232], была такая шутка для своих

[232] Примечания: 232
Сирил сделал (*лат.*).

— он их ставил, если переспал с моделью.

Сирил, конечно же, был прав. Я действительно «хотел это». Больше, чем хотел: я был ошеломлен тем, что теперь это принадлежит мне. Это порождало тысячи фантазий, потому что, обладая ее изображением в молодости, я чувствовал, что обладал ей и тогда, когда, как сказал поэт, «на коже нежной горит румянец юности мятежной»[233]. У меня буквально слезы подступили к глазам. Но Сирил — хитрый гад, сделал доброе дело, намереваясь меня наказать. Как он умудрился затащить ее в постель в то время, когда она была безумно влюблена в Теренса Аддо, студента из Ганы, «чернокожего Адониса»? Как получилось, что она даже не намекнула, что знала Сирила раньше, когда я впервые упомянул его имя в клубе «Реформ» — когда они с разводившимся Стэном приехали в Лондон отдохнуть от жизненных сложностей, или когда много лет спустя, в Коннектикуте, мы стояли вместе перед портретом Полли Копс? И когда именно Сирил понял, что Саския для меня что-то значит? Явно же его щедрый подарок как минимум должен был продемонстрировать, что он трахал ее раньше, чем я. Но трахал ли? Или

[233] Примечания: 233

Строки из стихотворения Эндрю Марвелла (1621–1678) «К стыдливой возлюбленной». Перевод Г. Кружкова.

это была очередная игра с историей? Может, он просто пририсовал по фотографии ее лицо к телу одной из дибблетуайтских моделей? А запись на обороте — это всего лишь издевка?

Элементарная вежливость требовала, чтобы я связался с Сирилом. Может, оно было и к лучшему. Вдруг, пока я буду благодарить, мне удастся выудить из него ответы на пару вопросов? На это я рассчитывал. Я решил со звонком вежливости подождать до выходных. Рассчитывал к тому времени выработать тактику. Какой глупостью все это кажется сейчас! Что за гордыня — предположить, что я смогу сразиться в игре с настоящим мастером, в игре, которую он сам выбрал и по его правилам, менявшимся по ходу!

В данном случае я опоздал. Эту игру Сирил уже выиграл. К телефону в Дибблетуайте подошла Эгги, приходящая помощница Клер. Голос у нее дрожал, но она была воодушевлена тем, что честь сообщить печальные новости выпала ей. Его светлости стало плохо, по-настоящему плохо утром, по дороге в туалет. Упал, и всё. Когда она, Эгги, пришла, ровно в восемь, ее светлость сидела в «скорой помощи», лорд Энтуисл лежал на носилках и машина как раз собиралась тронуться. Водитель сказал, что они направляются в Коро-

левскую больницу в Лидсе.

— Хороший был старикан, его-то светлость. Смеху с ним столько! — Эгги хихикнула сквозь всхлипы. — Говорил, хочет разрисовать мое срамное. «Как так? — подыграла я ему. — Вы ж никогда не хотели, чтоб я голая позировала. Ох, вы старый греховодник!» А он мне: «Не позировать, Эгги. Только разрисовать. В какой цвет захочешь — красный, желтый, синий». Вот шутник был, хоть по телеку показывай. Вот он какой был, да?

Я попросил Эгги оставить записку, что я звонил, новости узнал и позвоню снова вечером. Затем я позвонил в Королевскую больницу, но там ничего толком не сообщили. Лорда Энтуисла положили, он сейчас отдыхает, посетителей к нему не пускают (за исключением леди Энтуисл, которая при нем), беспокоить его нельзя.

До Клер я дозвонился только в одиннадцать вечера. Голос у нее был усталый, но спокойный. У Сирила случился обширный инсульт, днем он впал в кому. Оснований для надежды никаких, да и надежд у нее нет. Время чудес давно прошло. Он прожил хорошую жизнь, да и долгую. Жаловаться не на что.

— Только… — и тут ее голос на секунду дрогнул, — только я буду так по нему скучать.

Я что-то промычал — как бывает, когда на язык просятся одни банальности и ты ругаешь себя за то, какой ты черствый и неискренний. Я предложил приехать к ней в Дибблетуайт, подменить ее у постели Сирила в больнице, готов был помочь чем угодно. И, к стыду своему, испытал облегчение, когда она сказала, чтобы я оставался в Лондоне.

— Нет никакого смысла приезжать. Сирил все равно не поймет, что ты рядом. Я не одна. Ты ведь помнишь мою кузину Бетт? Она сейчас со мной. И еще у нас с Сирилом много друзей в округе. Его здесь, знаешь ли, любят.

Она пообещала держать меня в курсе, а сейчас устала и хочет отдохнуть.

Довольно категорично, вам не кажется? В отношениях между людьми и так полно недопонимания, нюансы смыслов при передаче теряются. А по телефону тем более. Говорящему не всегда удается передать то, что он хотел. Закашлялся, сделал паузу не там, замялся, потому что собрался чихнуть — все это и многое другое могут исказить смысл сказанного. Слушающий всегда настороже, все истолковывает по-своему, а порой даже вкладывает в услышанное смысл, которого нет.

Однако было совершенно ясно, что Клер не хочет, чтобы я приезжал в Дибблетуайт или в Лидс. Нужно ли было воспринимать ее слова буквально? Разумеется. Но мне показалось, что в ее тоне проскользнула нотка упрека. С ее точки зрения Сирил относился ко мне как к сыну. И неважно, до какой степени и при каких обстоятельствах Сирилу было угодно воспринимать меня так. И как я, сын, вел себя в последнее время? Когда здоровье моего отца пошатнулось, я отвернулся от него. Прозвучало ли это в голосе Клер или это говорила моя больная совесть? Не знаю, ей-ей, не знаю.

Мне в голову пришла абсурдная мысль: будь мамуля жива, новости из Дибблетуайта ее бы убили.

* * *

Мне позвонил Тимоти. Видел ли я газеты? В СМИ, как теперь принято говорить, только и разговора что о Сириле, о его творчестве и о состоянии его здоровья. Журналист Би-би-си стоял перед зданием Королевской больницы Лидса, произносил все фразы в знакомом бибисишном ритме и в такт качал головой. Ну чем не скетч «Монти Пайтона»*. Нам сказали, что в больнице

отказываются давать сводки. Ведущая теленовостей в студии понимающе закивала. «Гардиан» отметила, что лорда Энтуисла, радетеля простых людей по всему миру, долгое время не прельщали соблазны получить титул, но наконец он сдался. Далее подразумевалось: «И посмотрите, чем это обернулось». В «Таймс» вспоминали, что новоиспеченный лорд Энтуисл всегда был противоречивой фигурой, его творчество критиковали феминистки, а его нелицеприятные высказывания относительно Израиля и влияния евреев на мировую политику вызывали горячие споры по всей Великобритании. Главный раввин доктор Дэниэль Лейбовиц предложил во всех синагогах страны помолиться за здравие этого художника, праведника-нееврея, кто так трепетно изобразил страдания евреев во время Холокоста, что величайшее из его произведений находится не в одной из наших национальных галерей, а в музее Табакмана в Тель-Авиве. Архиепископ Кентерберийский, который не желал проиграть ни единой битвы в религиозных войнах, надеялся, что в Вестминстерском соборе найдется место — хочется надеяться, нескоро — для земных останков нашего брата во Христе лорда Сирила Энтуисла. А пока что наш долг — молиться за его

здравие. Аминь. Сочинители некрологов наверняка точили перья и вносили новые сведения в собранные данные. Весь мир культуры пребывал в волнении. Тобиас Партридж в «Ивнинг стэндард» пускался в разглагольствования на манер Шекспира: «Это человек, воплотивший в себе все жестокие противоречия прошлого века, возвышается над мирком искусства нынешнего подобно Колоссу». И все же Тимоти хотел узнать, *au fait*[234] ли я, известно ли мне то, что известно всему остальному человечеству.

Но звонил Тимоти не столько по поводу Сирила, все еще лежавшего в коме в Королевской больнице Лидса. Тимоти получил запрос от одного из американских коммерческих телеканалов. Не будет ли мне интересно написать сценарий художественно-документального фильма о Стэне Копсе — для популярного телесериала «История убийства»? Я исключительно подхожу для такого предприятия, поскольку я профессиональный писатель и знал Стэна лично. Это серьезный проект, уверил меня Тимоти, и он хорошо знаком с продюсером. К тому же за это предлагают денег больше, чем я заработал за

[234] Примечания: 234
Здесь: в курсе (*фр.*).

всю свою писательскую карьеру. «Спустись на землю!» — посоветовал мне Тимоти.

Что ж, мне это интересно. Ведь я на самом деле знал Стэна, знал его на протяжении многих лет, кроме того, я знал Саскию, знал Хоуп, знал брата и сына Стэна, а также многих из его коллег. Тимоти, наверное, прав: я как никто другой подхожу для этой работы. В настоящий момент у меня на письменном столе три начала трех разных романа, и все это — мертворожденные дети. Возможно, будет полезно выбрать иной путь, поместить, так сказать, свое семя в совершенно другое влагалище. Но писать биографию для телевизионной аудитории, биографию, отражающую разные этапы жизни человека, которые неотвратимо вели его от ничем не примечательного бруклинского детства к вершинам академической карьеры, а затем к убийству жены и последовавшему самоубийству, *hoc opus, hic labor est*[235]. Быть может, я смогу сочинить для Стэна жизнь более привлекательную, чем его собственная. Быть может, и нет.

Я пообещал Тимоти, что позвоню ему в ближайшее время, и я позвоню, быть может, сегодня

---

[235] Примечания: 235
Вот дело, вот в чем трудность (*лат.*). Цитата из Вергилия.

вечером или завтра утром. Буду честным хоть на миг: должен признаться, соблазн велик.

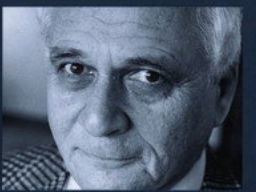
Коротко об авторе

Алан Ислер (1934–2010) родился в Англии и в восемнадцатилетнем возрасте переехал в США.

Служил в американской армии, учился, получил докторскую степень по английской литературе и почти тридцать лет преподавал английскую литературу в Университете Нью-Йорка.

Свой первый роман «Принц Вест-Эндский» он опубликовал, когда ему было уже за шестьдесят. Роман был удостоен Национальной еврейской книжной премии. Перу Ислера принадлежат еще четыре книги: «Образы Крейвена», «Любитель Бэкона», «Жизнь и искушения отца Мюзика» и «Живое свидетельство».

9 785995 305347



«Алану Ислеру неизменно удается сочетать комедию, чуть ли не на манер Вудхауза, и горькую, напрочь лишенную сентиментальности трагедию. — Sunday Times

«Прозу Алана Ислера — в зависимости от точки зрения — можно назвать и серьезной не без игривости, и игривой не без серьезности… Притом Ислеру есть что сказать, и он говорит всерьез и даже мудро об истории и о том, как нелегко человеку жить в ней. А именно к этому стремятся наши лучшие писатели-юмористы. — СЭНФОРД ПИНСКЕР, Washington Post Book World

«Алан Ислер — подлинный мастер: каждая его фраза безупречно изящна, взвешена и отточена. — МЭТТ СИТОН, Guardian

проза еврейской жизни

Алану Ислеру неизменно удается сочетать комедию, чуть ли не на манер Вудхауза, и горькую, напрочь лишенную сентиментальности трагедию.

Sunday Times

Прозу Алана Ислера — в зависимости от точки зрения — можно назвать и серьезной не без игривости, и игривой не без серьезности… Притом Ислеру есть что сказать, и он говорит всерьез и даже мудро об истории и о том, как нелегко человеку жить в ней.

А именно к этому стремятся наши лучшие писатели-юмористы.

Сэнфорд Пинскер, Washington Post Book World

Алан Ислер — подлинный мастер: каждая его фраза безупречно изящна, взвешена и отточена.

Мэтт Ситон, Guardian